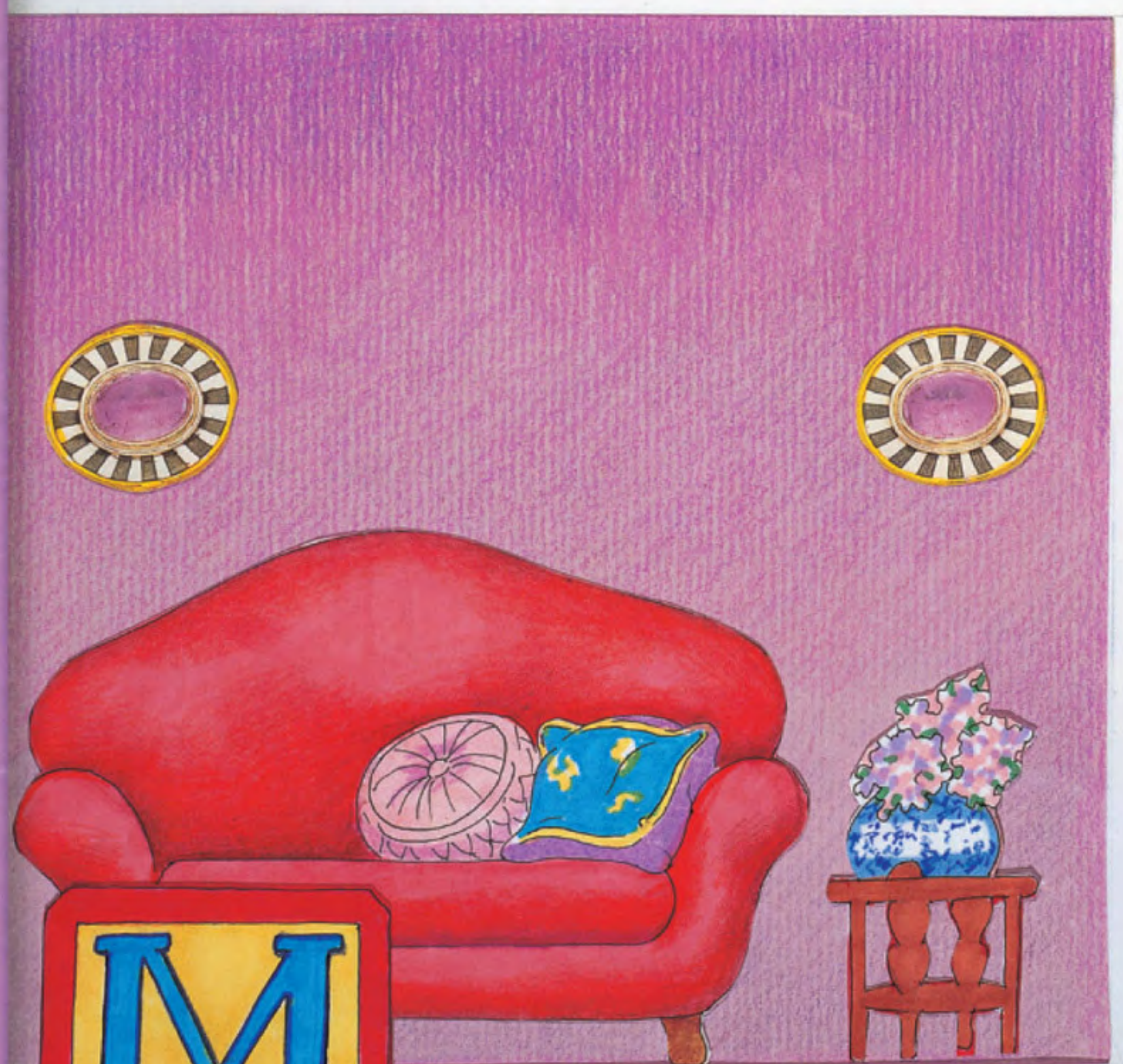
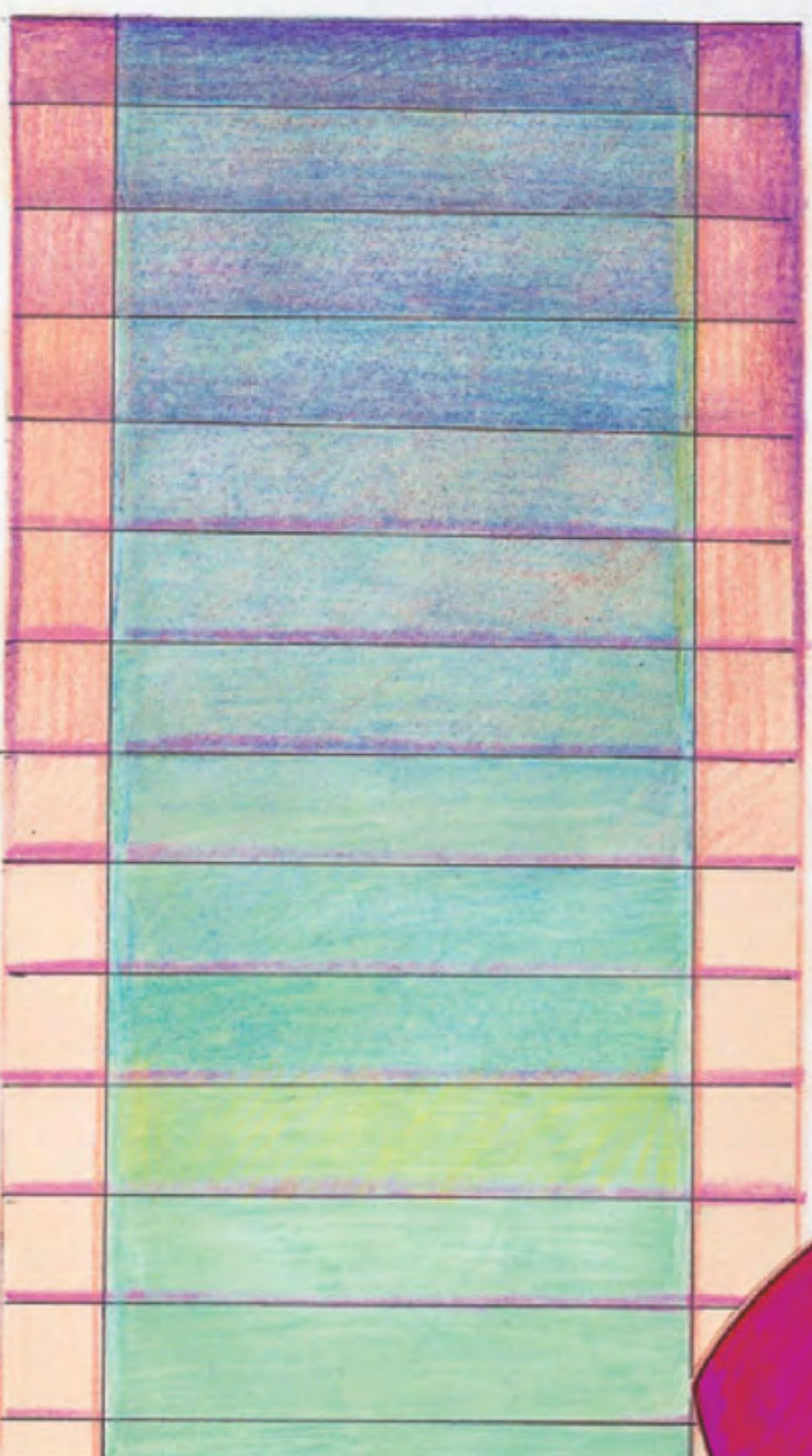
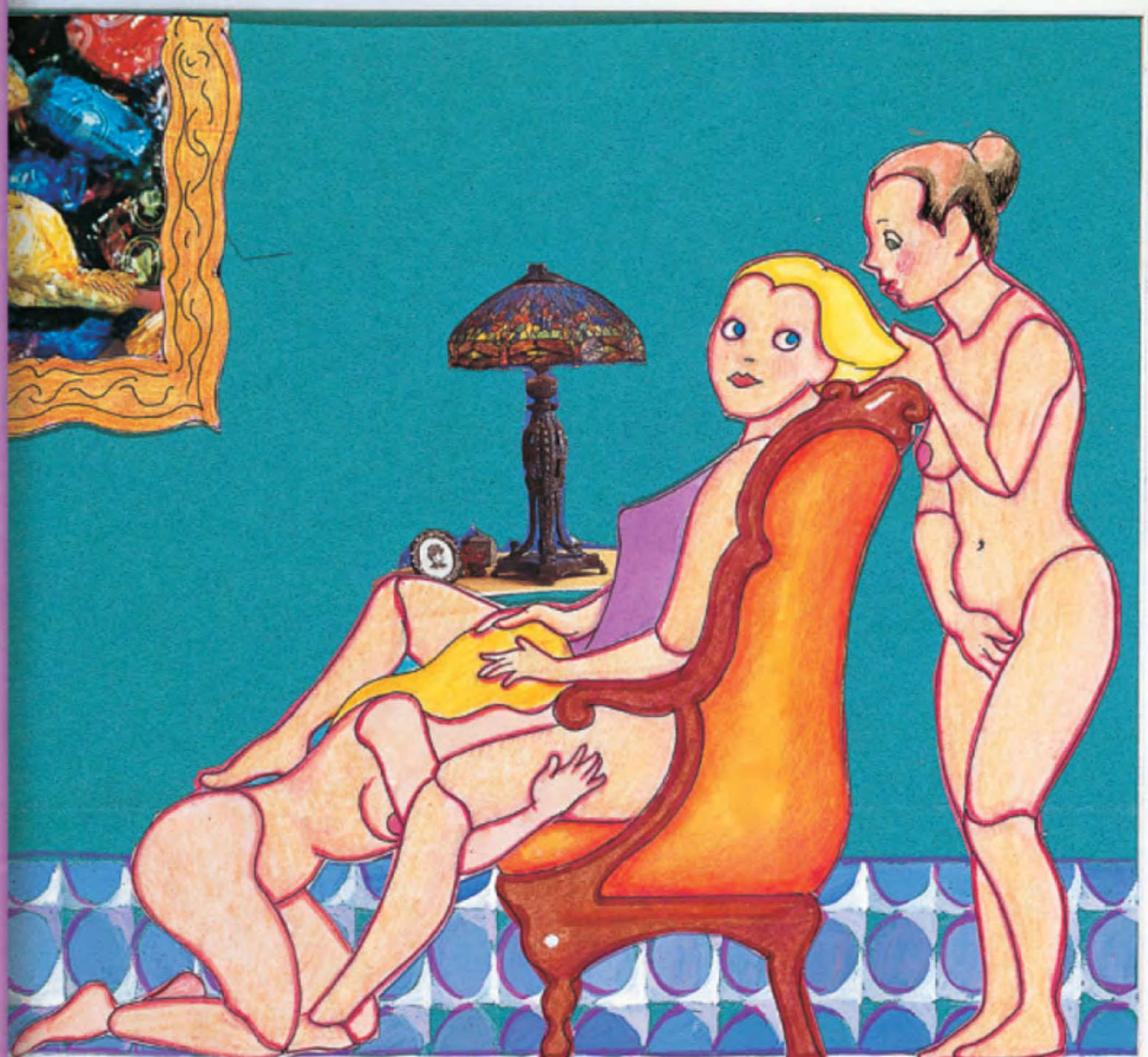
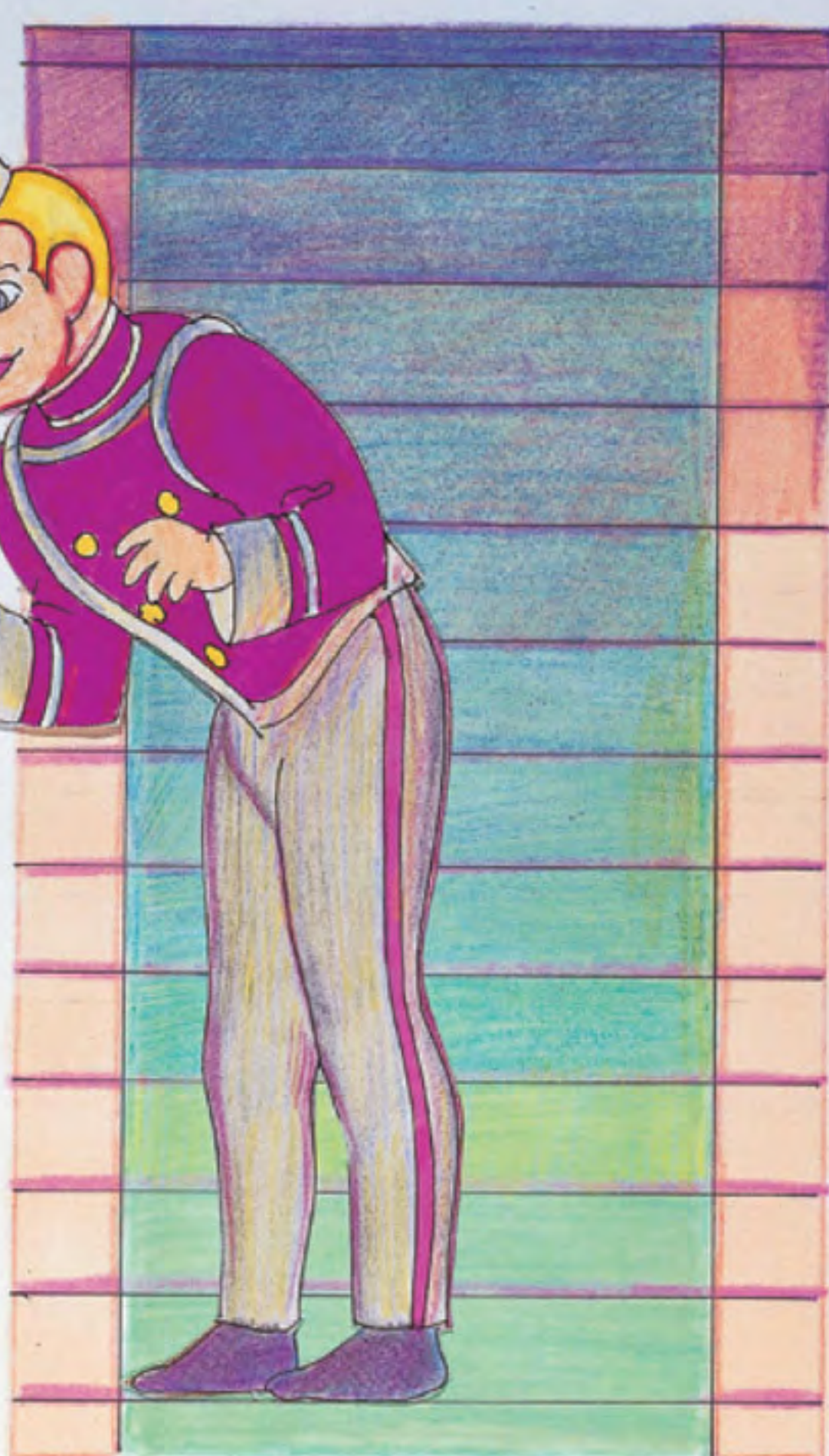

Пронащѣ 2

Книга

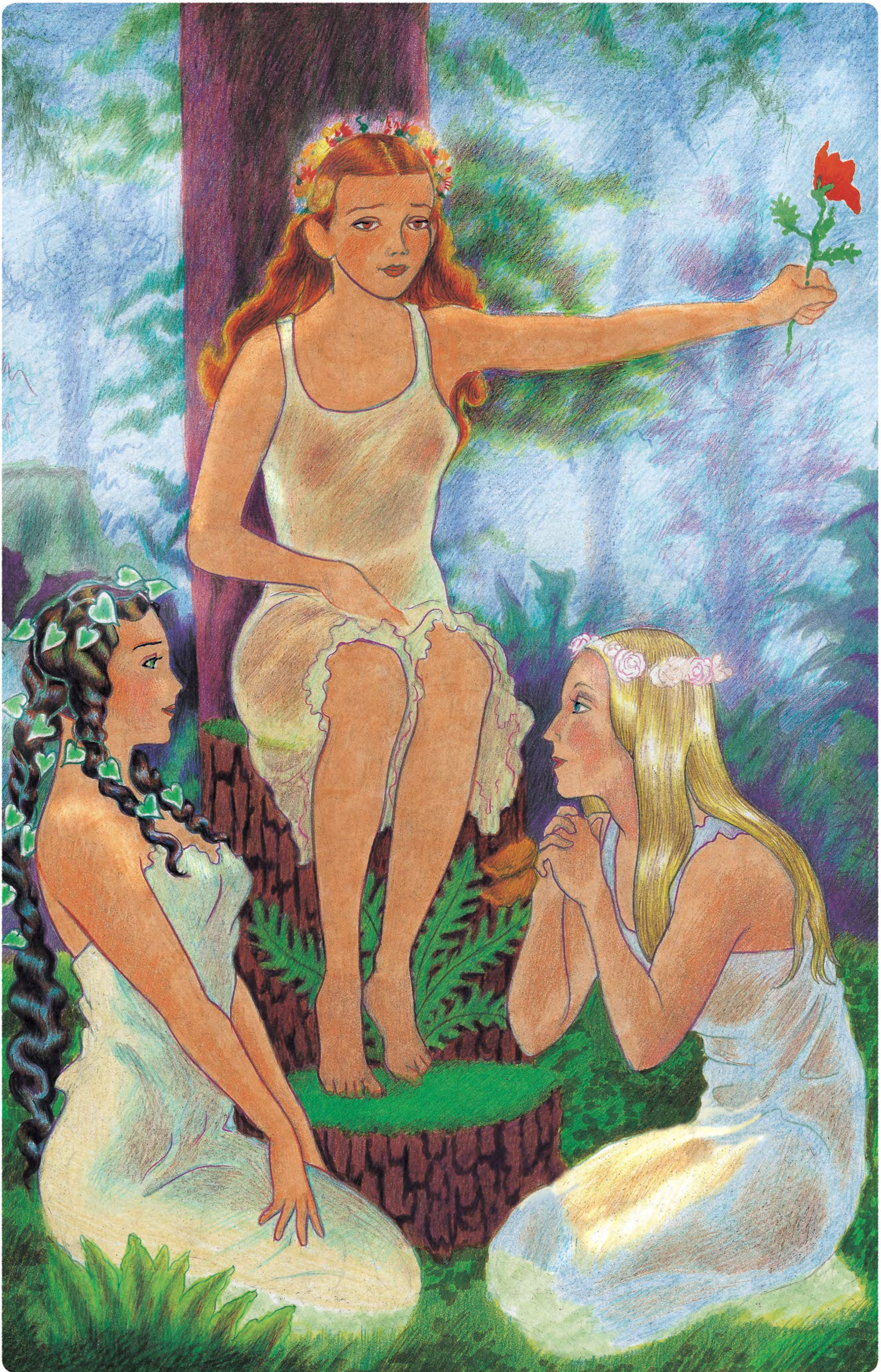
ДѢВЧОНКИ

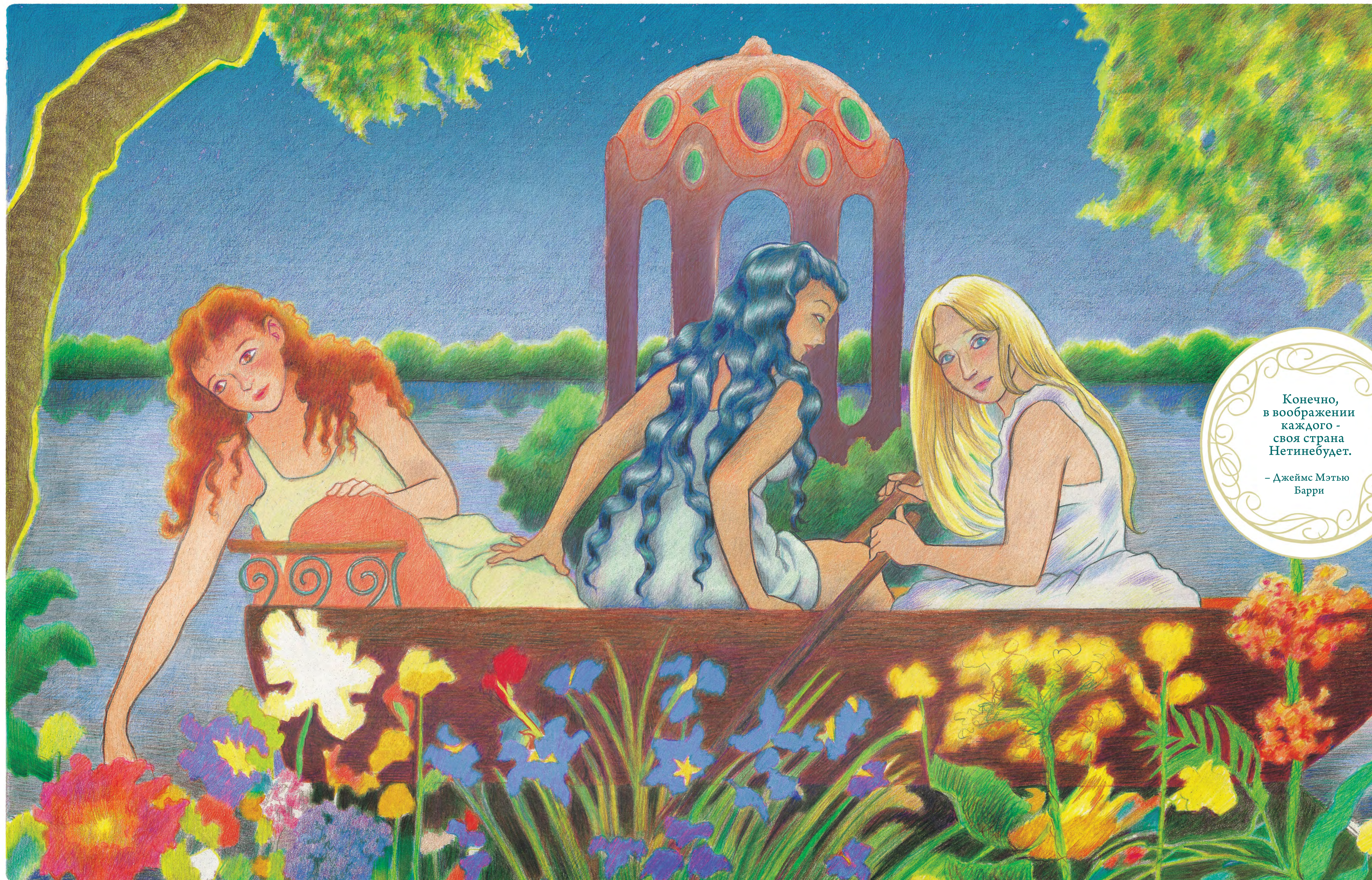
КОНЕЧНО,
В
ВООБРАЖЕНИИ
КАЖДОГО –
СВОЯ
СТРАНА
НЕТИНЕБУДЕТ.

– Джеймс Мэтью Барри

«Нетинебудет»

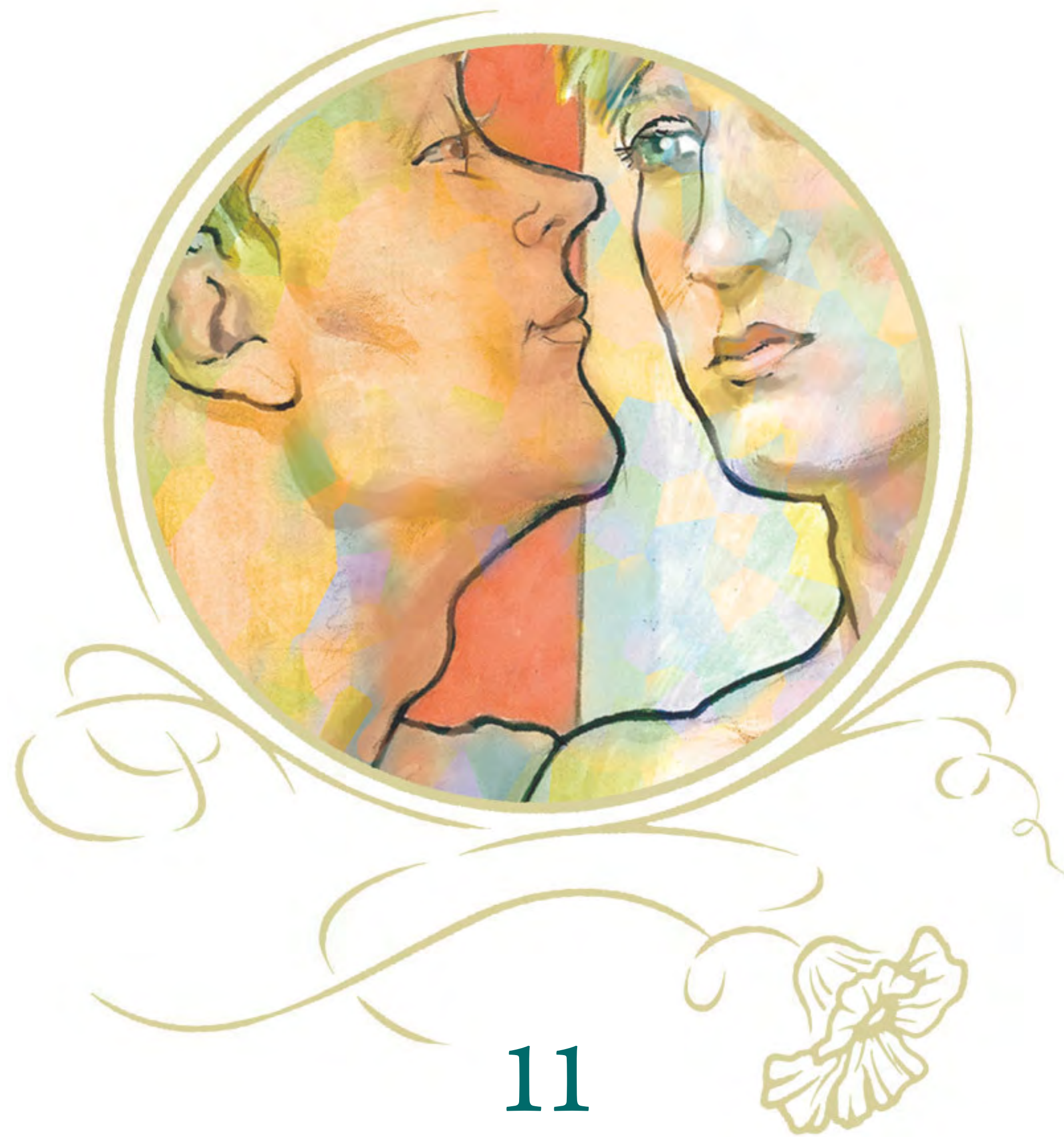
ПРОПАЩЕ
КНИГА ДЕВЧОНКИ²

Конечно,
в воображении
каждого -
своя страна
Нетинебудет.

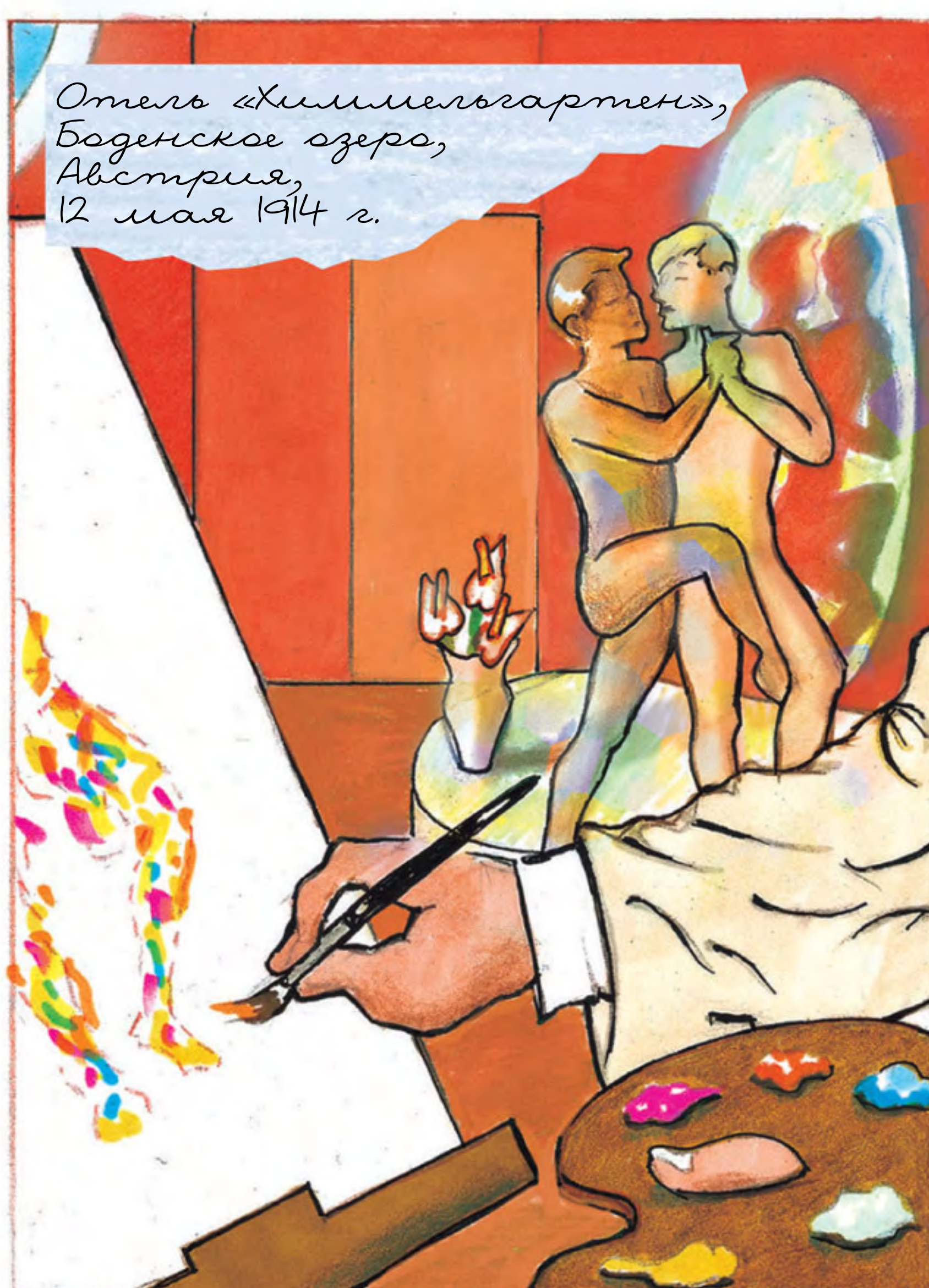
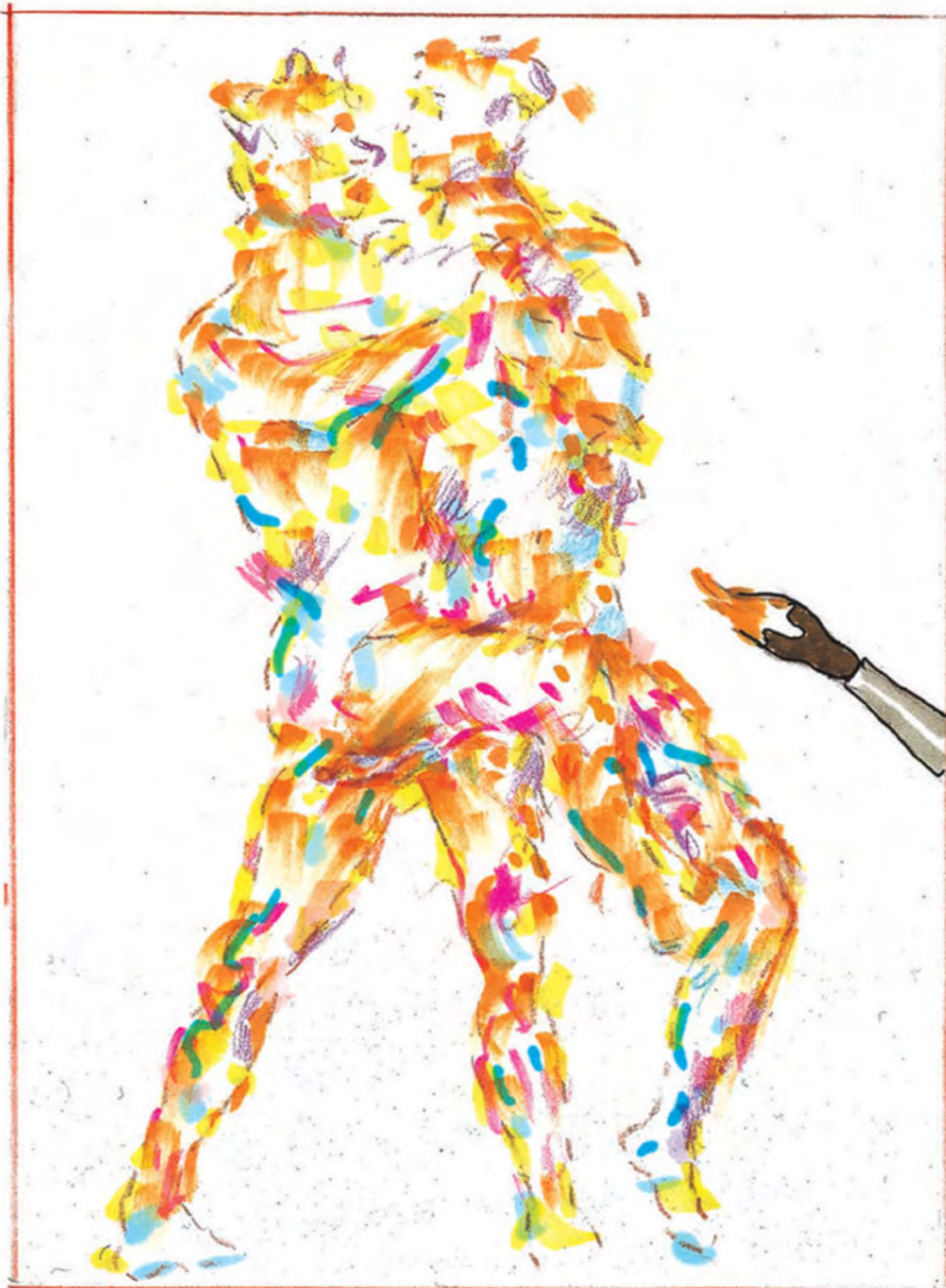
- Джеймс Мэтью
Барри

глава

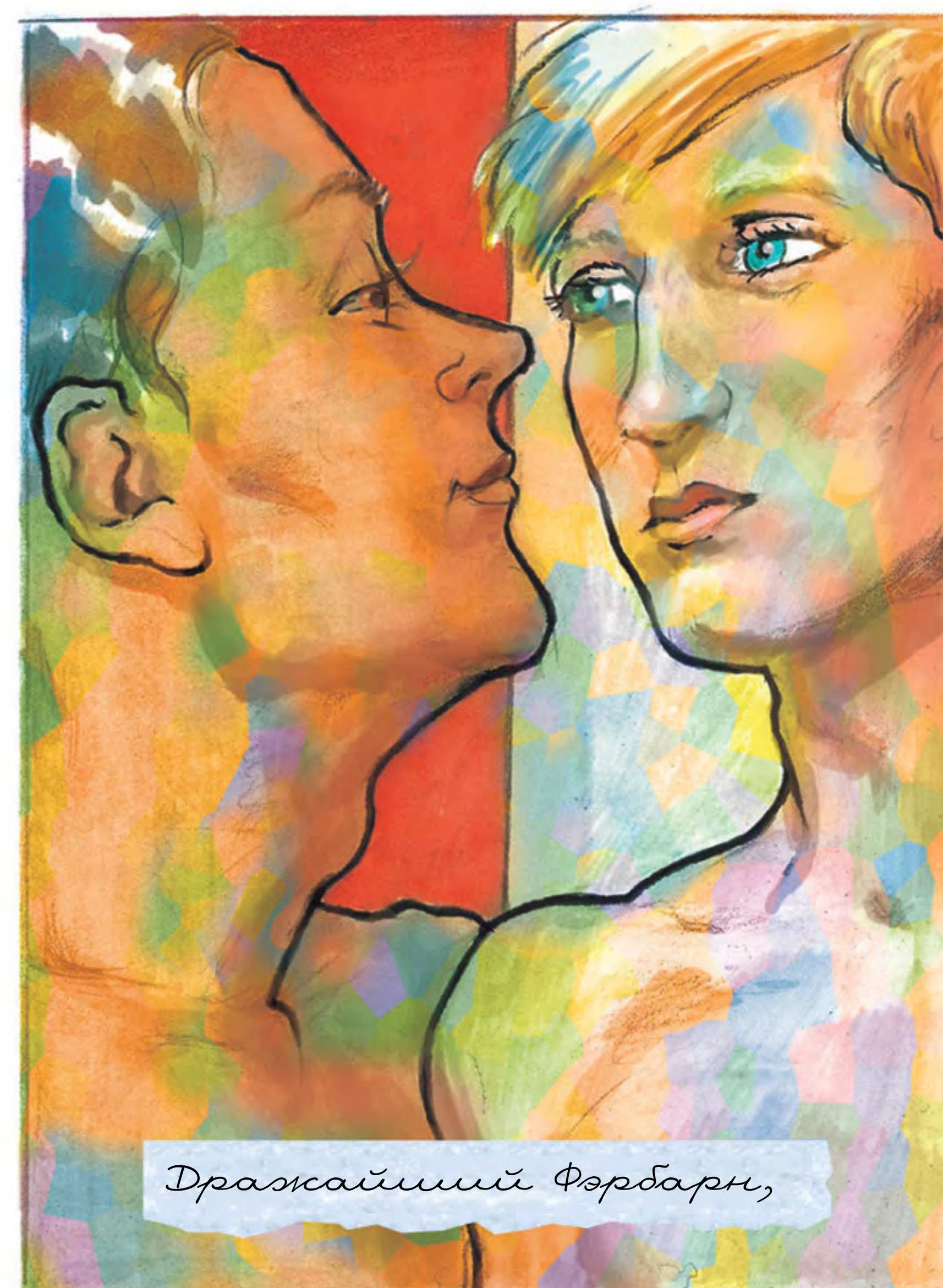

11

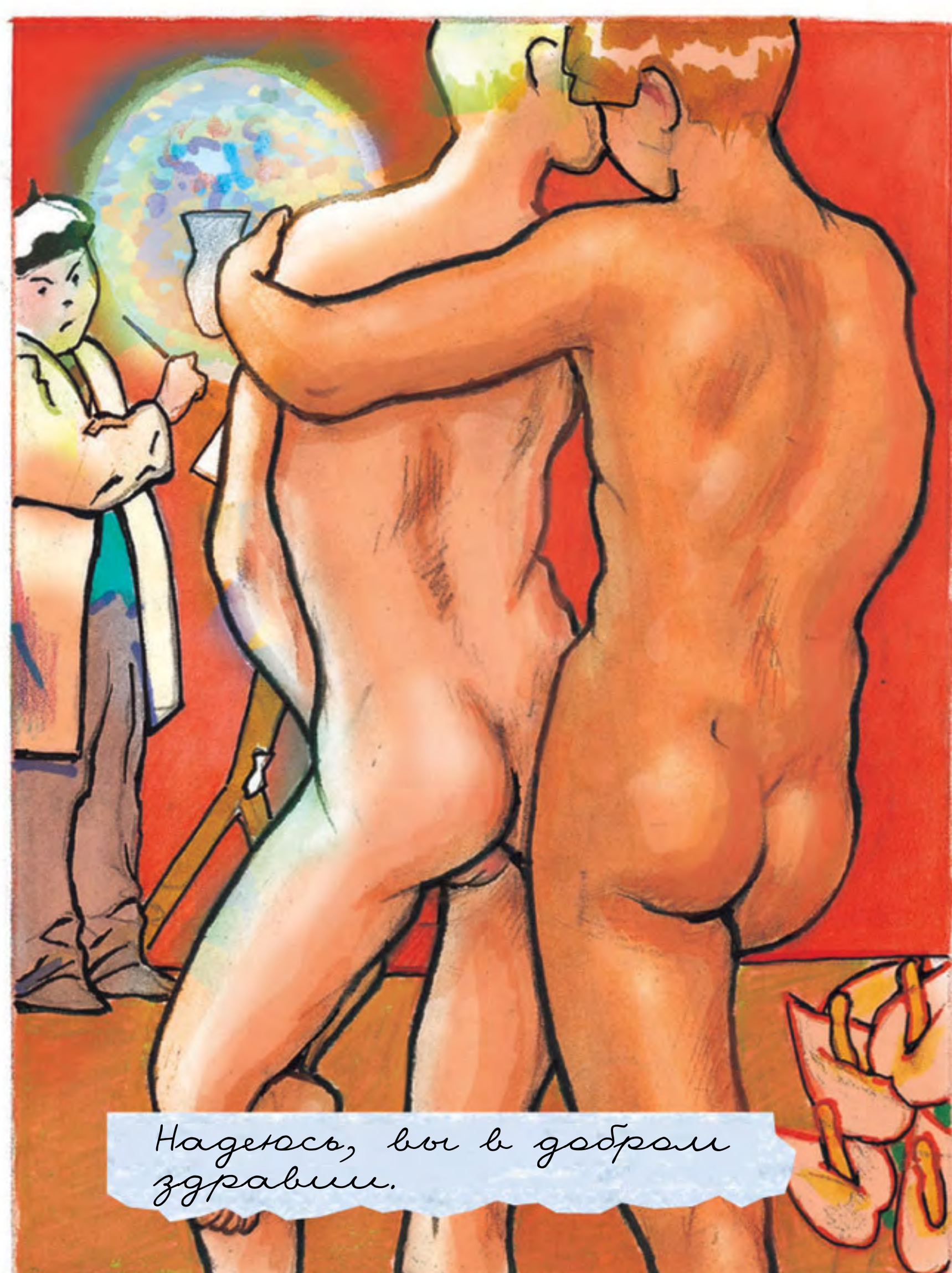
Бег по кругу и топтание на месте

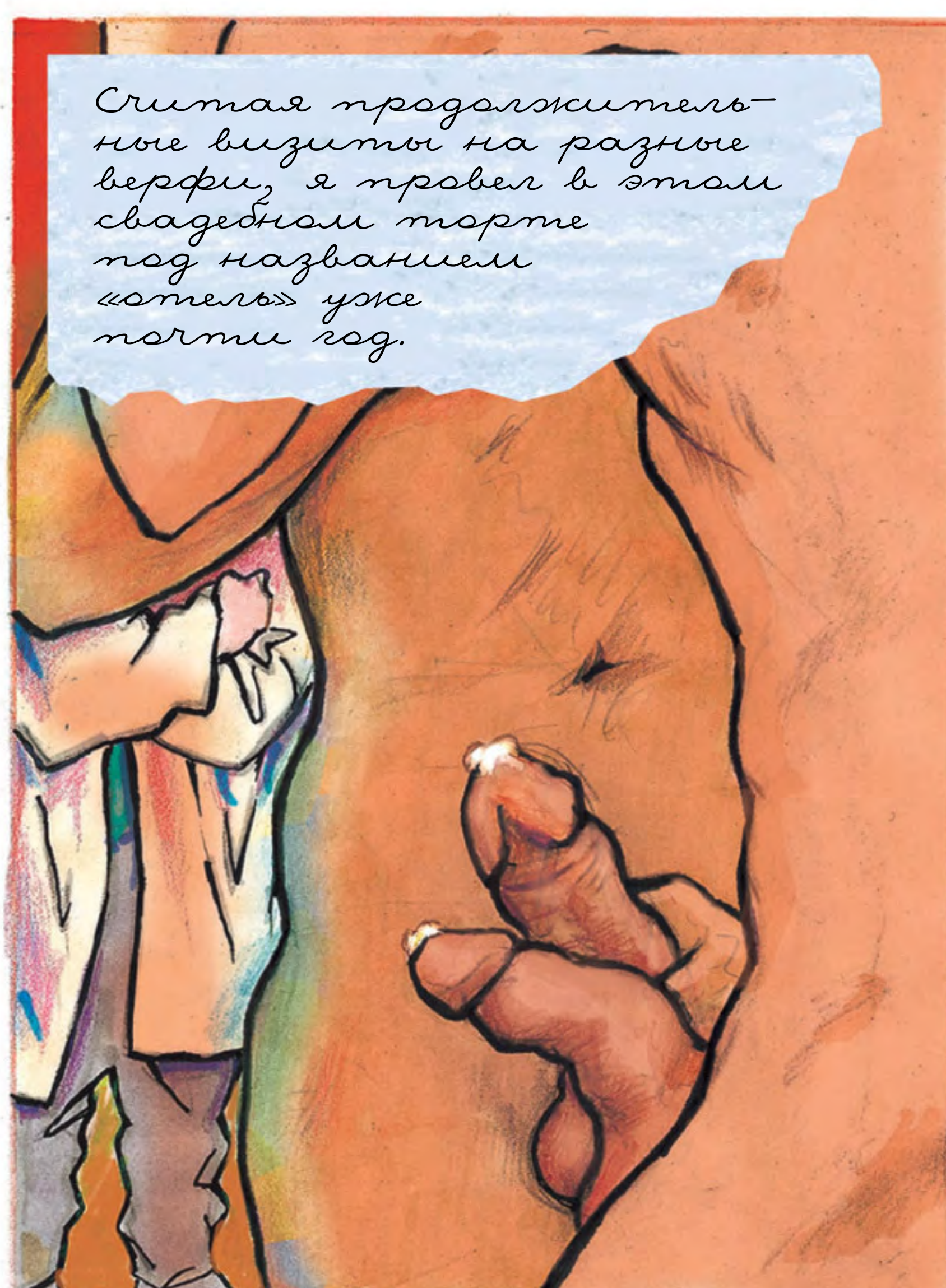
Отель «Химмельсгартен»,
Боденское озеро,
Австрия,
12 мая 1944 г.

Дражайший Фэрбарт,

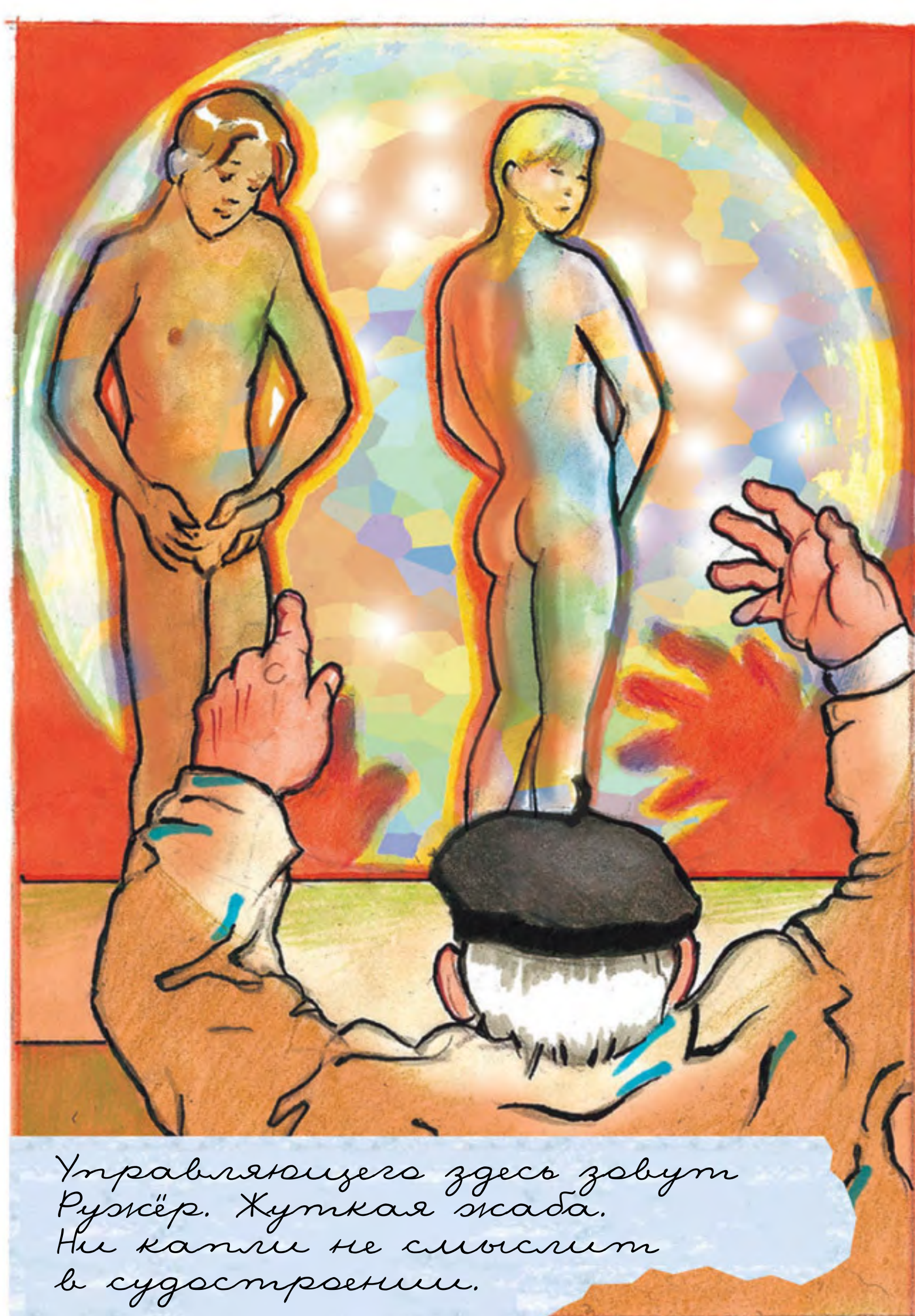
Надеюсь, вы в добром
здравии.

Считаю продолжитель-
ные визиты на разные
верфи, я провел в этом
свадебном торте
под названием
«отель» уже
почти год.

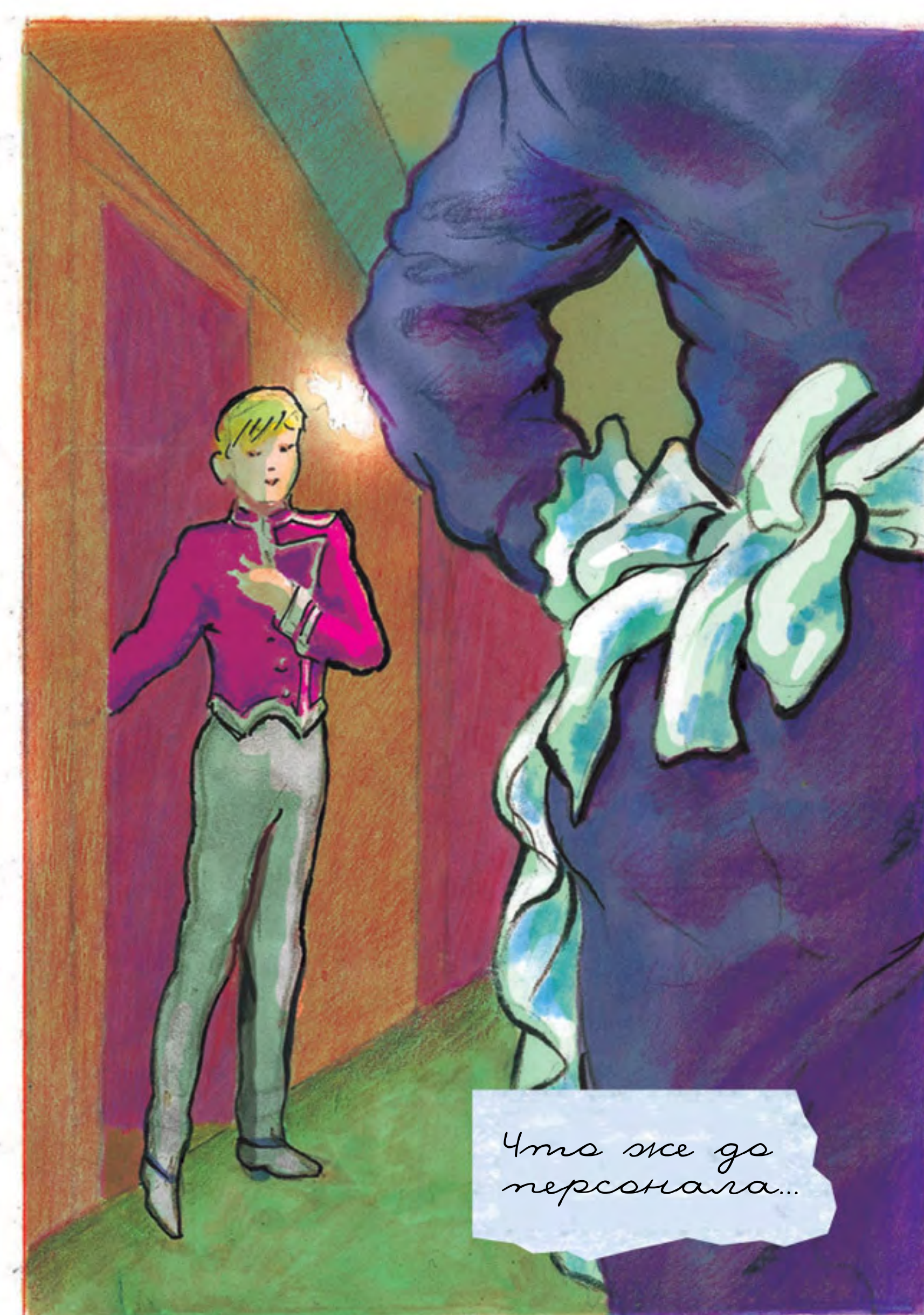
Скука страшная.

Управляющего здесь зовут
Ружер. Жуткая жара.
Ни капли не смысла
в судостроении.

Между нами - полагает,
жизнь у него пустая и
однообразная. Это даже
печально.

Что же до
персонала...

Иногда они
бывают из-
редна груди.
Типичная
малодерж.

Никаких амбиций. Не знают,
что делать со своей жиз-
нью; дни напролет
бьют баклуши.

Заведи речь о минимальной
талиции корпуса - они
только глазами
звонят.

Когда я был
на возраст,
всегда зани-
мался физичес-
кими
упраж-
нениями...

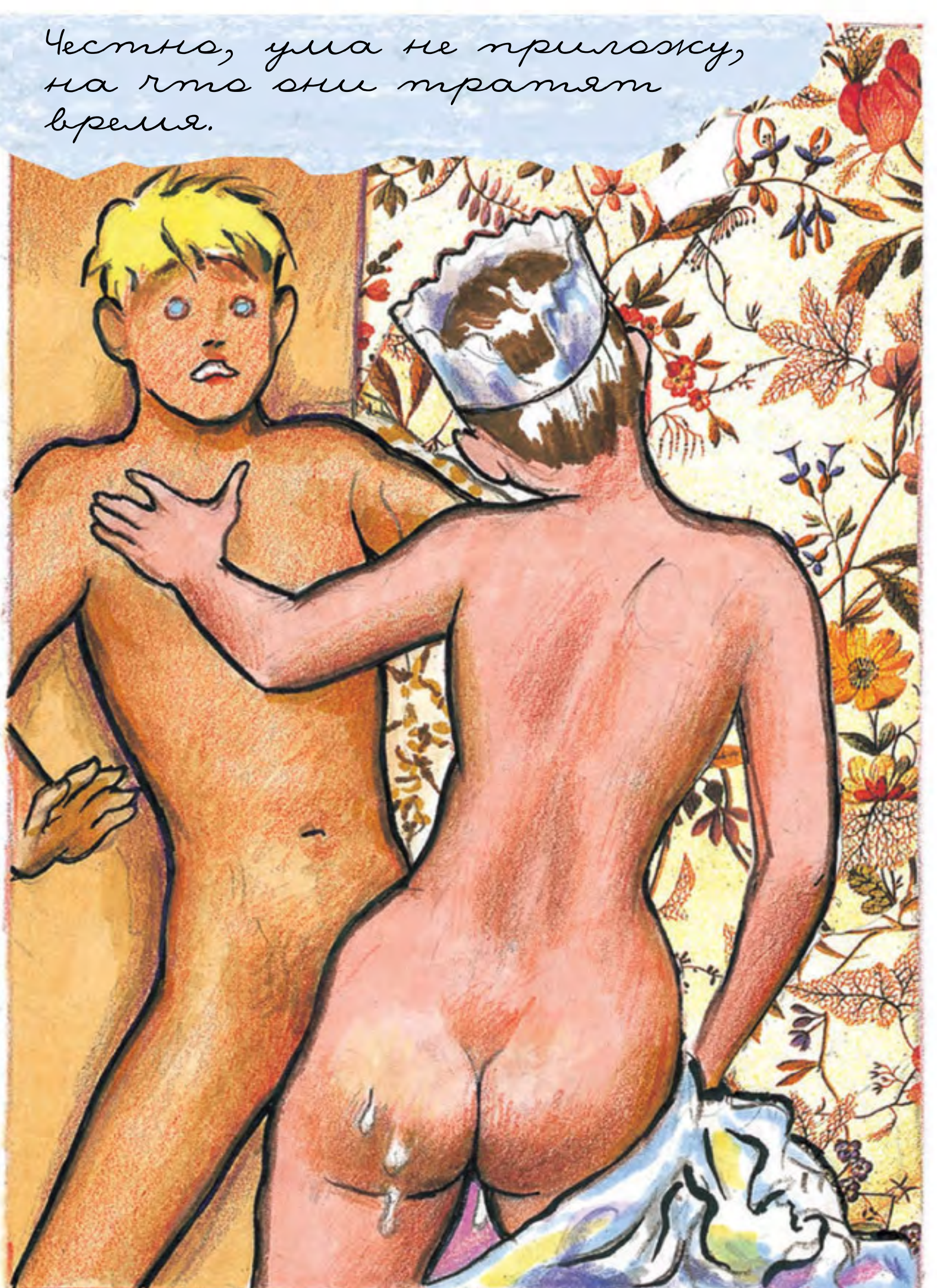

...точно,
собирал
водомерок.

Номера поездов.

Честно, ума не приложу,
на что они тратят
время.

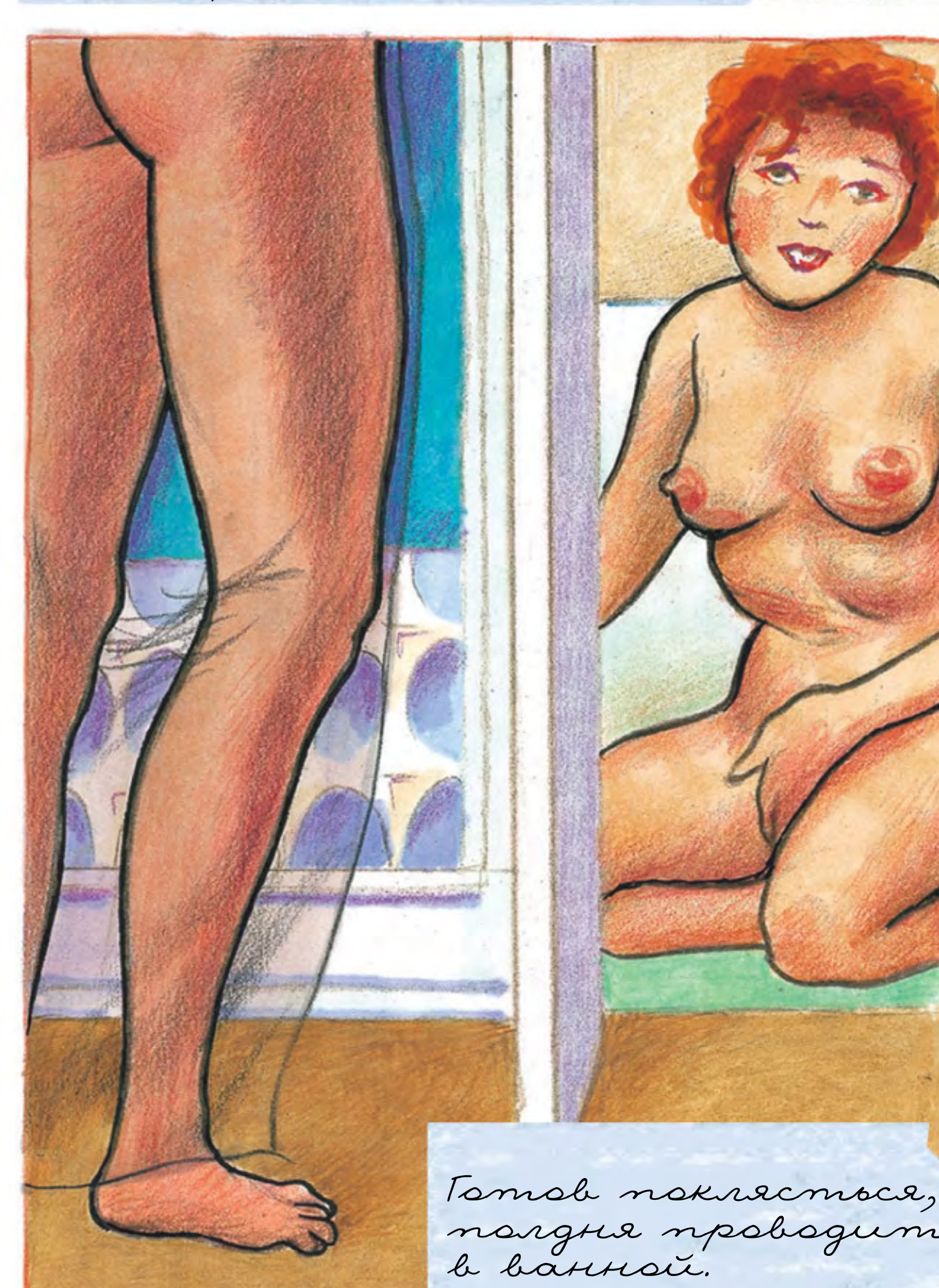
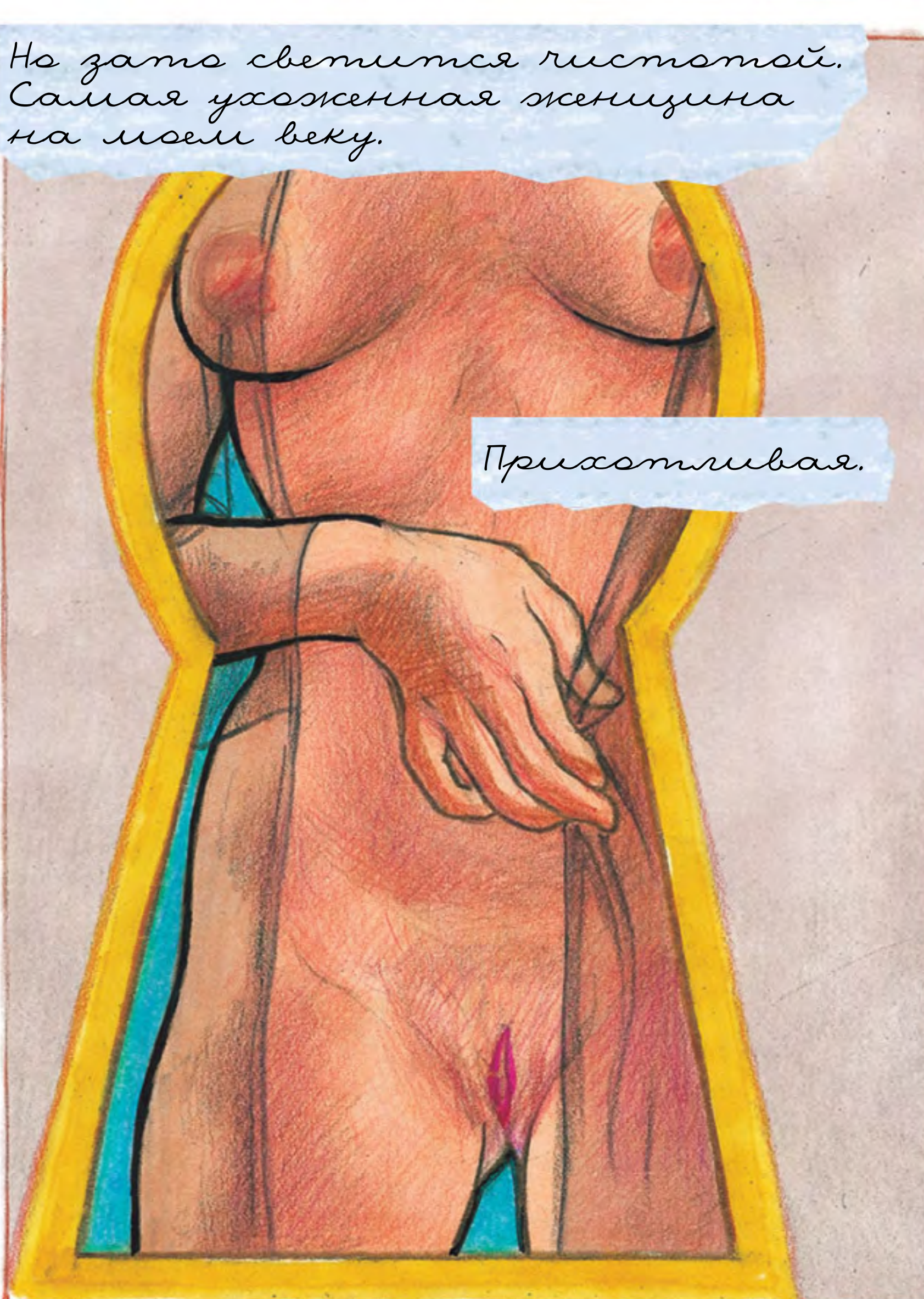
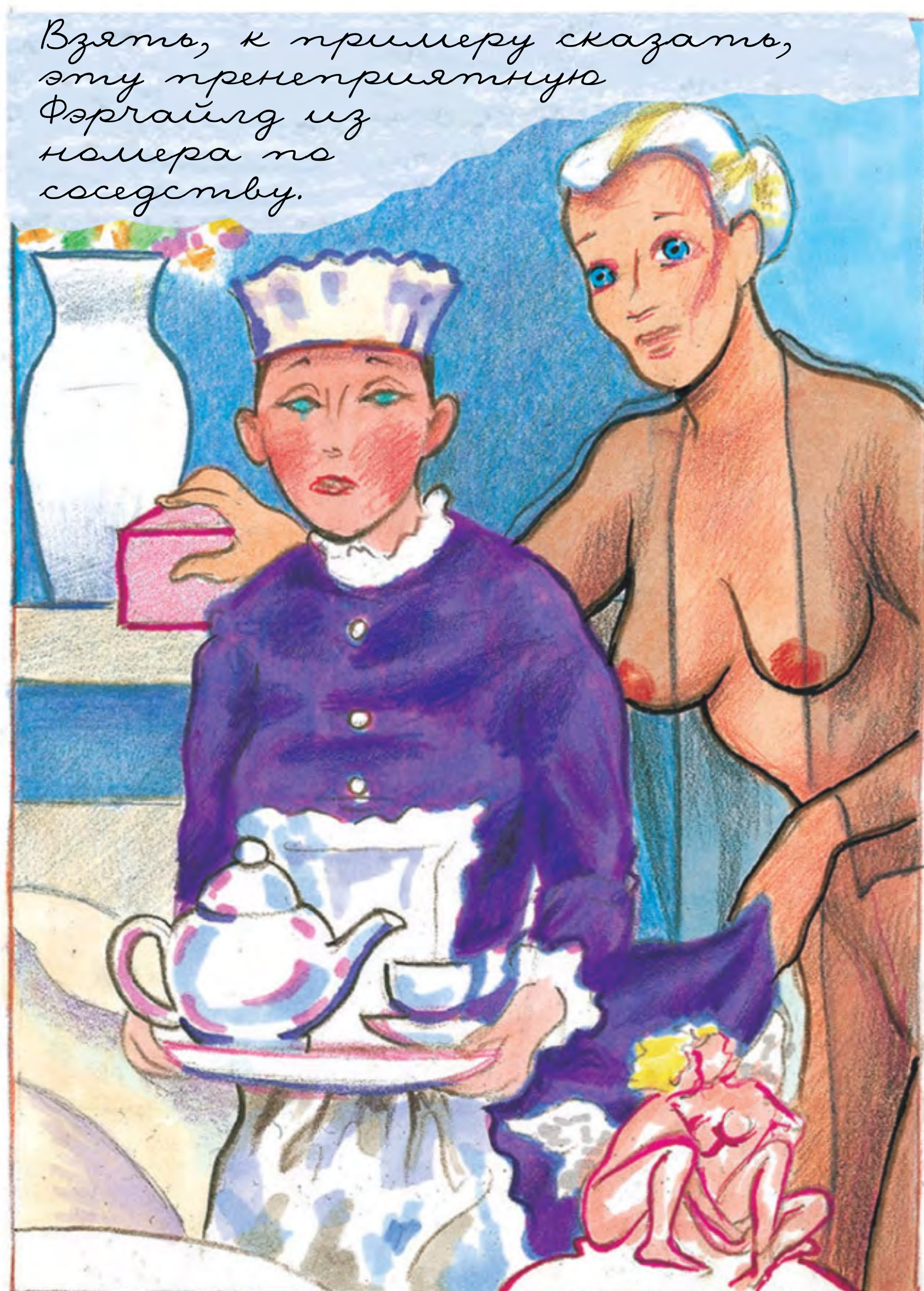
Попроси чаю
и кексов
в номер -
так это
займет
целую веч-
ность.

И форме их не повредила
бы глянца. Впрочем, и им
можно поспособствовать.

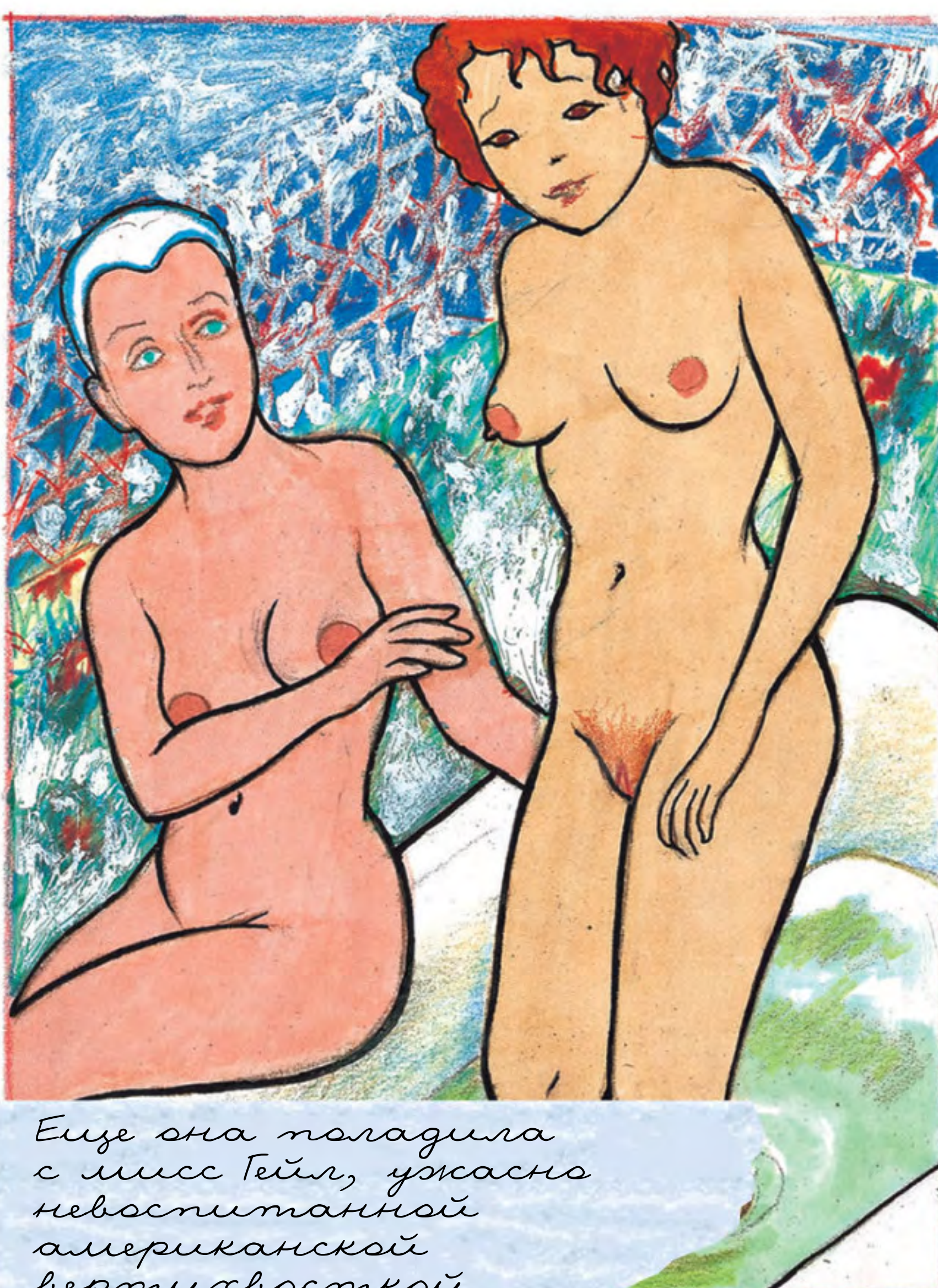

Как вспомним,
с какими постояльцами
им придется иметь дело.

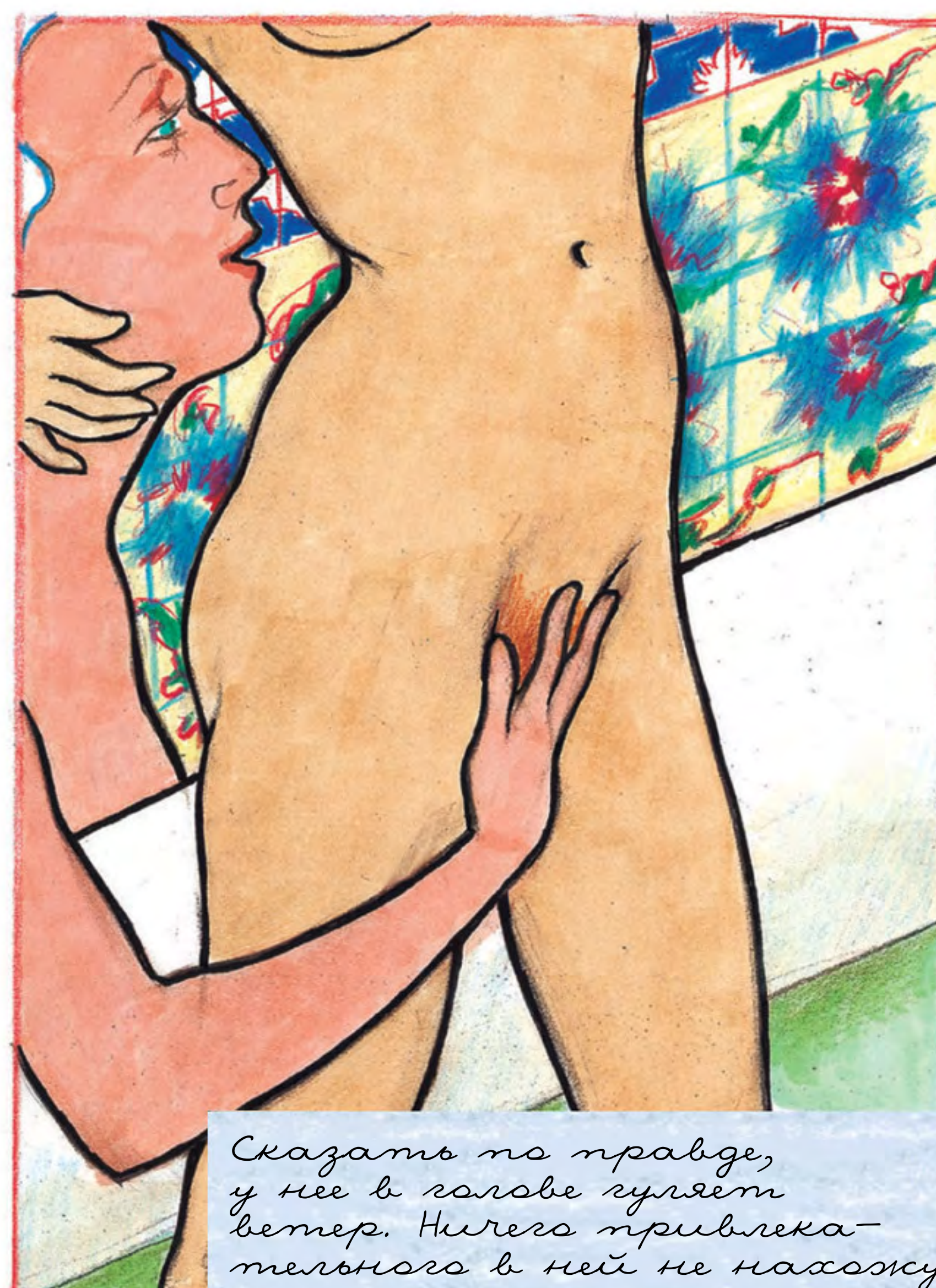

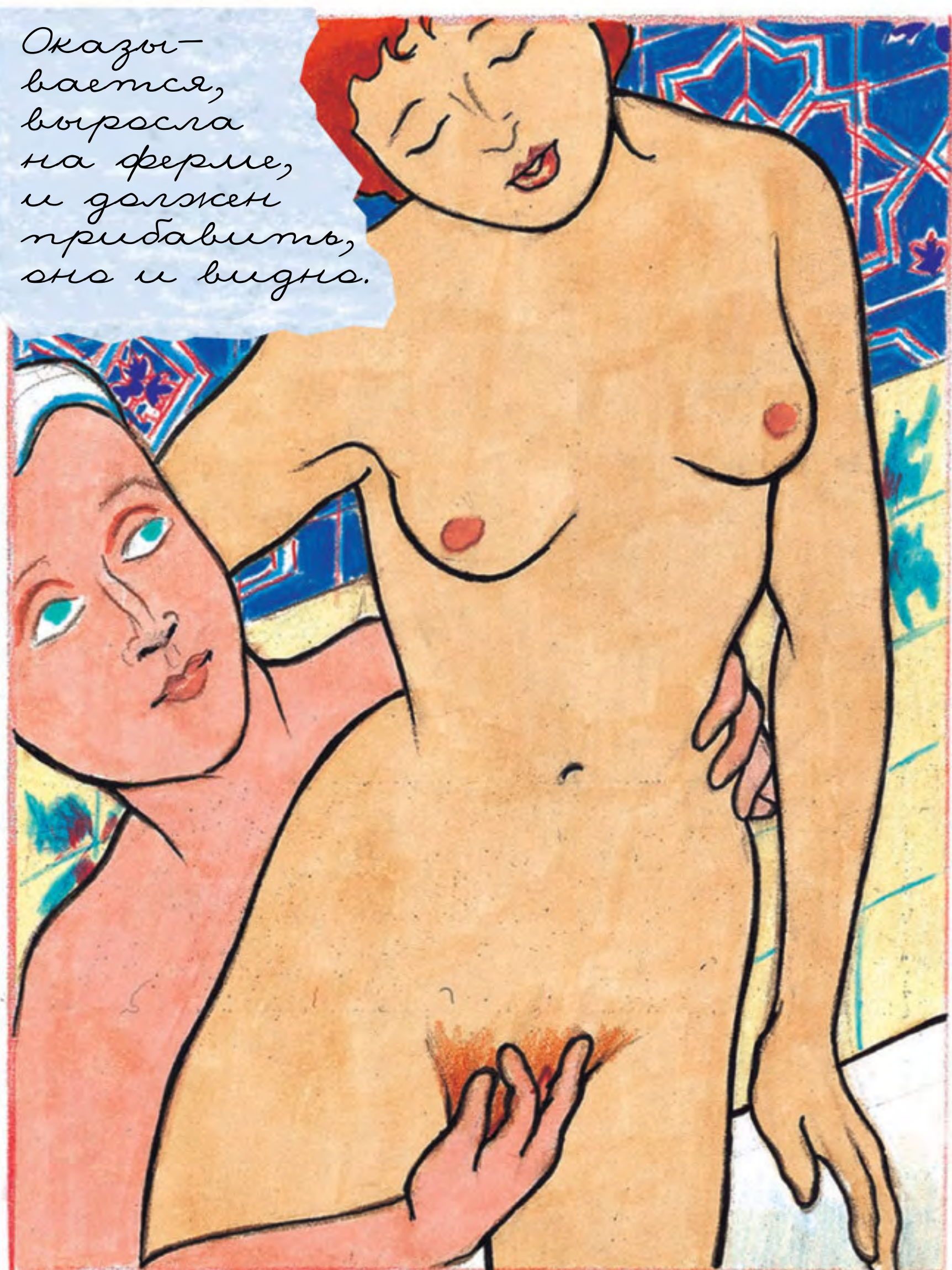
Завтра моя жена идет на панинтие со старой кошелкой, так что, очевидно, она находит в ней что-то интересное.

Еще она поладила с мисс Гейл, ужасно невоспитанной американской вертикавосткой.

Сказать по правде, у нее в голове гудит ветер. Ничего привлекательного в ней не нахожу.

Оказывается, выросла на ферме, и должен прибавить, она и видно.

Деревенские манеры, если вы меня помните.

Будь она британкой, еще бы угилась в школе. Ужасно юная и наивная.

Молоко на губах не обсохло.

Ей бы найти молодого хваста, чтобы научил жизни.

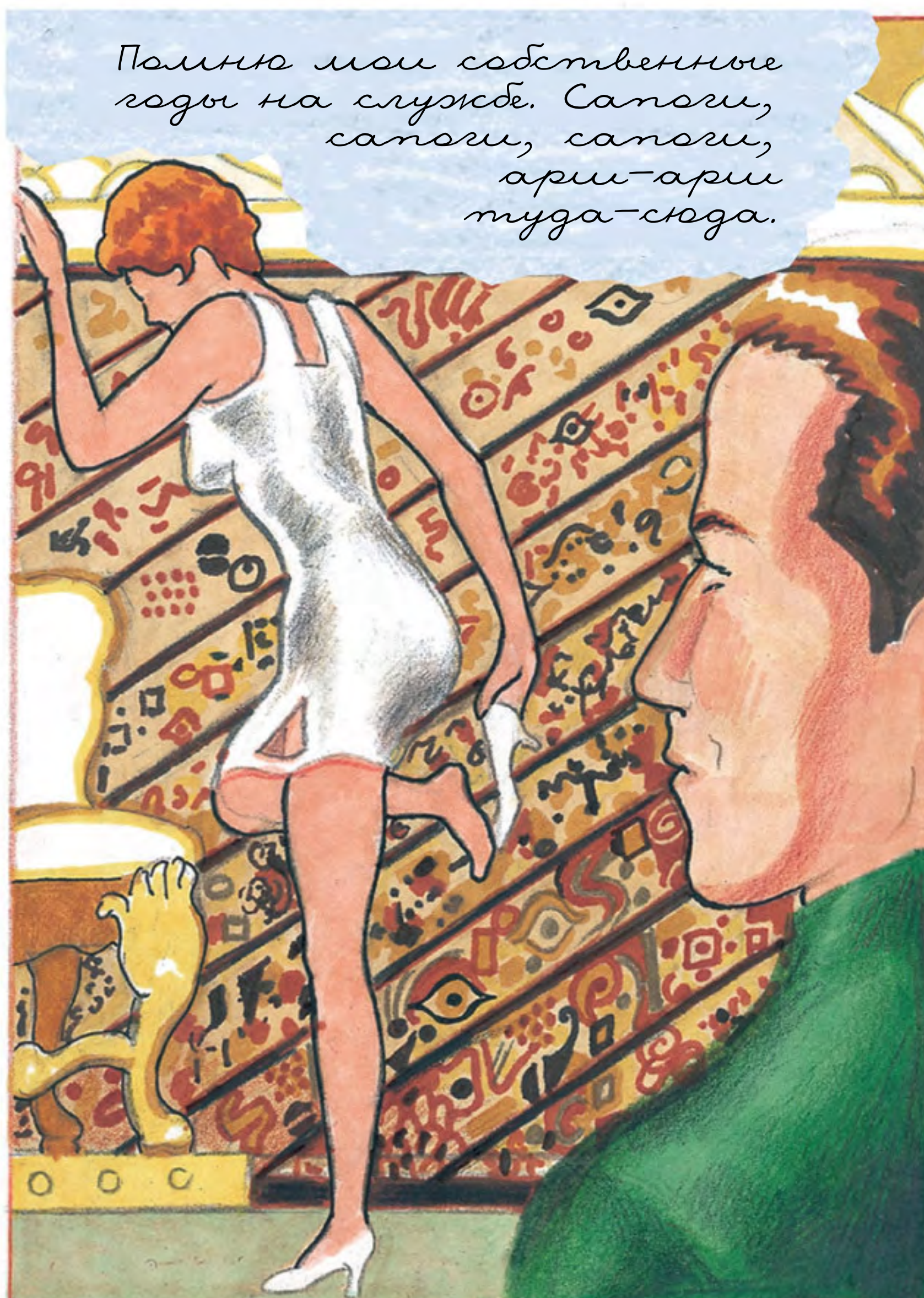
Водится она тут с одним магом. Австриец, по имени Бауэр. Парень не промах.

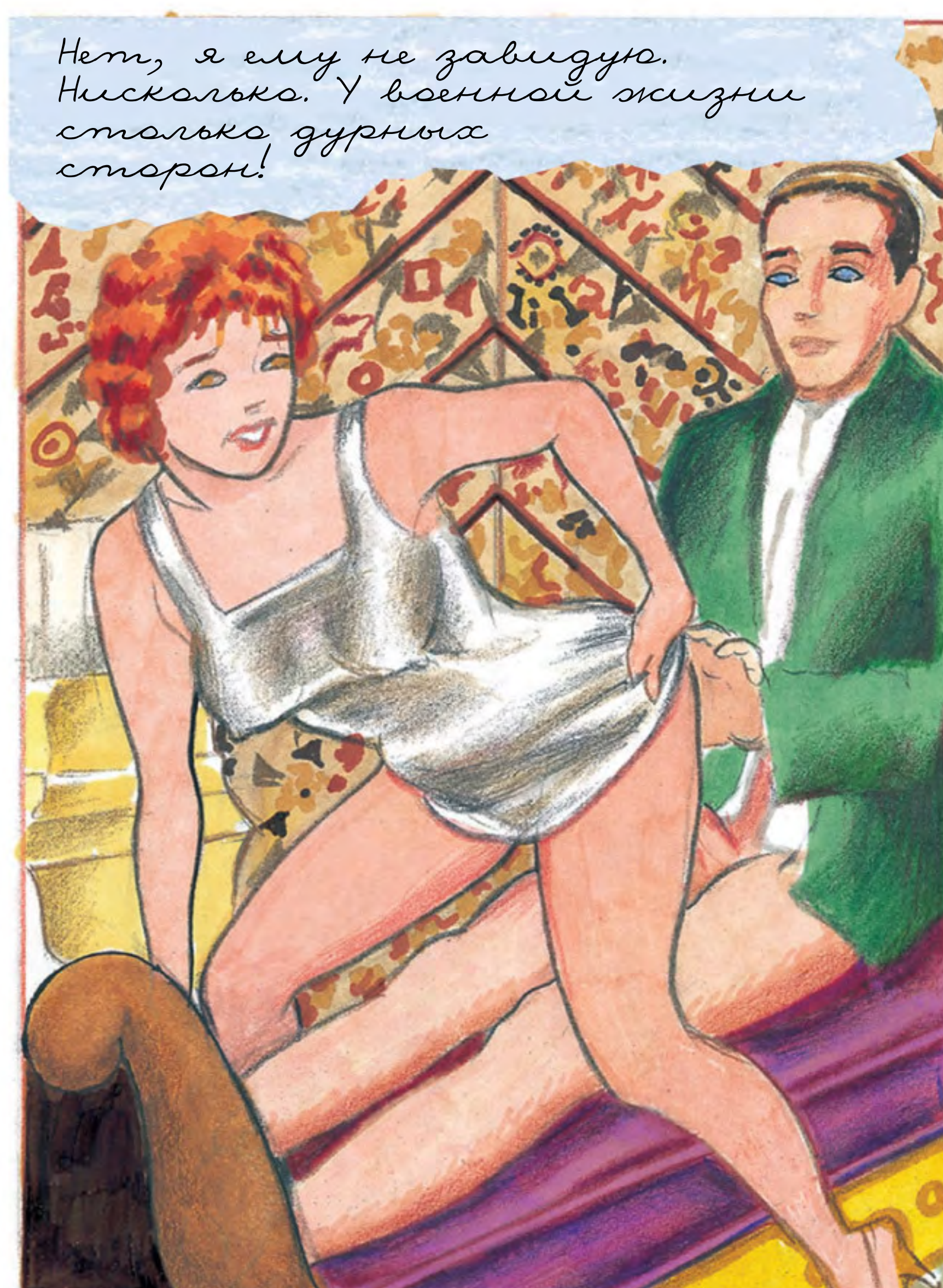
Из тех, кто всегда следит за одеждой. Достойнейший человек.

Беседовал с ним раз-другой. Оказывается, солдат. Отправляется от раны, бедолага.

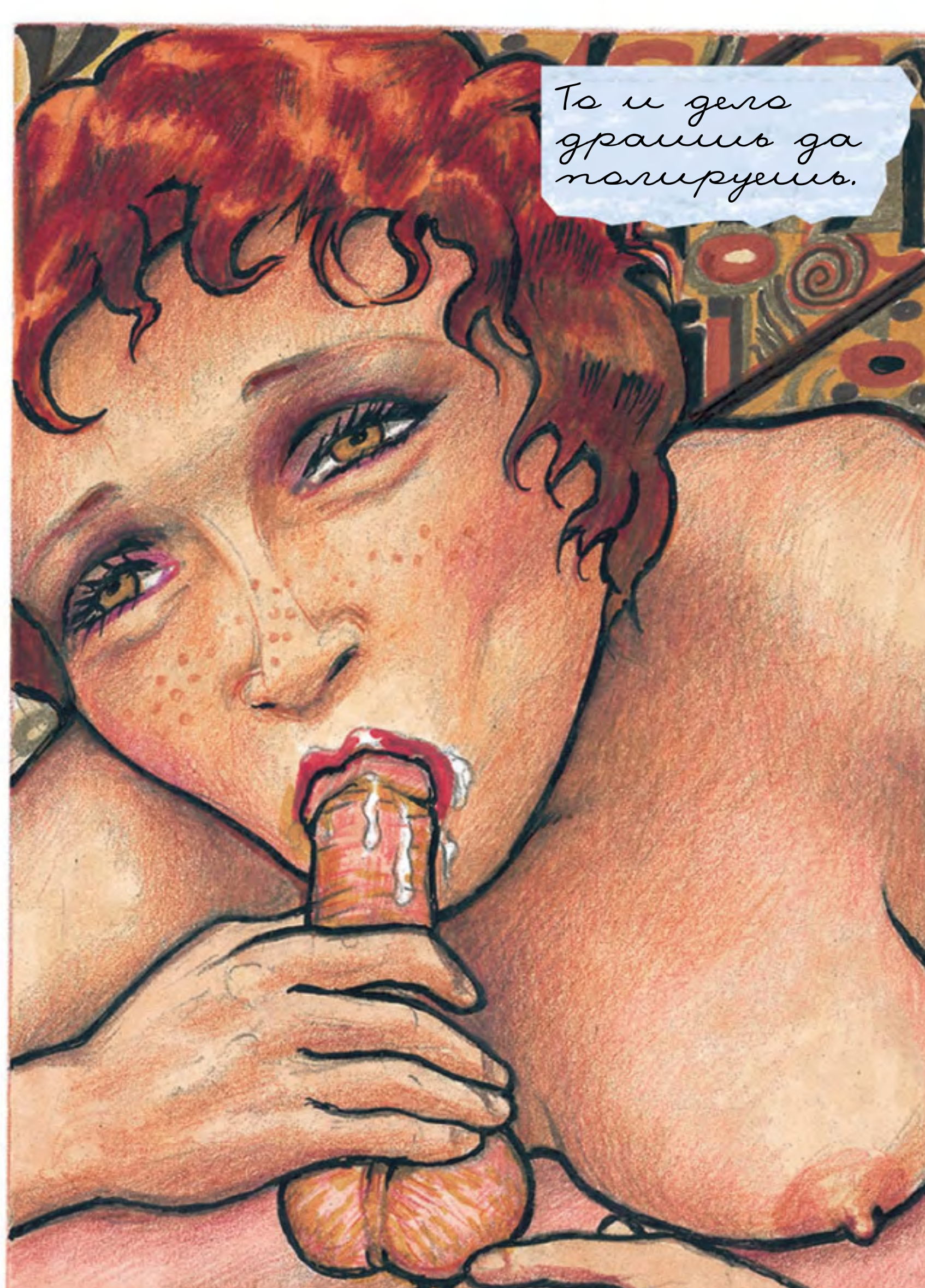
Помню мои собственные годы на службе. Сапоги, сапоги, ари-ари туда-сюда.

Нет, я ему не завидую. Нисколько. У военной жизни столько дурных сторон!

Начинаем с низов.

То и дело драимся да полируем.

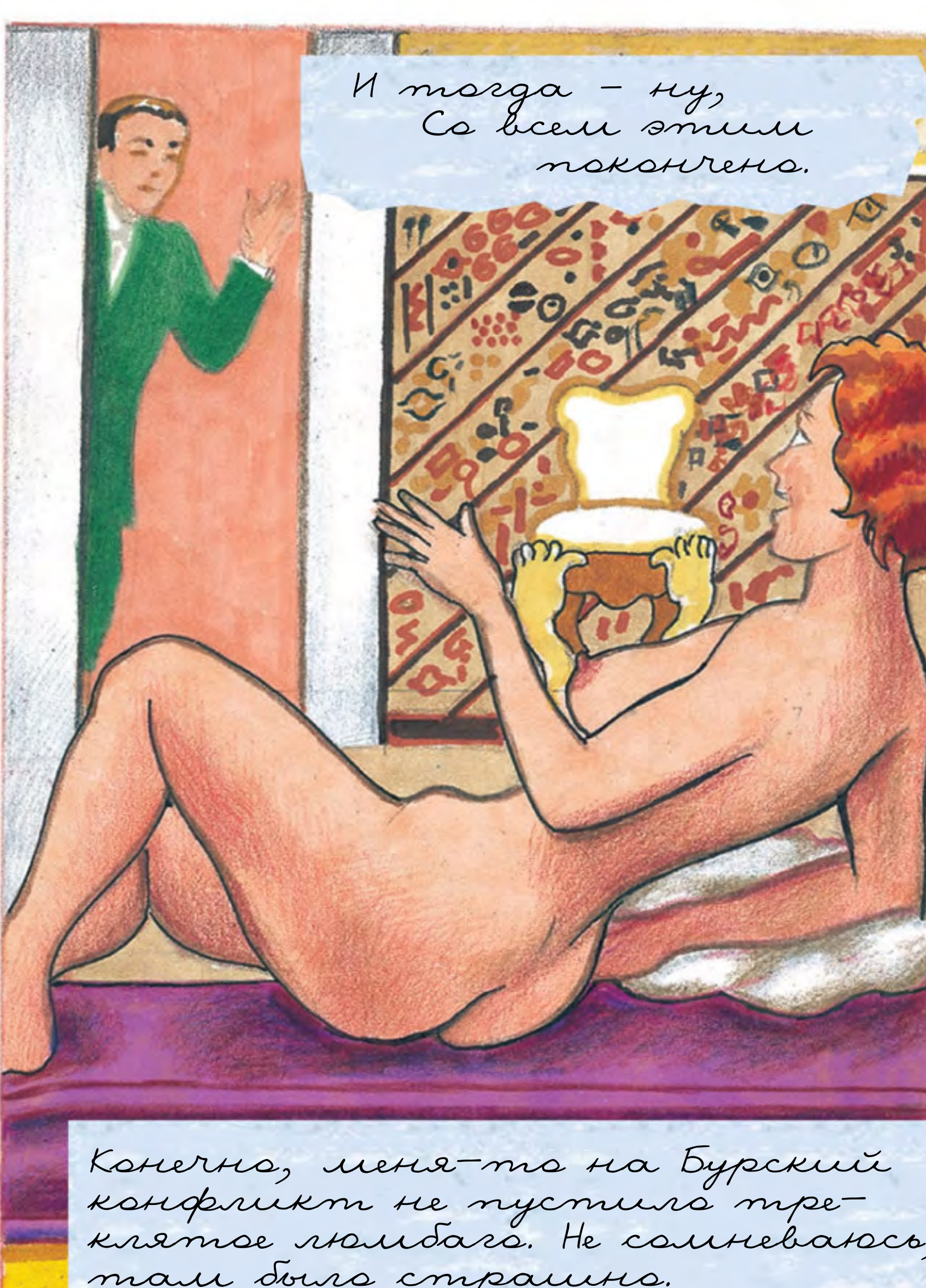

Как есть, не хотел бы сказать в его обуви.

При нашей между-народной ситуации...

Того и гляди рванет, прямо у нас под носом.

И тогда - ну, со всем этим покончено.

Конечно, меня-то на Бурский конфликт не пустили трюклетом ламбаго. Не сомневайтесь, там было страшно.

Турецкая баня

Война, Фердари.

Грязная работа.

Как бы то ни было, раз Бауэр единственный в округе, кто сколько-нибудь понимает в вооружении, я надеюсь с ним сойтись.

Может быть, даже выпьем вместе завтра.

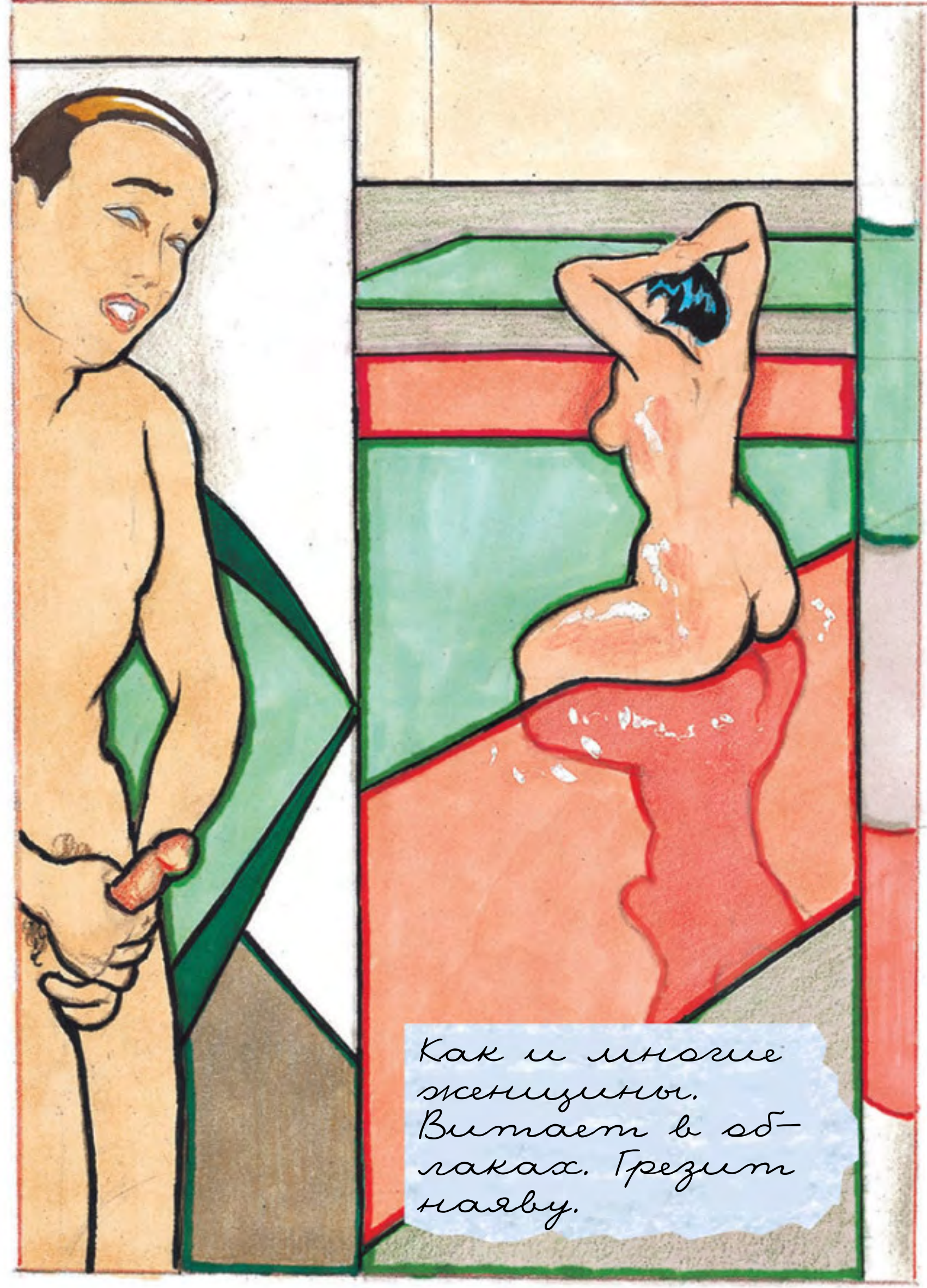

Если, конечно, позволю себе выпустить жену из-под пристмотра.

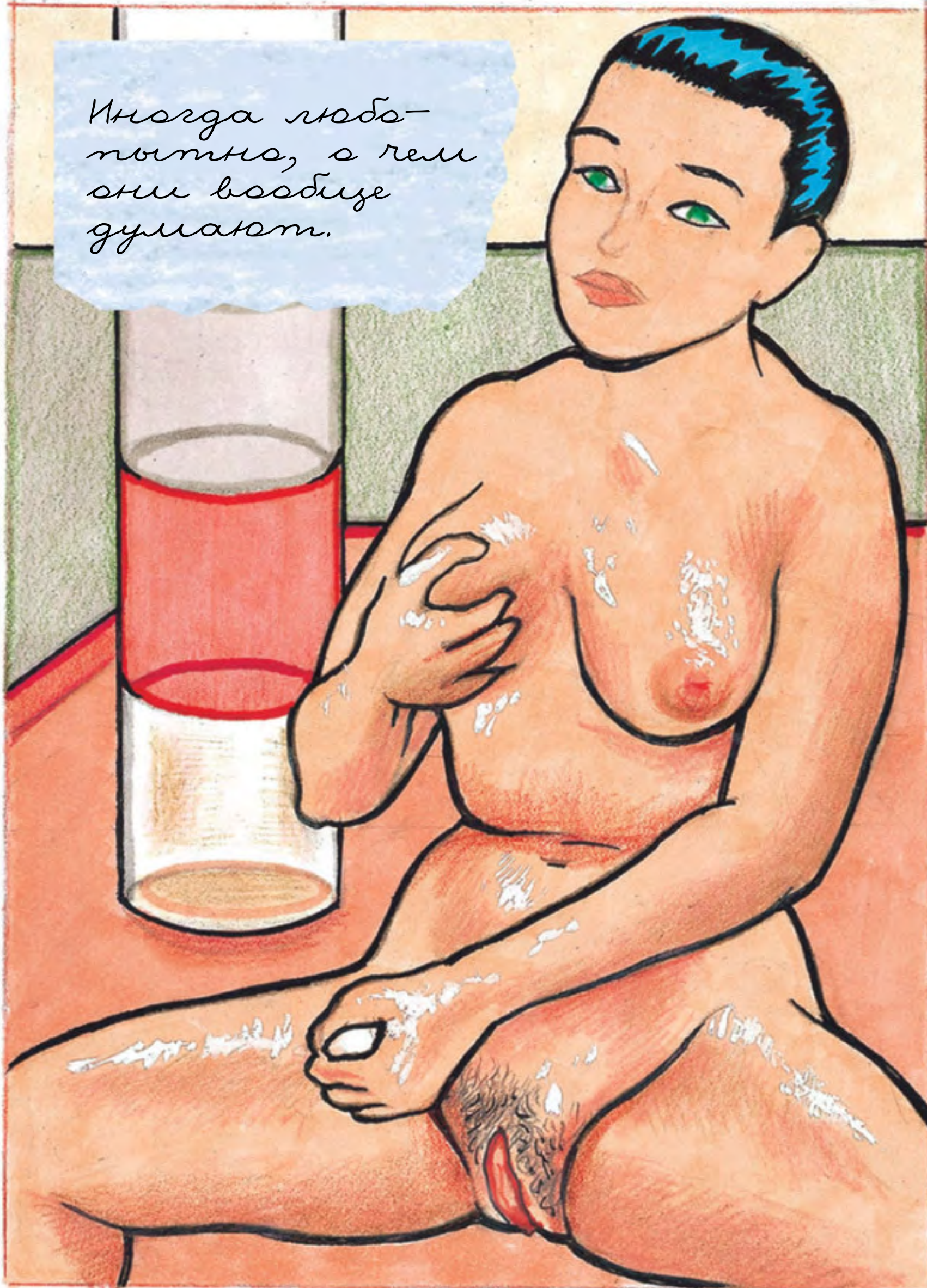
О, она, конечно, женщина приличная, скромная, но...

...да ней нужен глаз да глаз.

Как и многие женщины. Витает в облаках. Грезит наяву.

Иногда любопытно, а кем они вообще думают.

Не то что мы, парни. Мы всегда о кем-то да думаем.

Думаем, думаем, думаем, думаем, думаем.

Прямо скажем, иногда это л****ски утомляет.

Ах, ладно. Если миссис Паттер даст составить компанию этой карге Феррайлд, хотя бы найдет себе занятие.

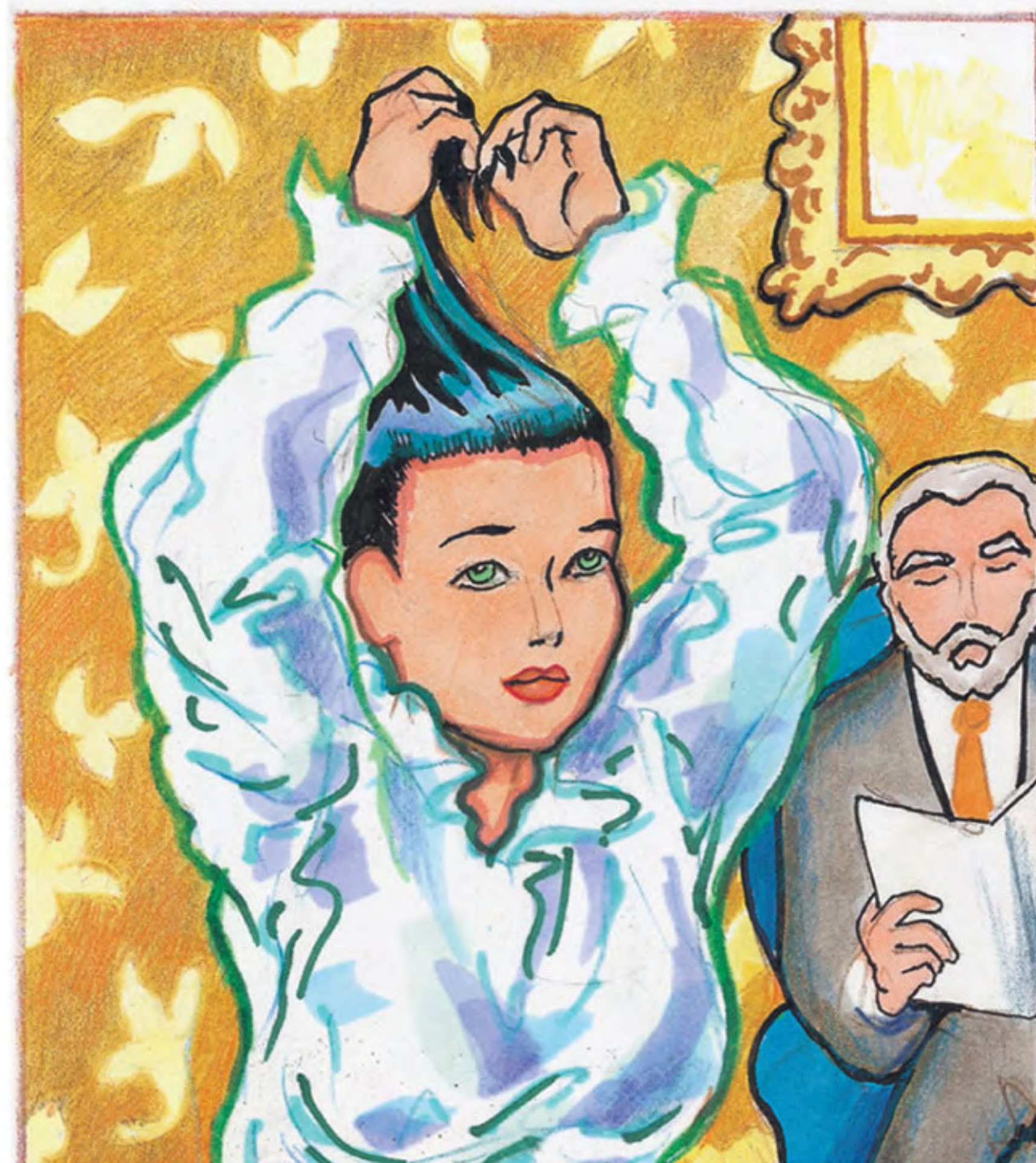
Ей бы не помешало хобби. Рукоделие, что-нибудь такое.

А то она только и делает,
что вьется вокруг меня.

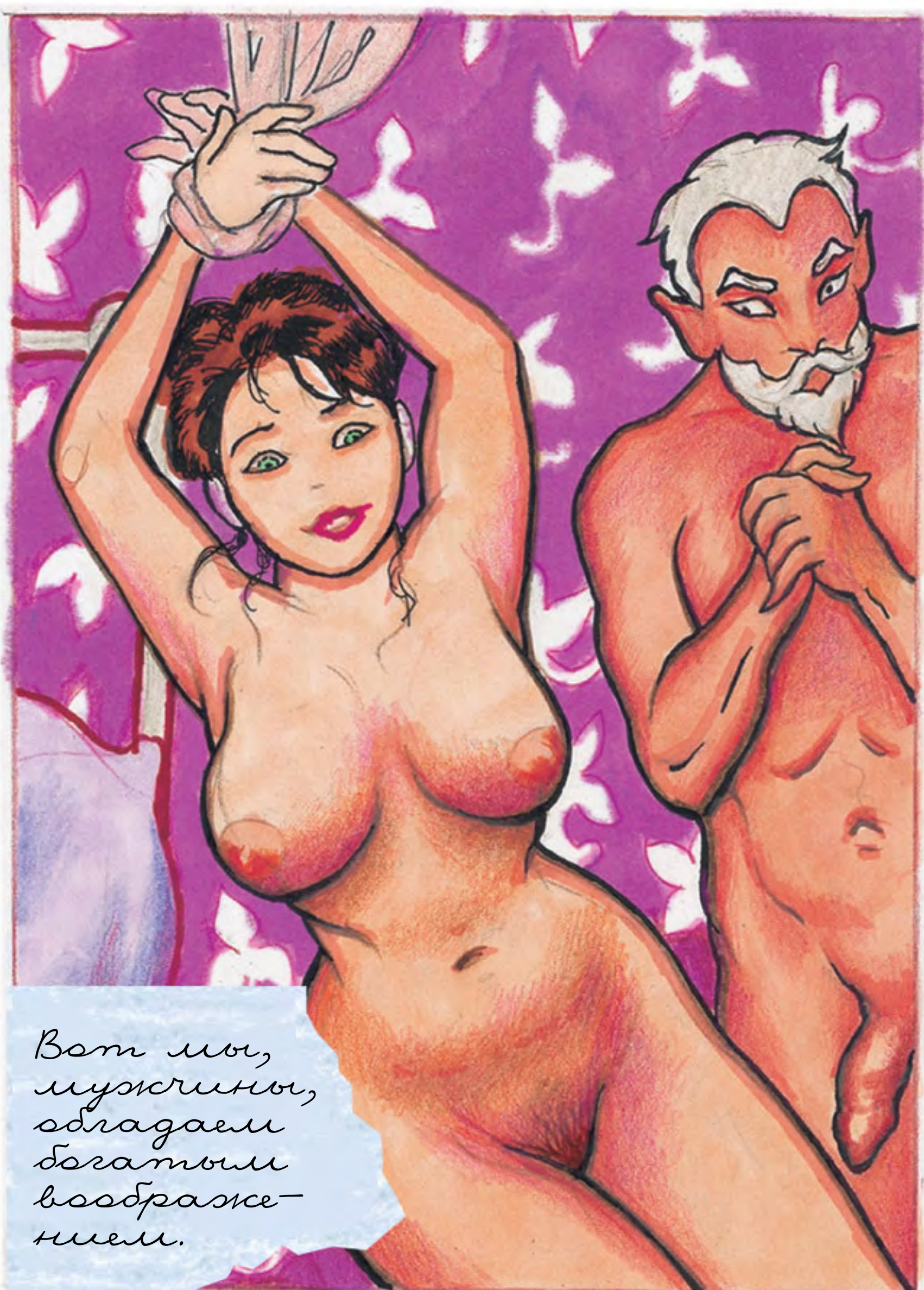
Безнадежно
предана,
бедняжка.

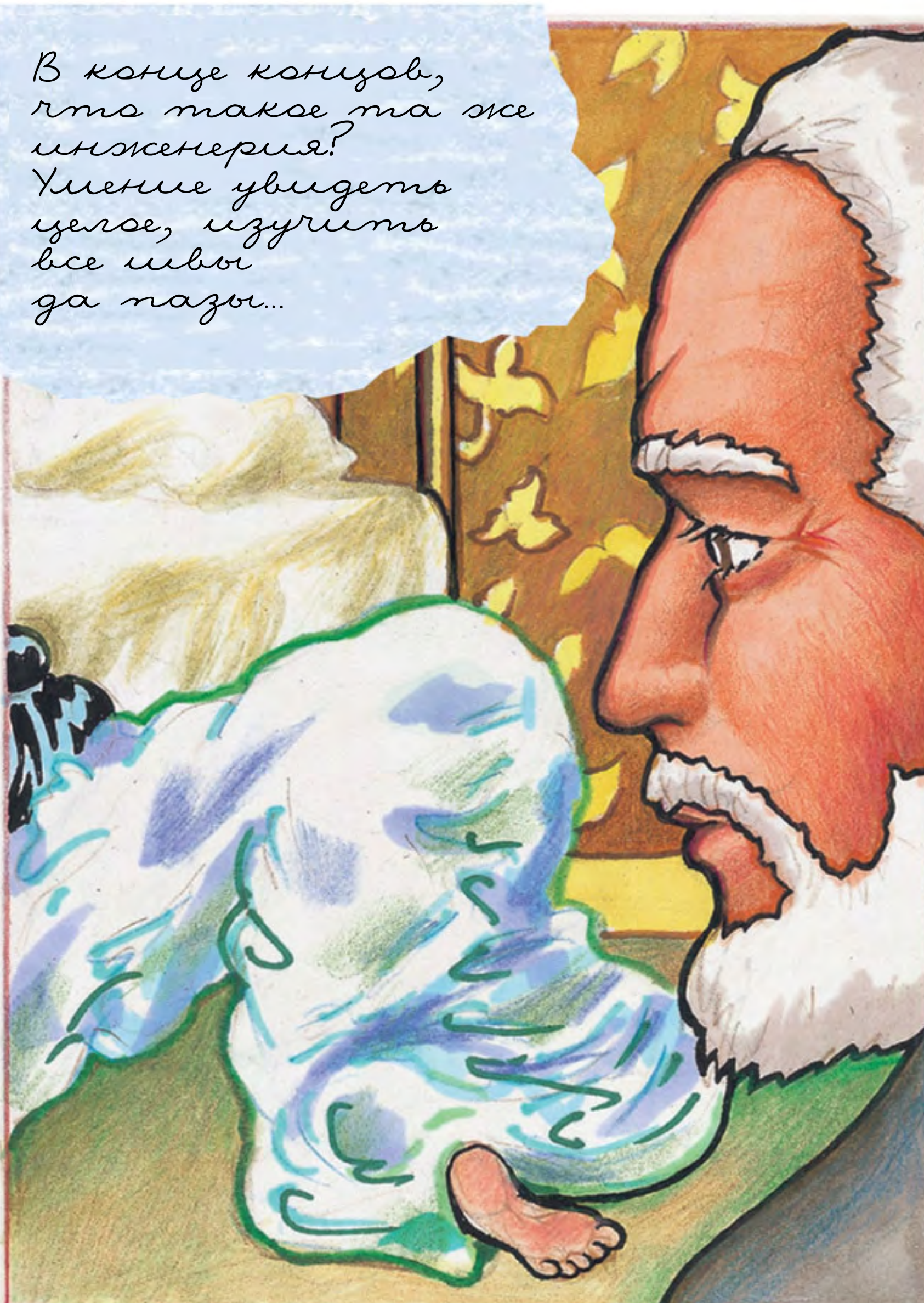
Что до меня, я навер-
стываю упущенное
в тени.

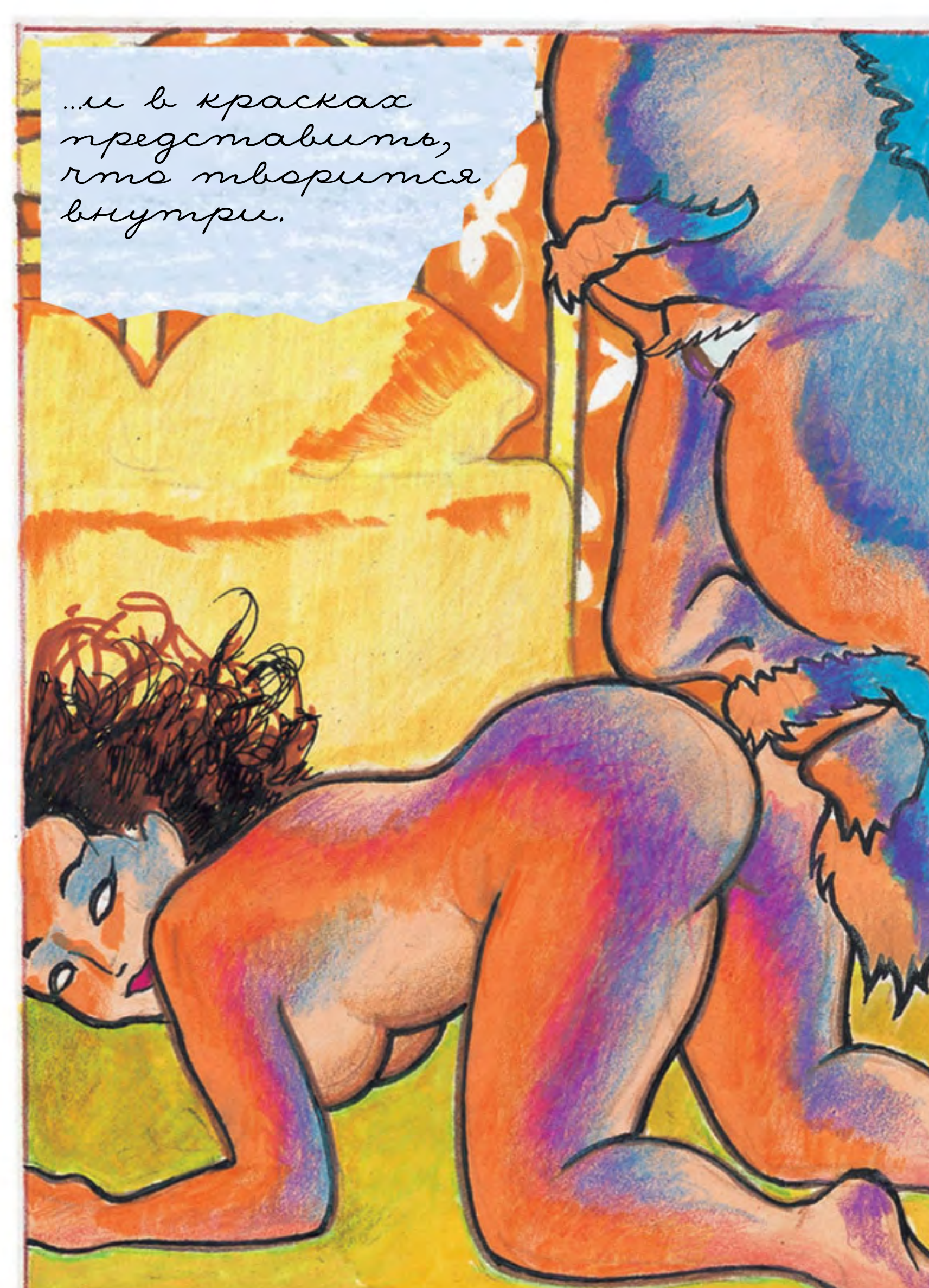
Конечно, это не конец жены.
Даже упомянуть Венди в одном
предложении с литературой
несообразно. Что женщины
понимают в книгах!

Вот мы,
мужчины,
сладчаем
богатым
воображе-
нием.

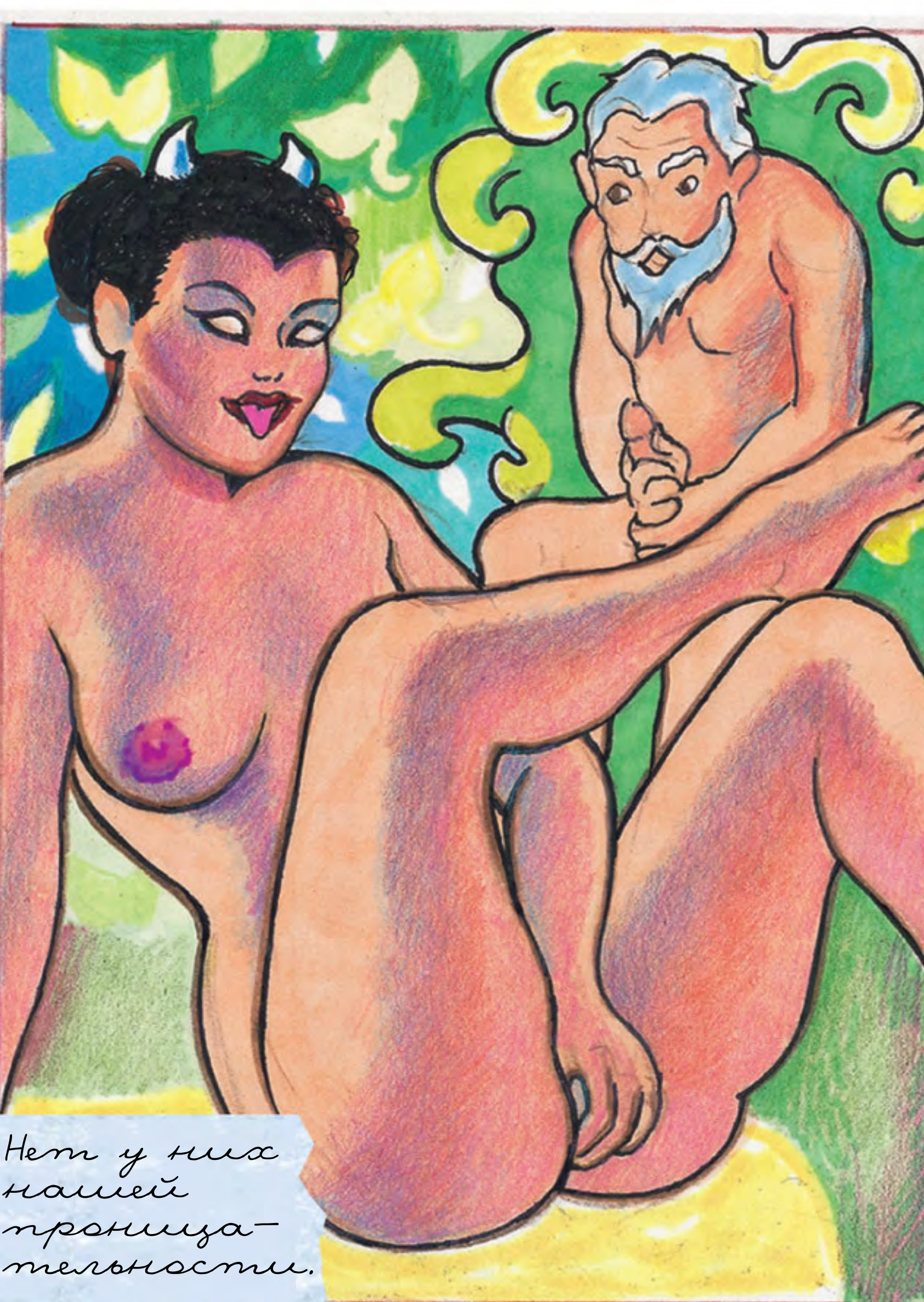
В конце концов,
что такое та же
инженерия?
Умение увидеть
целое, излучить
все швы
да пады...

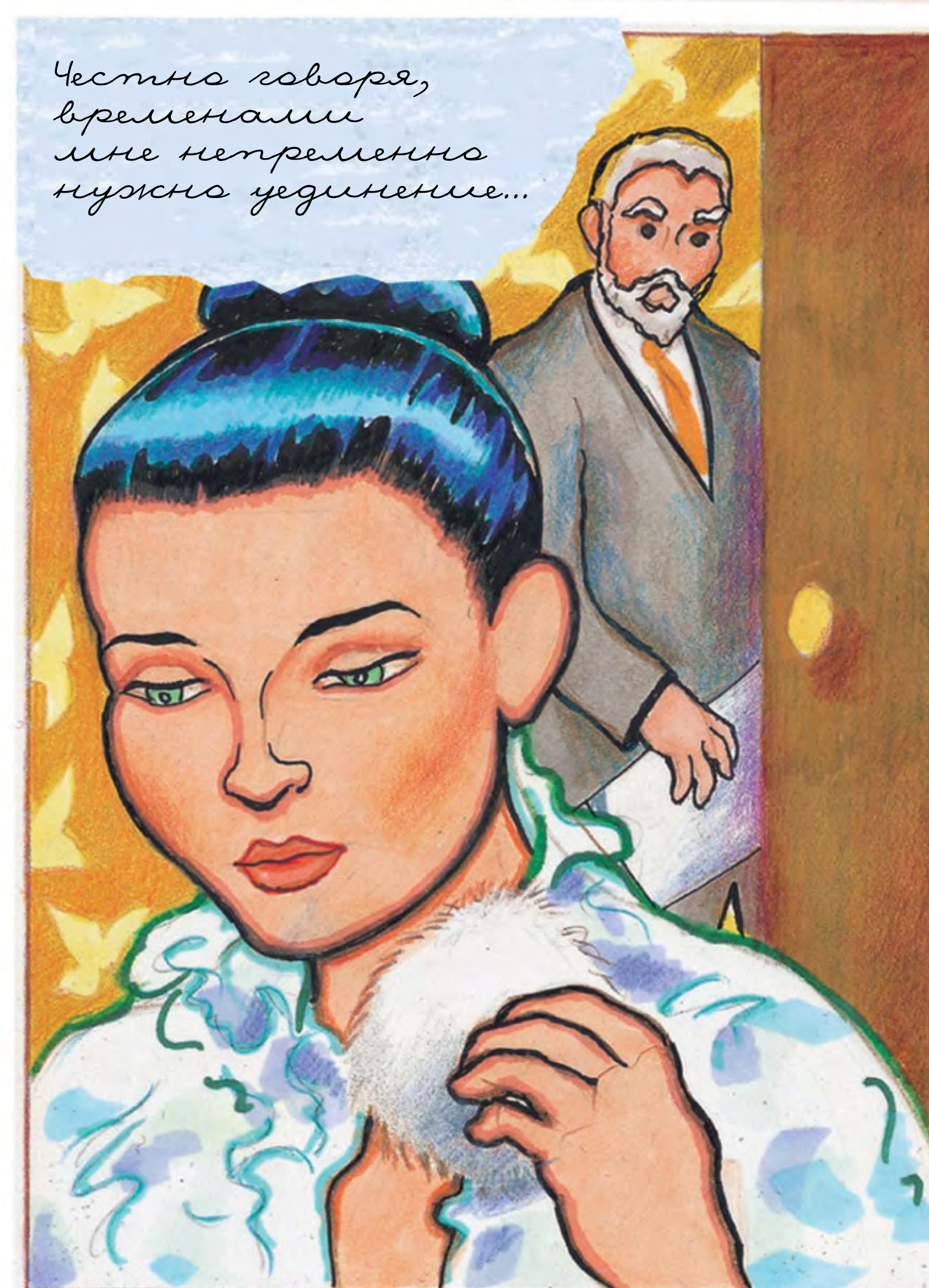
...и в красках
представить,
что творится
внутри.

Женщины - дело другое.
Только взгляди на них -
сразу видно, что там
пусто.

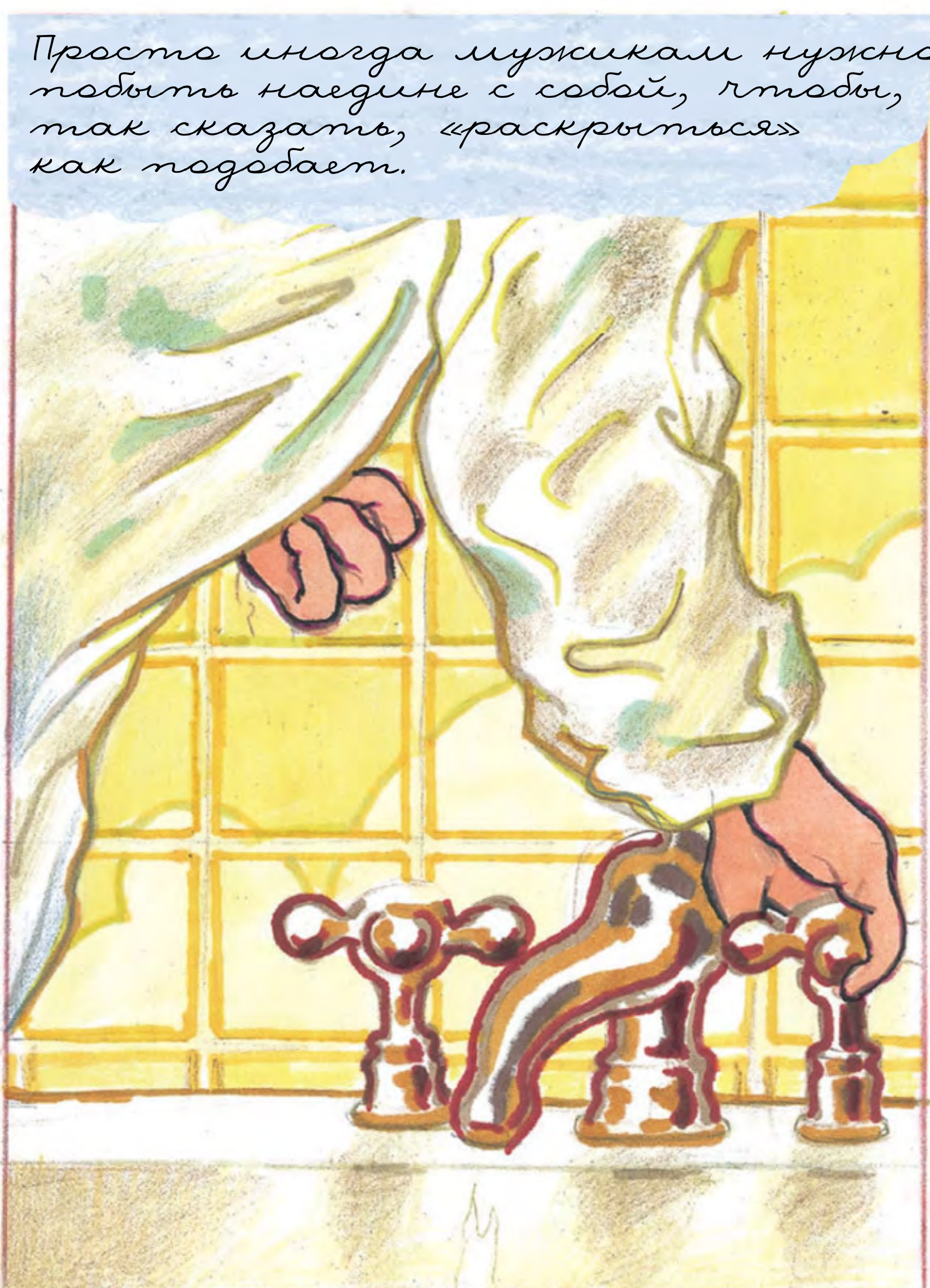
Нет у них
нашей
принци-
пальности.

Честно говоря,
временами
мне непременно
нужно уединение...

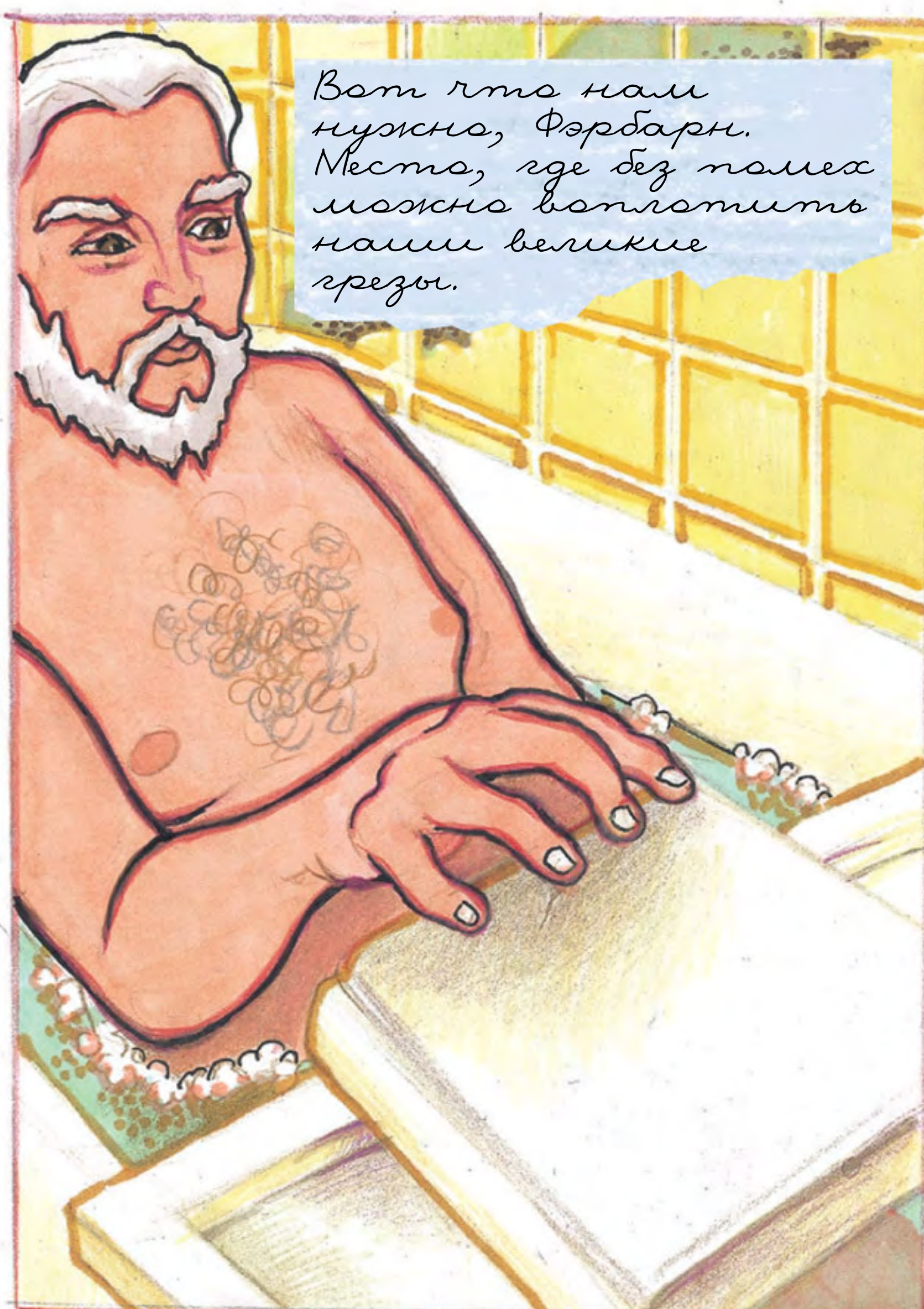
Не хочу показаться неуважительным по отношению к миссис Поттер. Ни в коем случае.

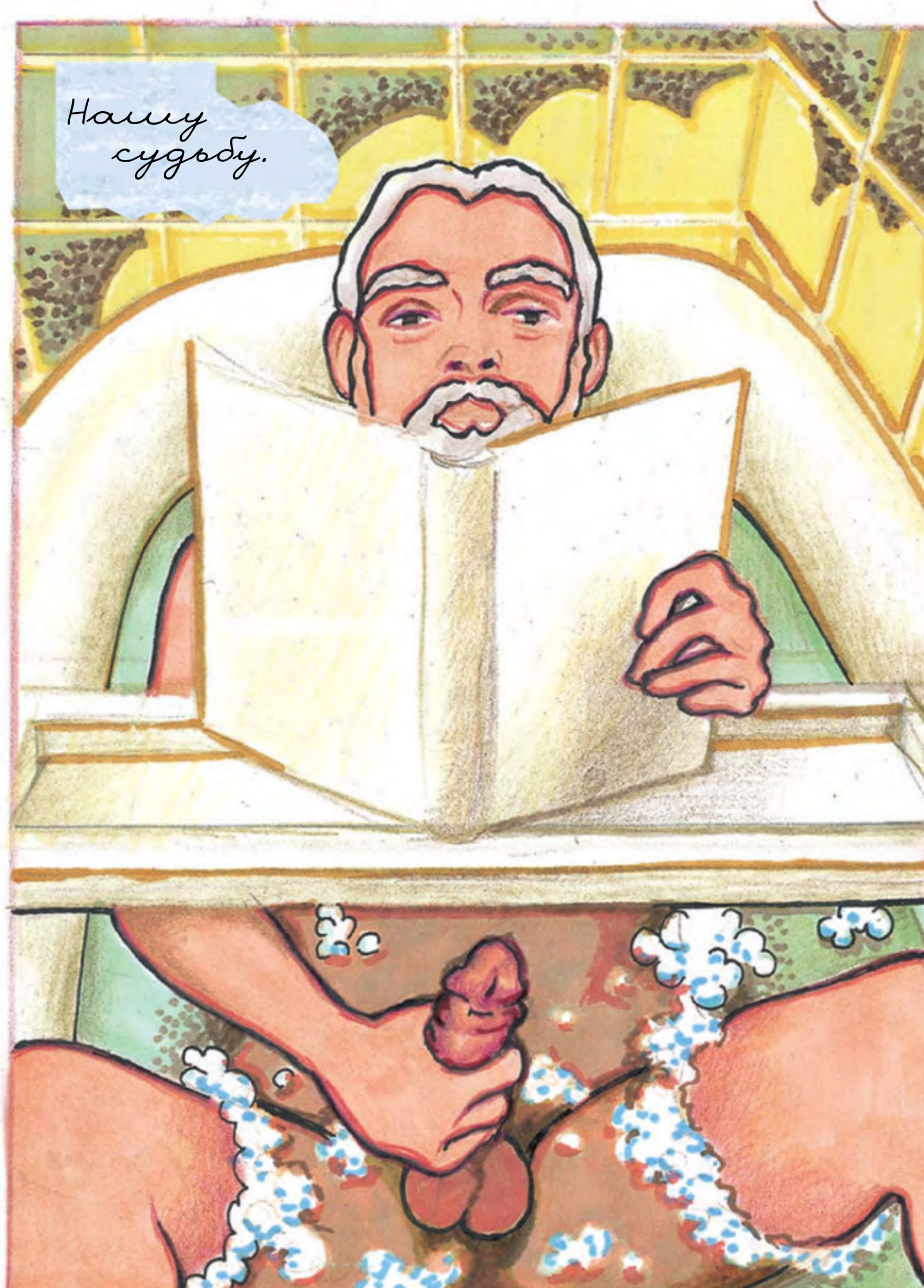
Просто иногда мужчинам нужно побыть наедине с собой, чтобы, так сказать, «раскрыться» как полагается.

Чтобы показать себя во всей красе.

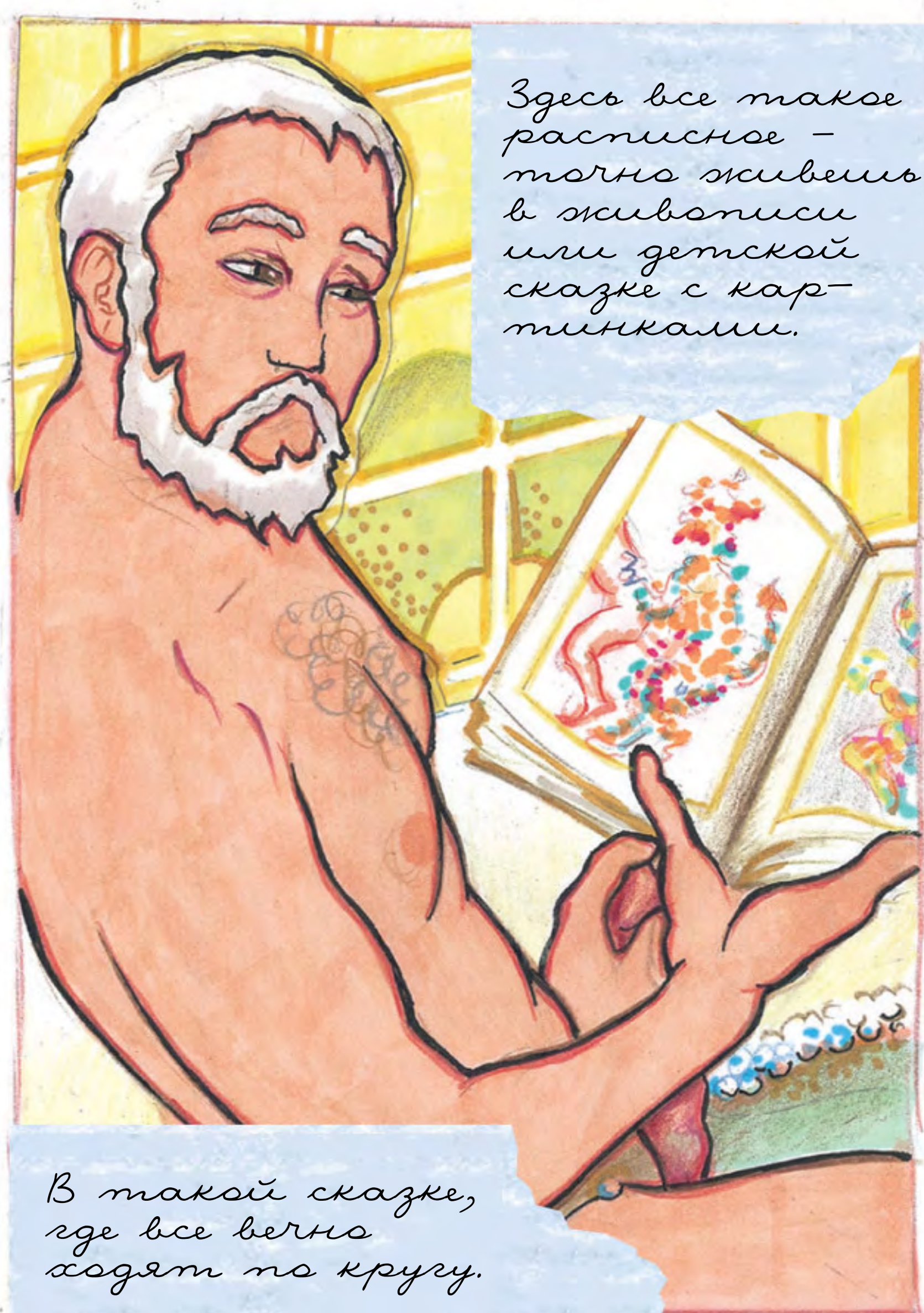
Вот что нам нужно, Фэрбарт. Место, где без помех можно воплотить наши великие грезы.

Нашу судьбу.

Иногда все это вылетает из головы, особенно в «Химмельсгартене».

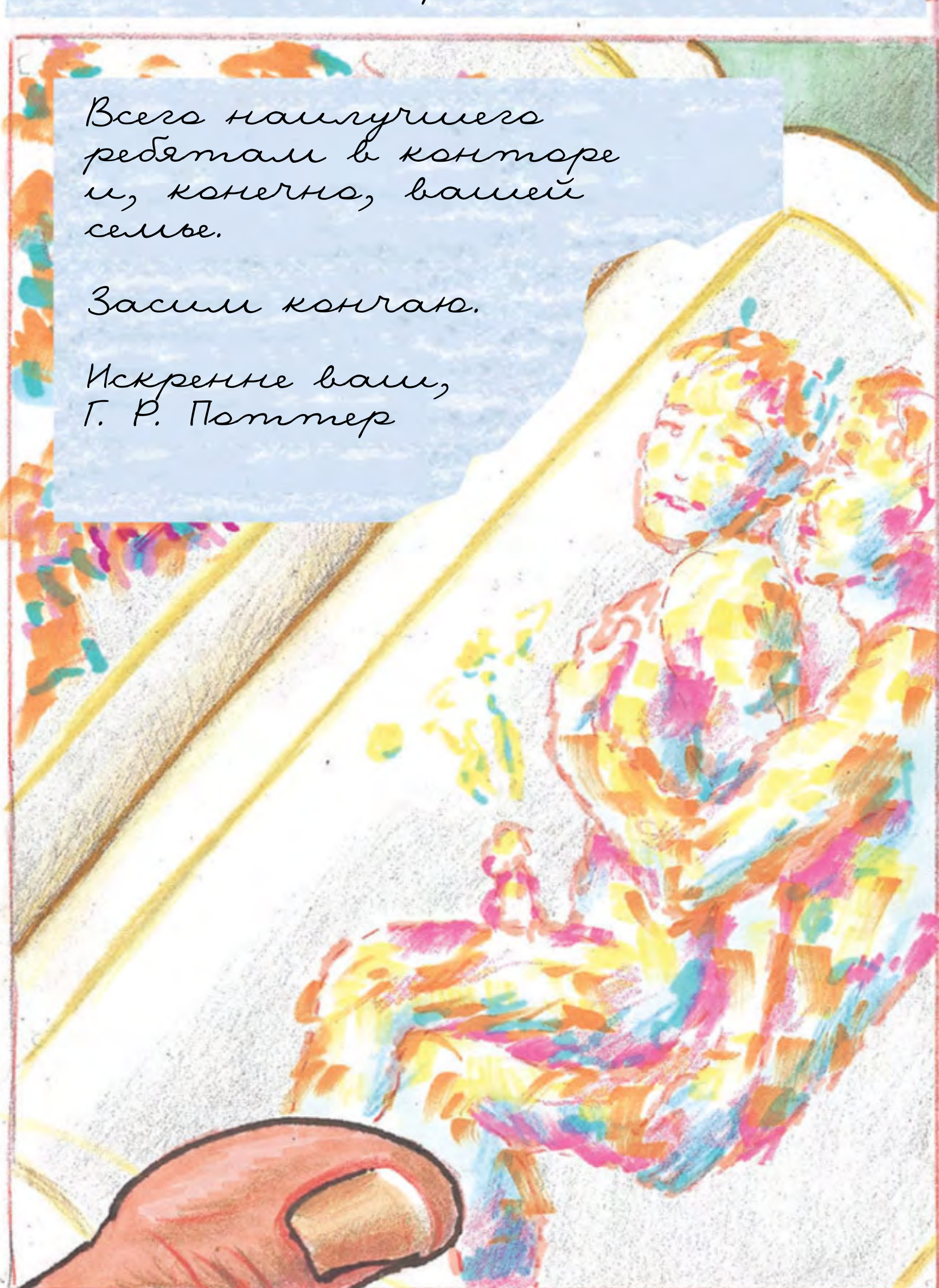
Здесь все такое расписное — точно живешь в живописи или детской сказке с картинками.

В такой сказке, где все вечно ходит по кругу.

Сказке с подковренными интригами и закулисами.

Впрочем, всего через пару месяцев — домой. Пожалуй, пора закружаться.

Всего наилучшего ребятам в конторе и, конечно, вашей семье.

Засим кончаю.

Искренне вам,
Г. Р. Поттер

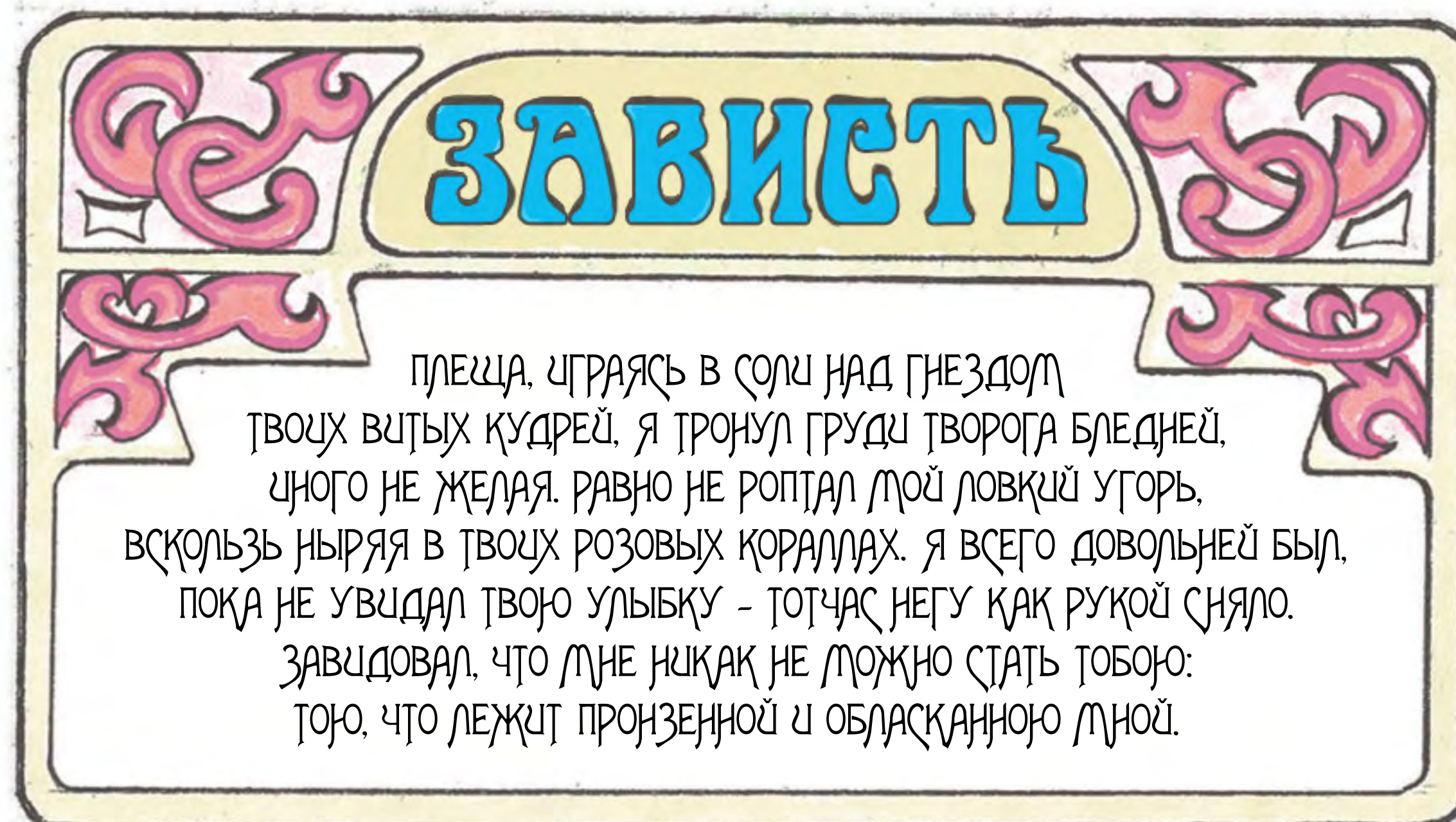
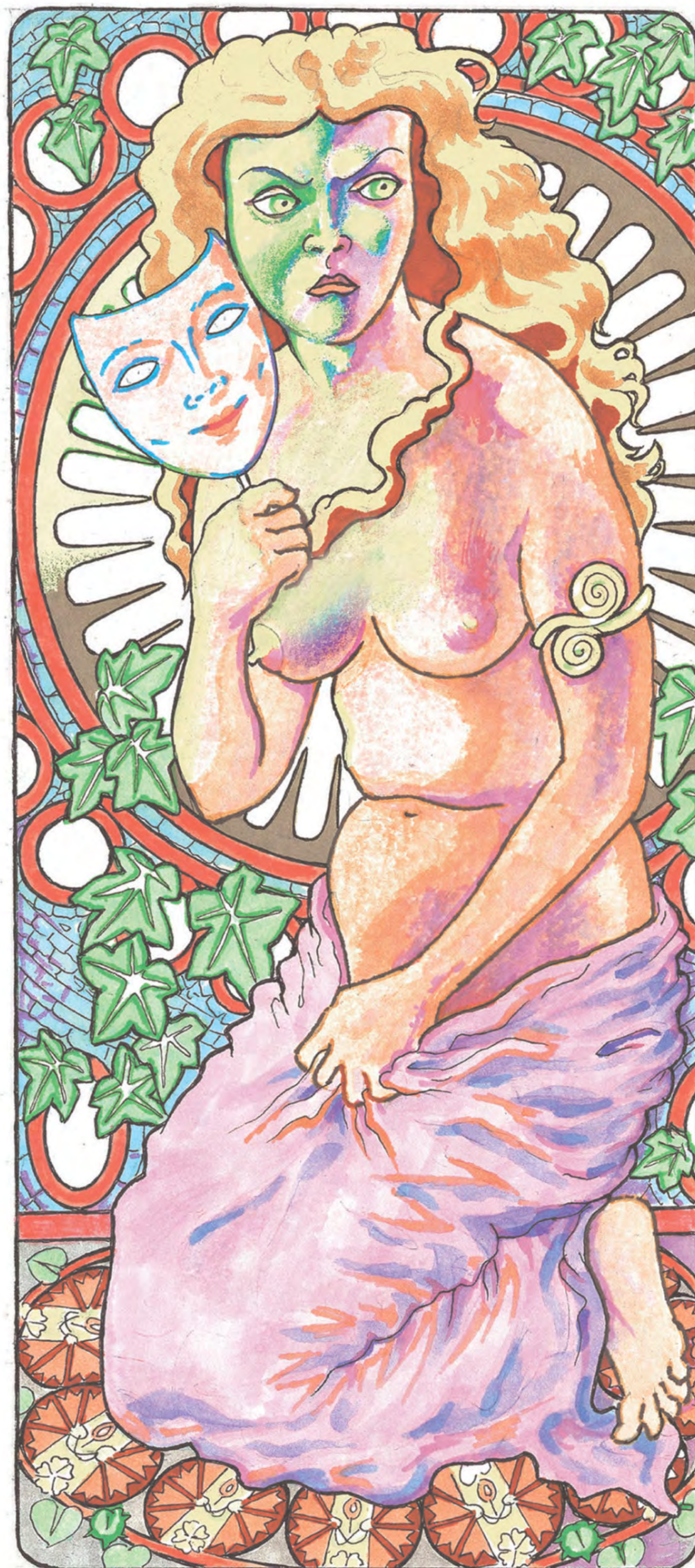
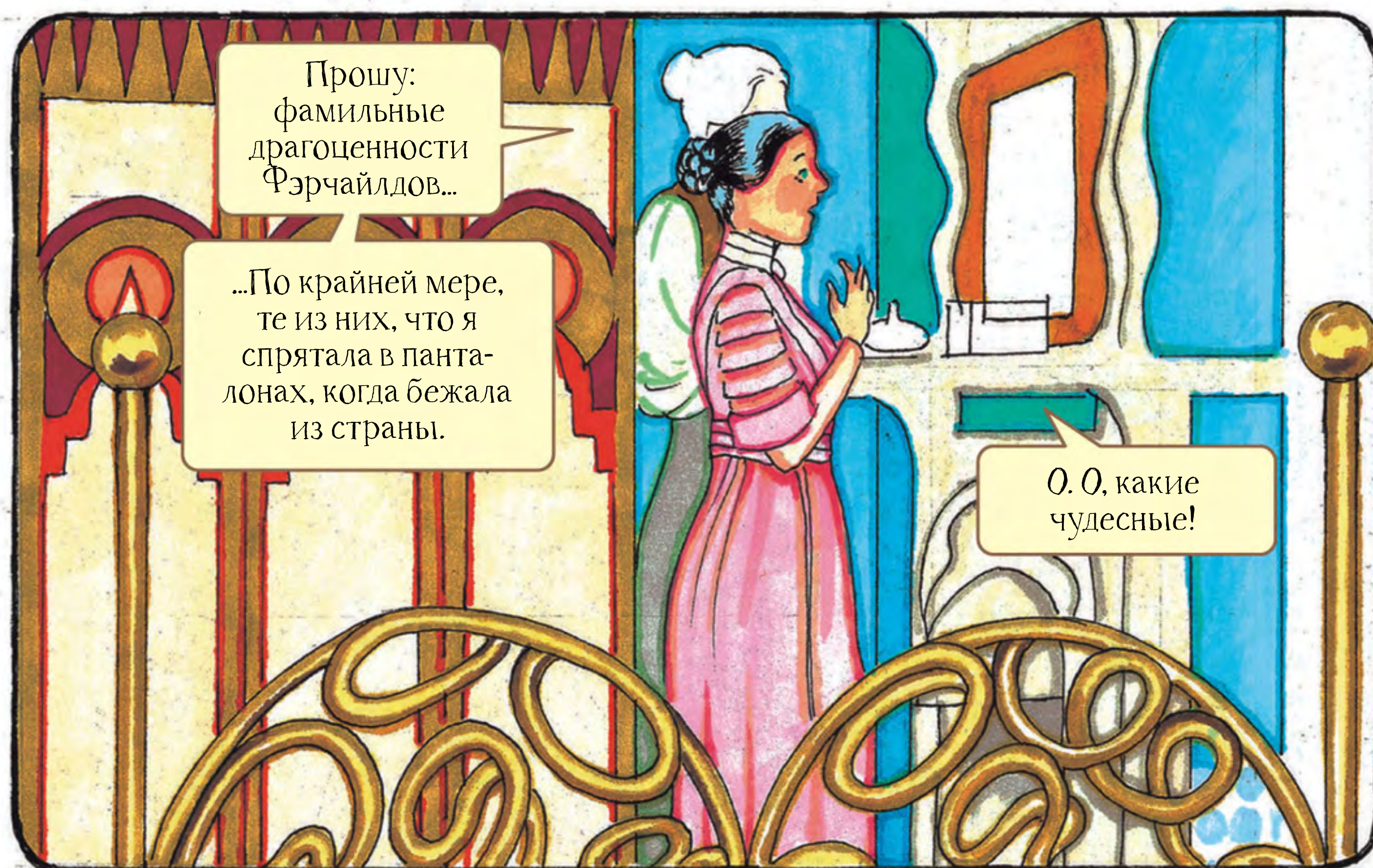
глава

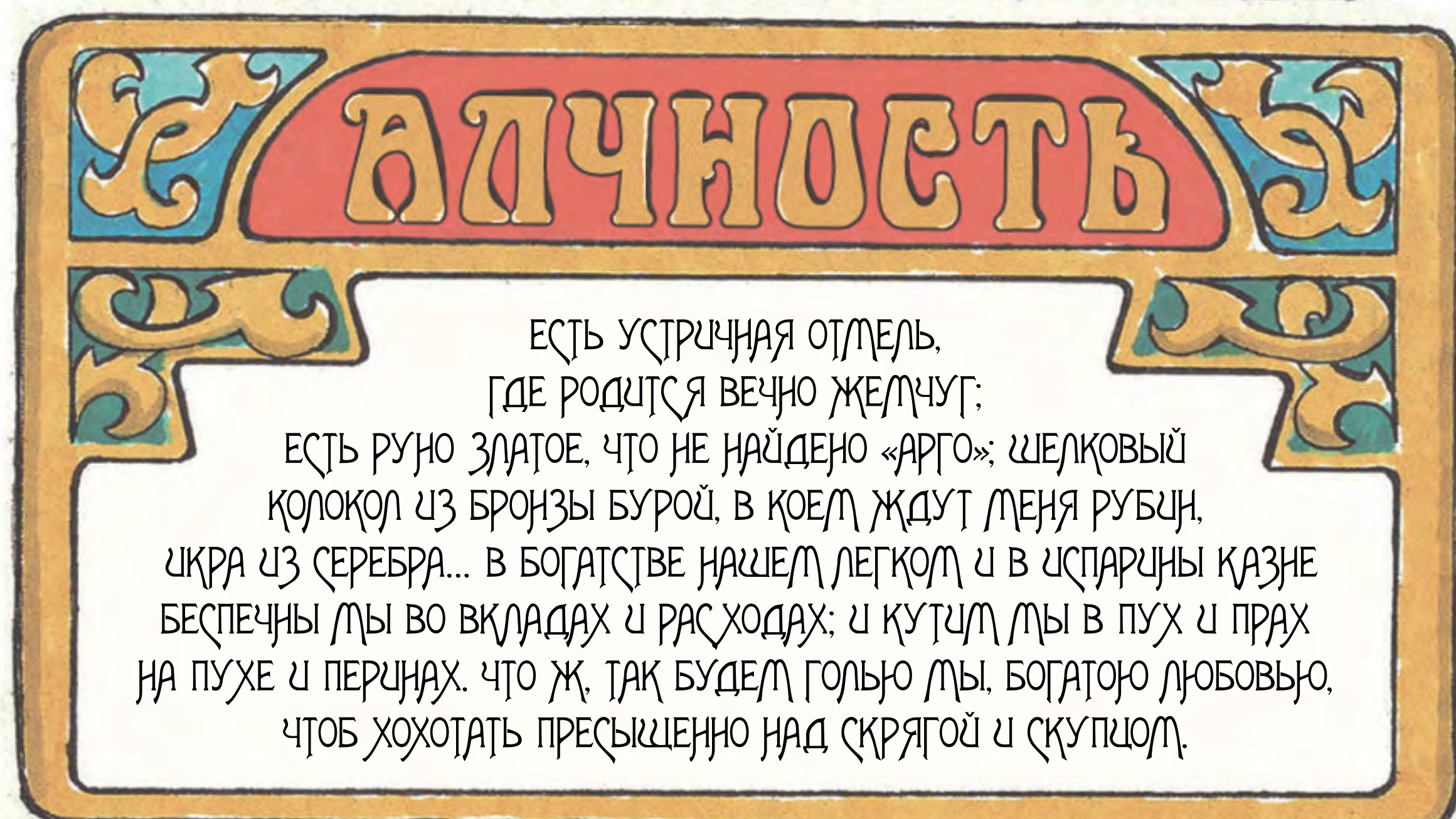
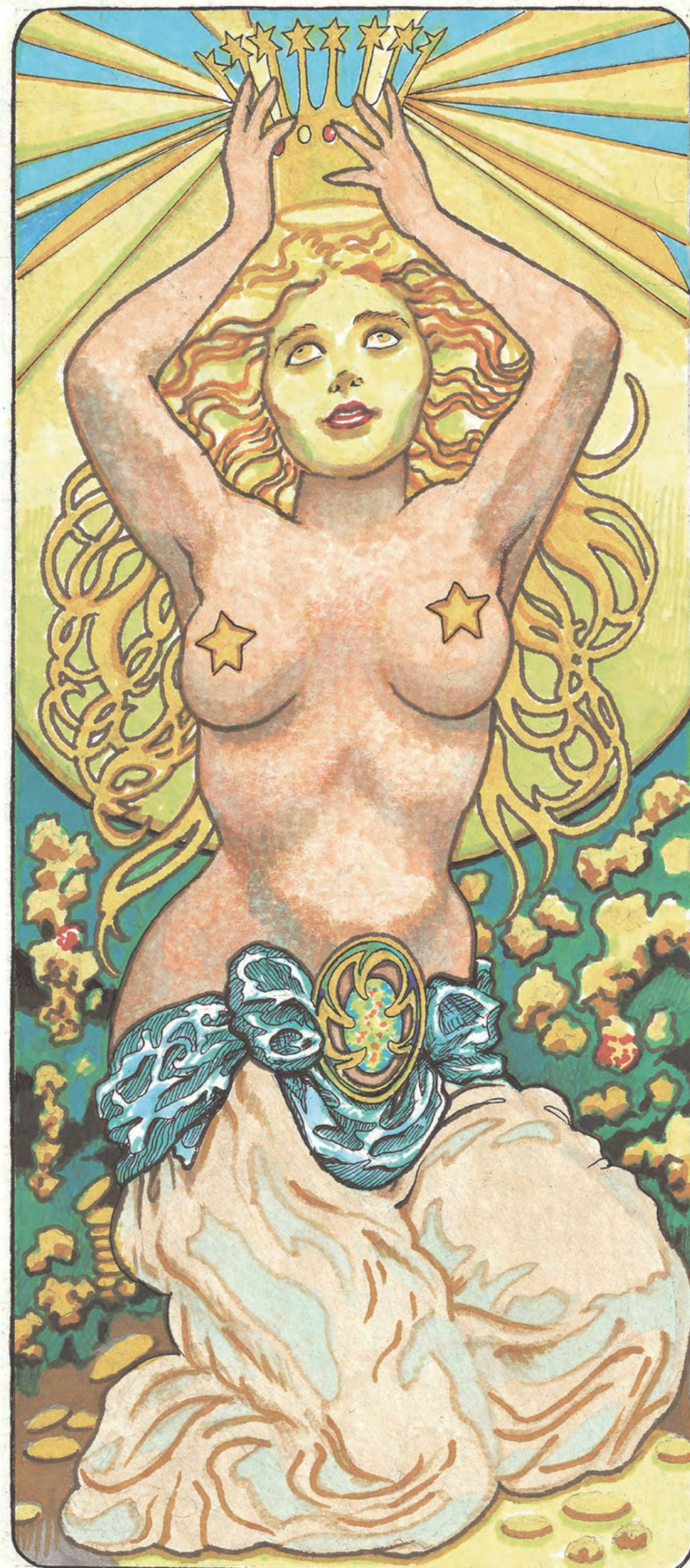

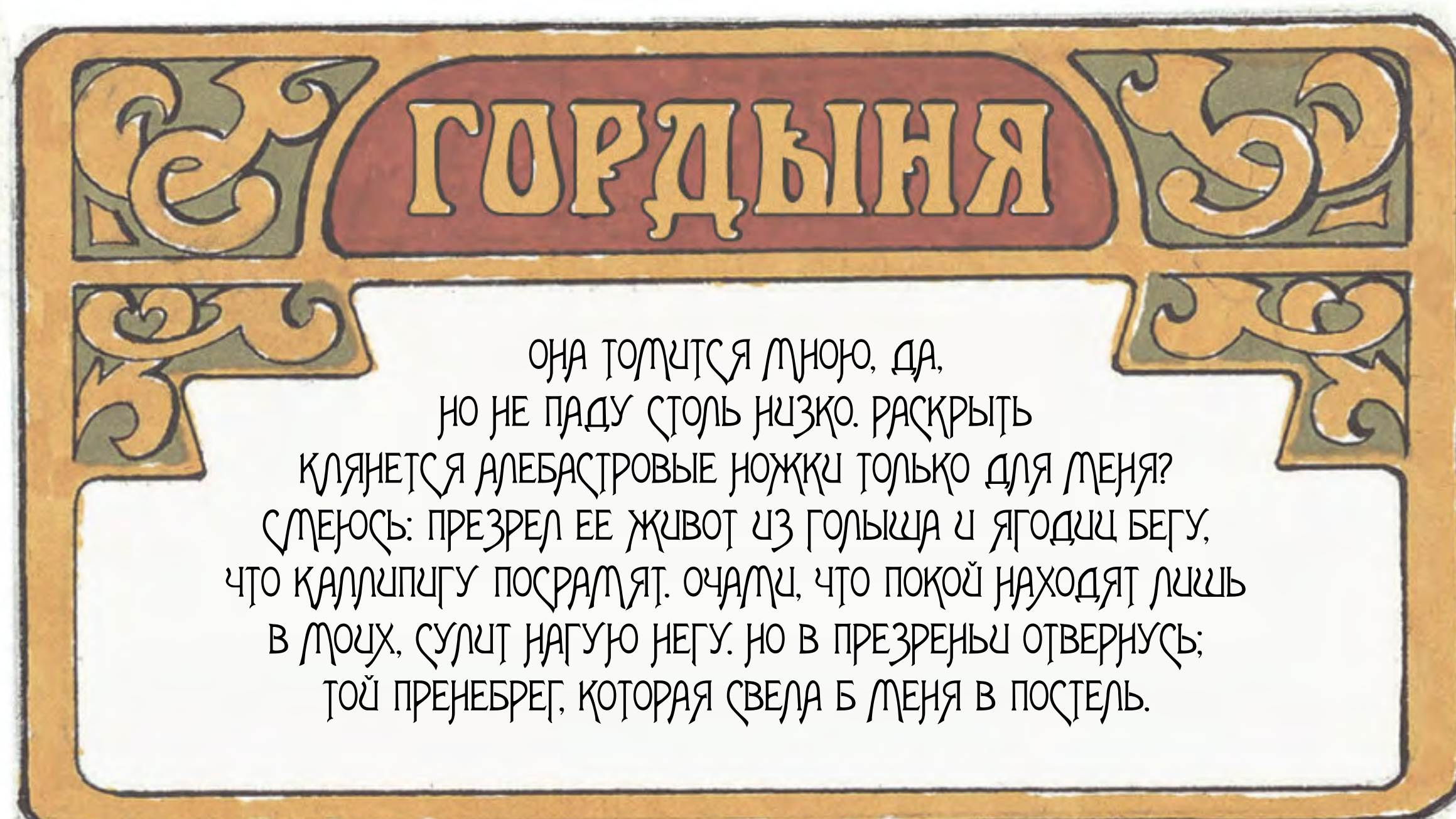
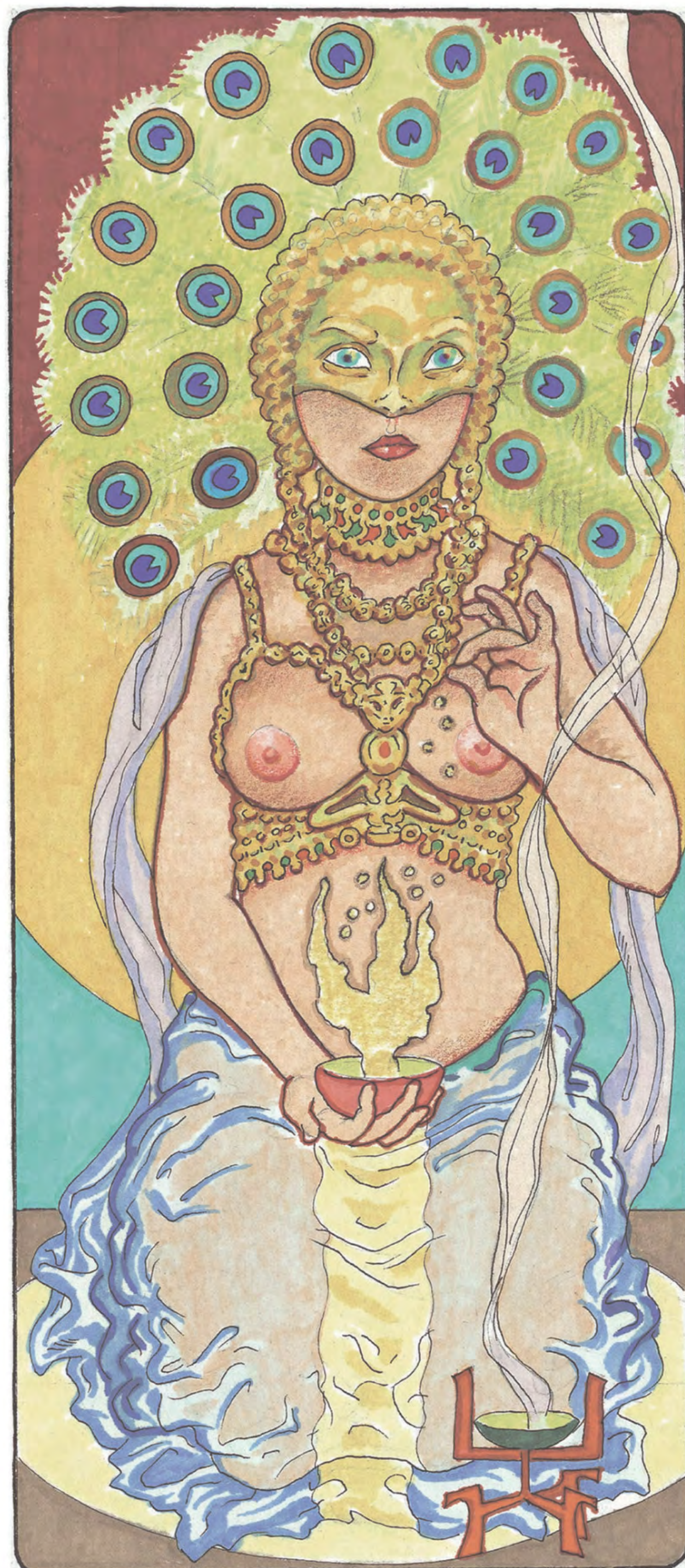
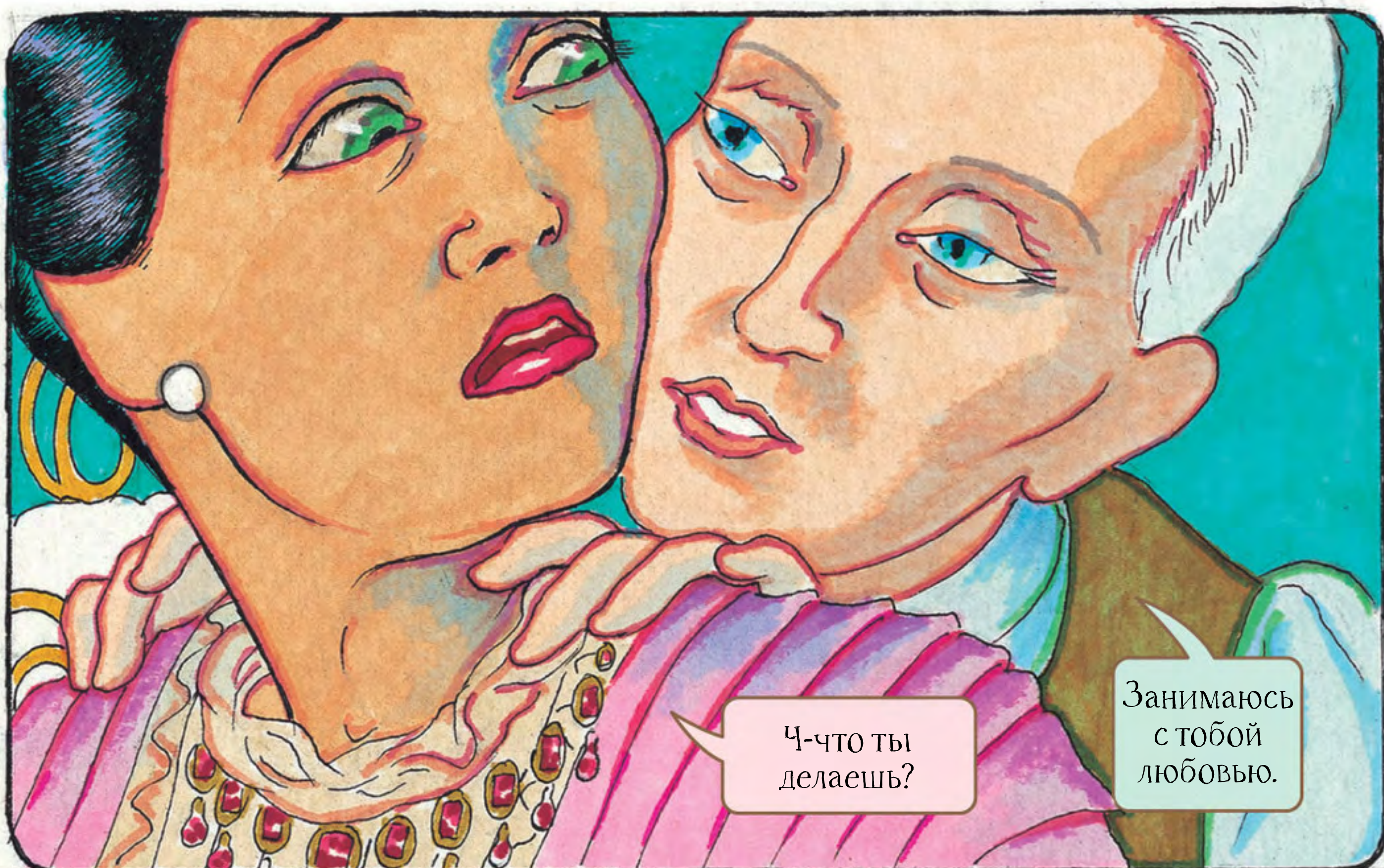
12

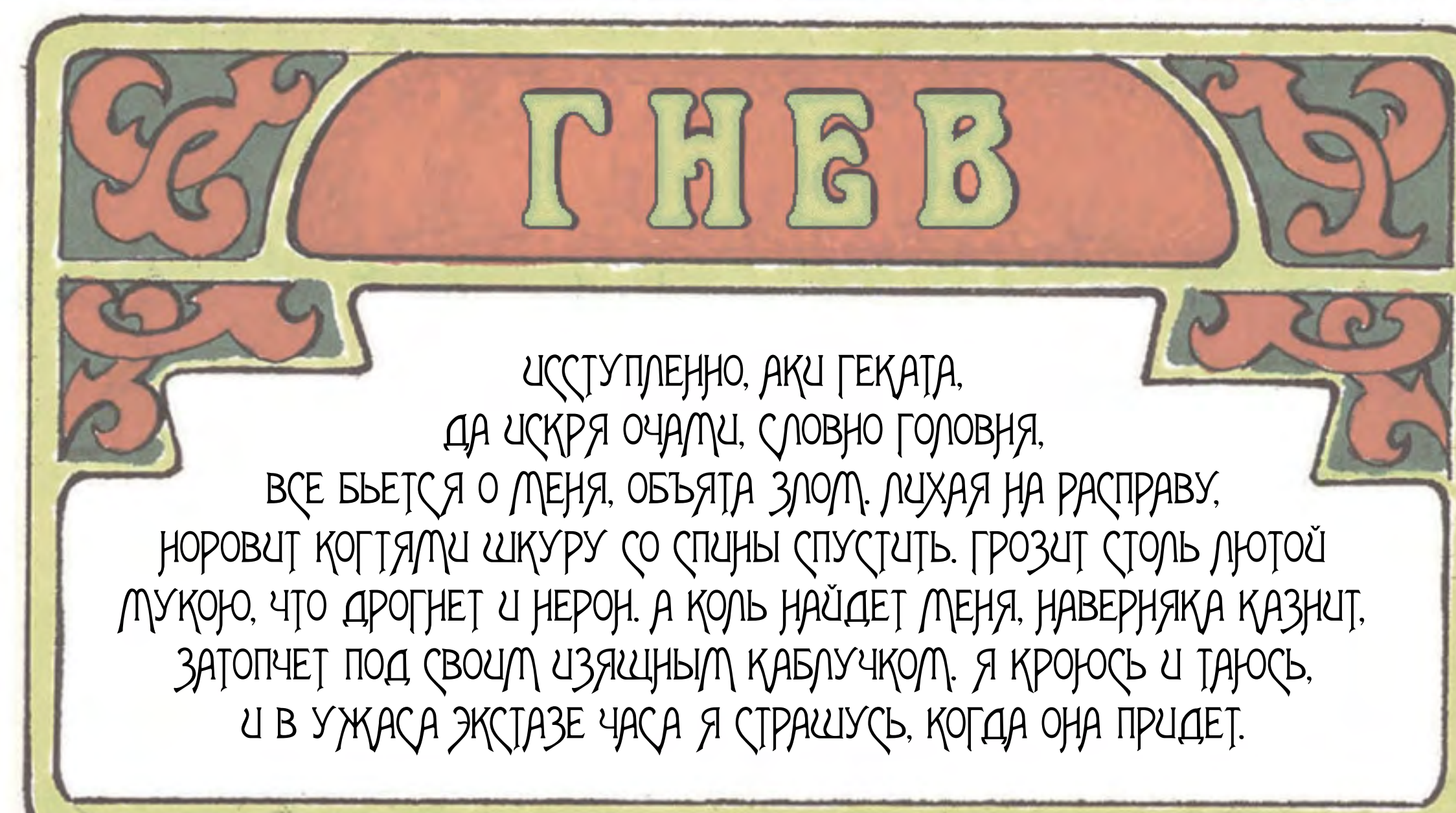
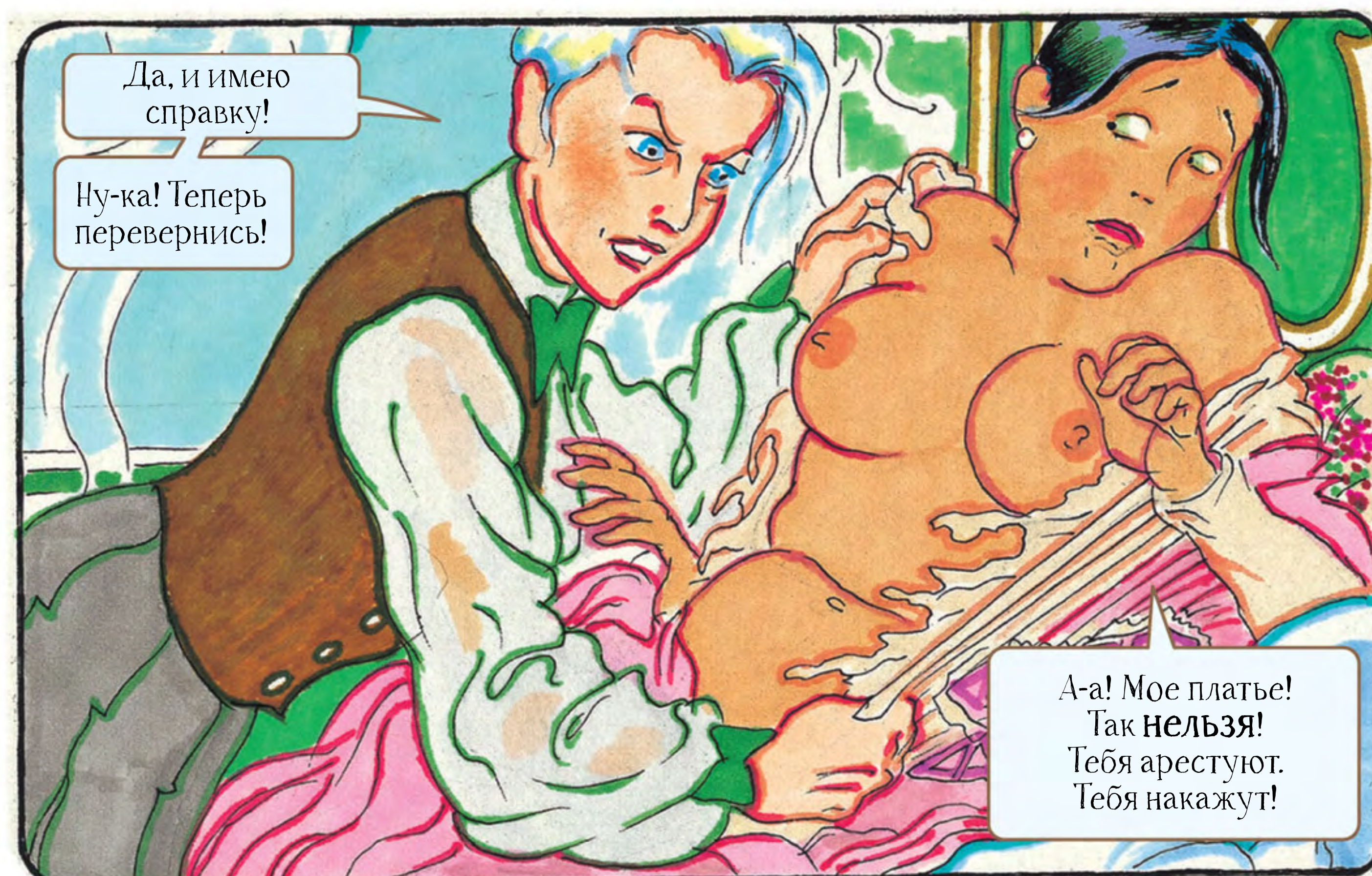
Превращение и пробуждение

Пощады? Ты что же, думаешь, что теперь я отпущу тебя, как какого-то пескарика, и не докончу дело? Посмотрим, что у нас тут.

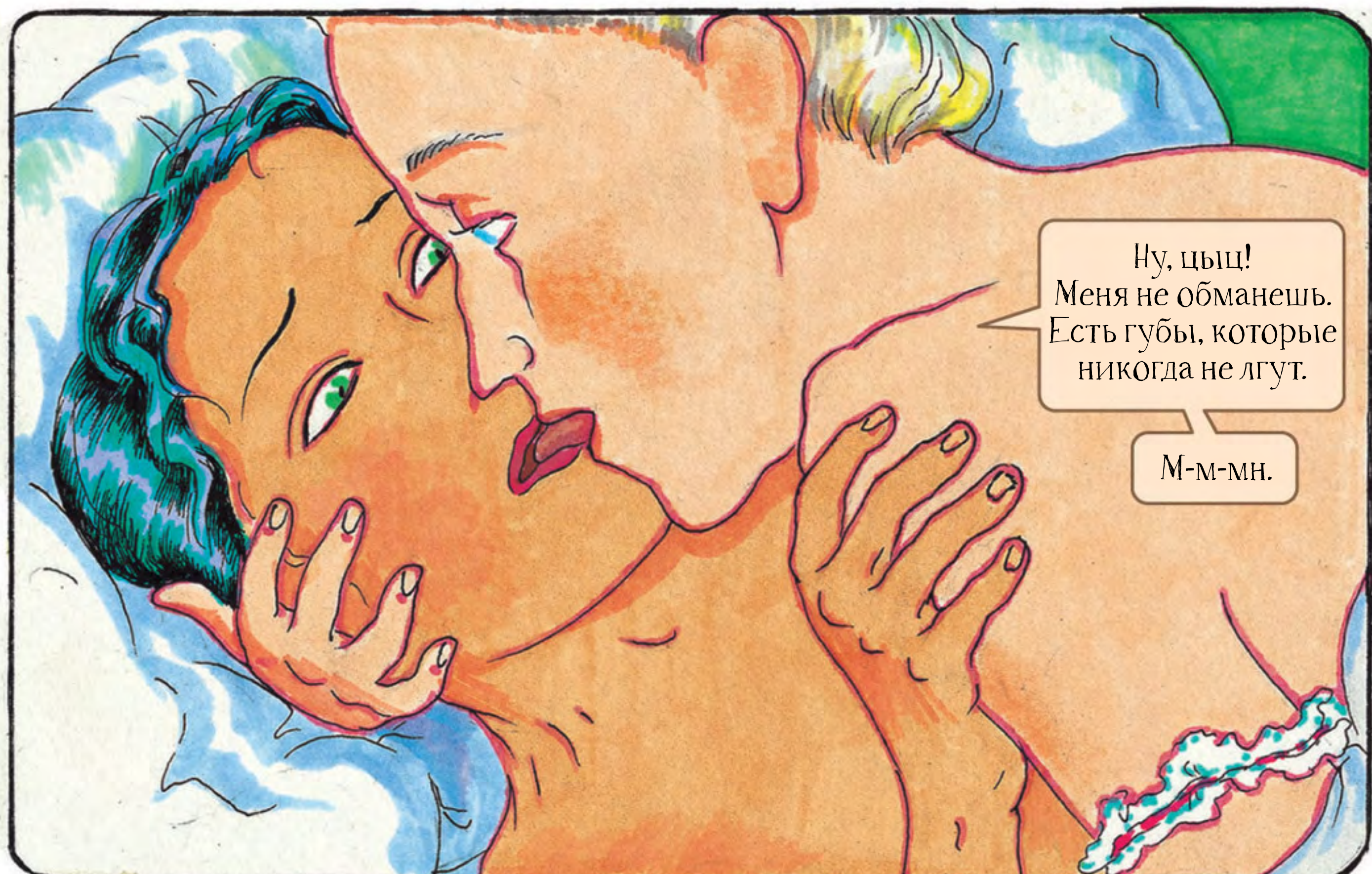
О леди Фэрчайлд...

Алиса.

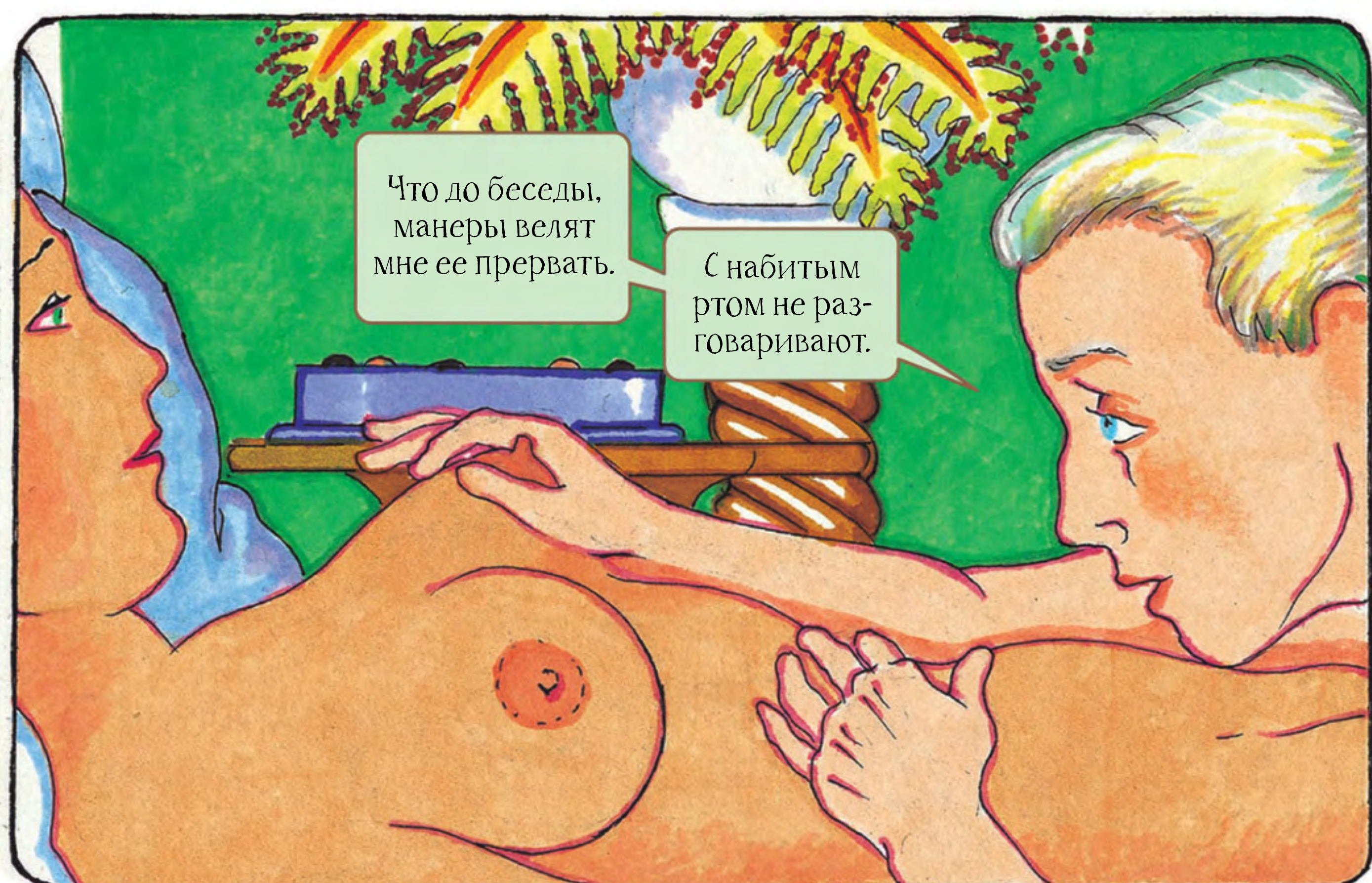
Знаешь ли ты, что ты вся мокрая? Ты сама довела себя до такого состояния.

Я? Т-ты же не думаешь, что я намеревалась... что у меня были какие-то цели, кроме беседы, когда я пришла на чай.

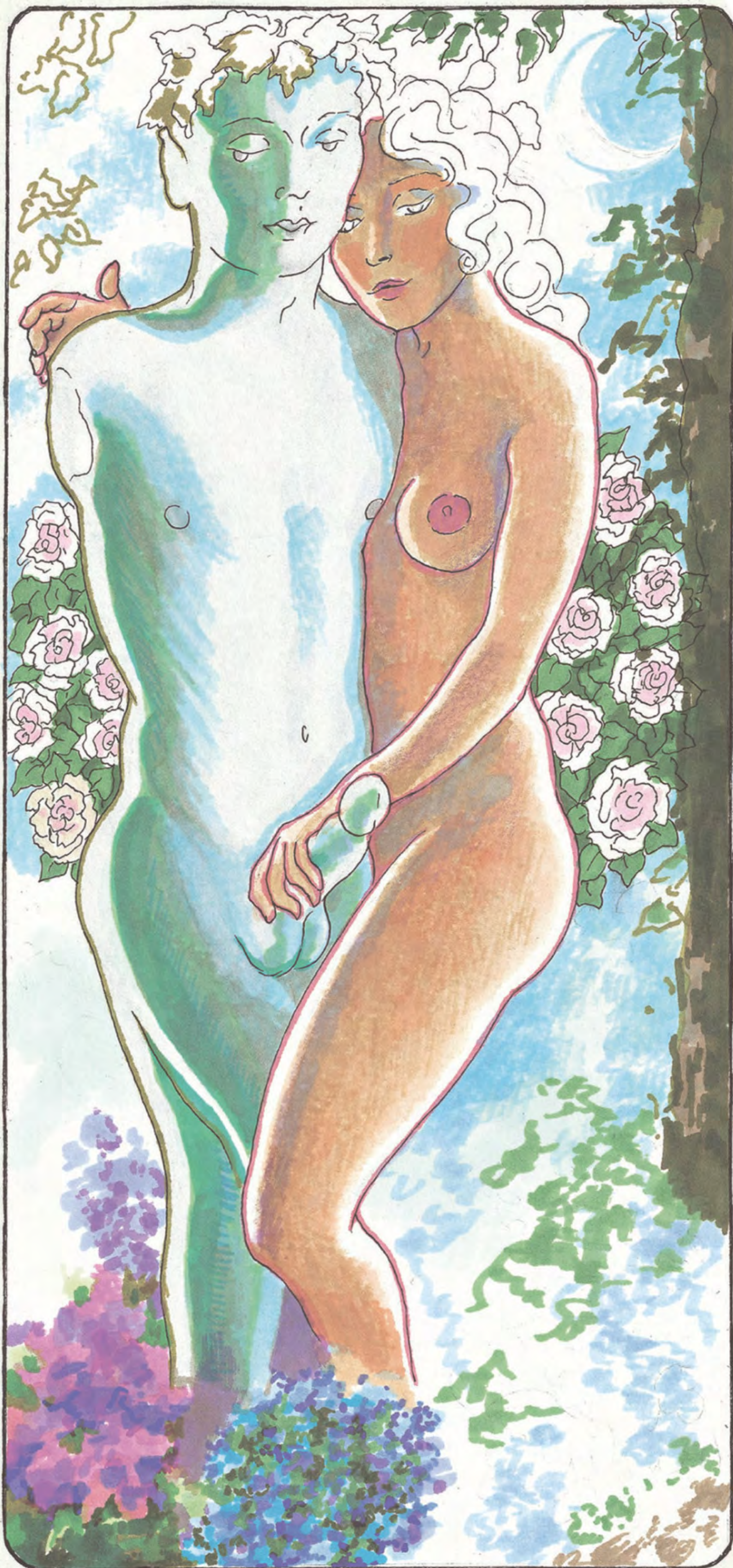
Ну, цыц! Меня не обманешь. Есть губы, которые никогда не лгут.

М-м-мн.

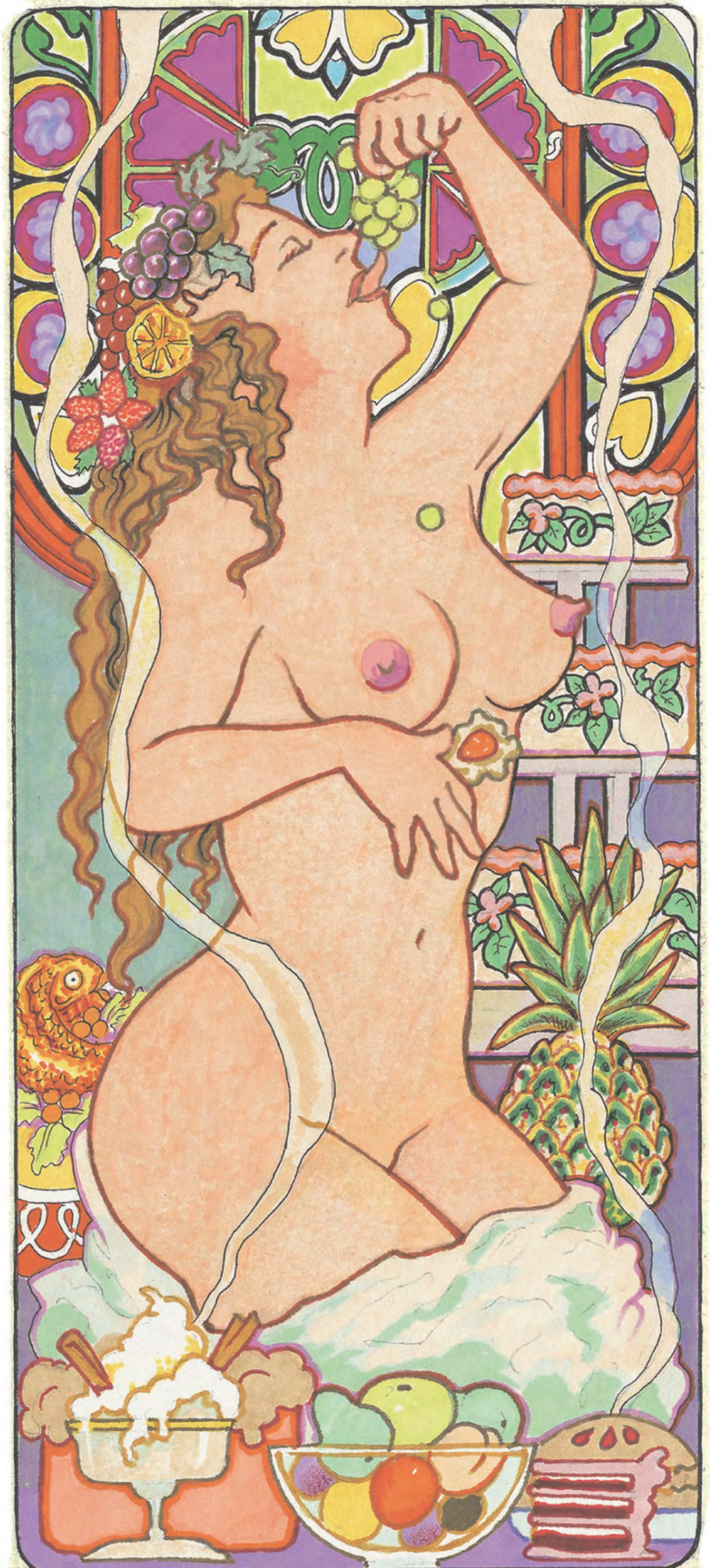
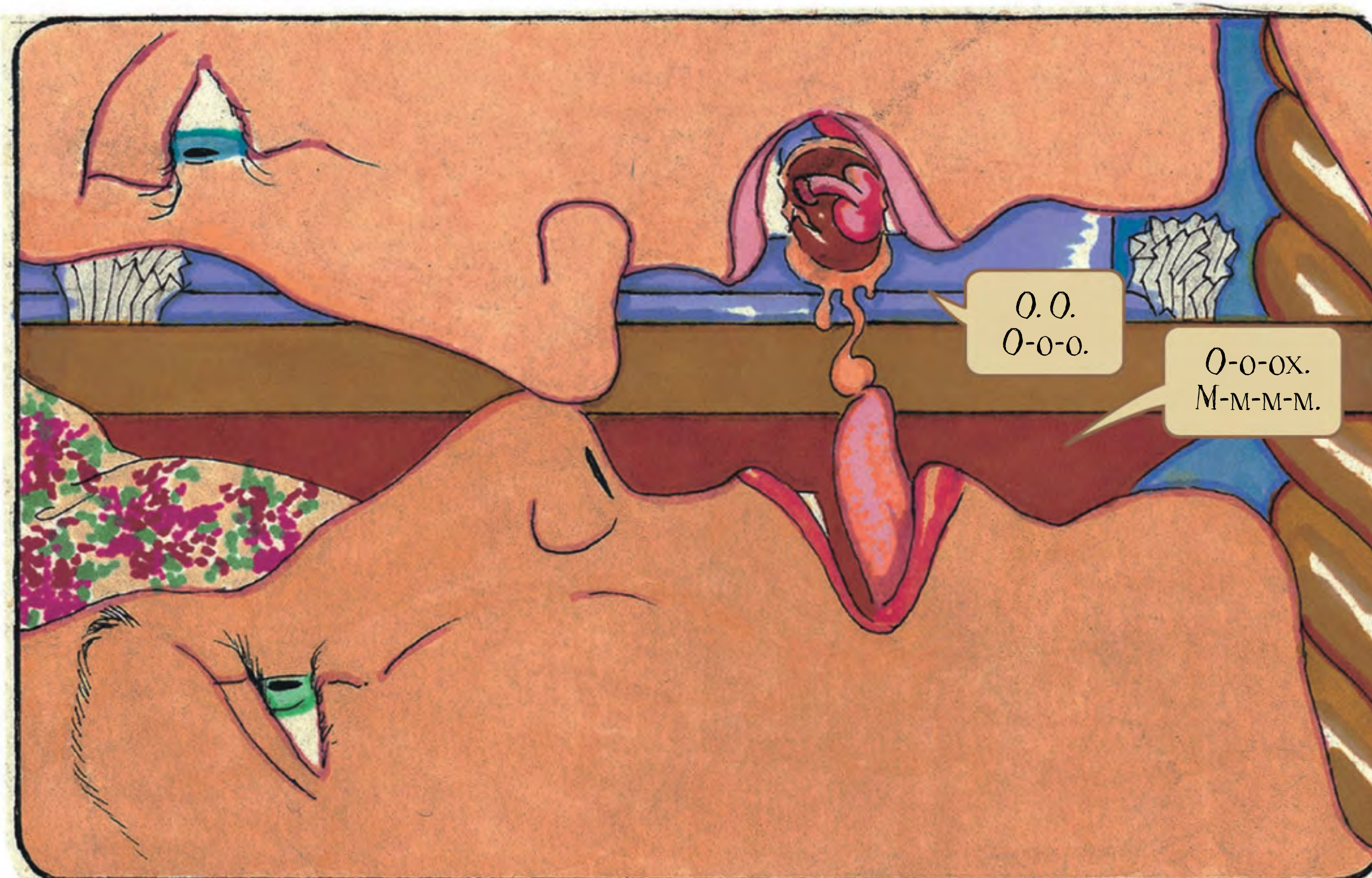
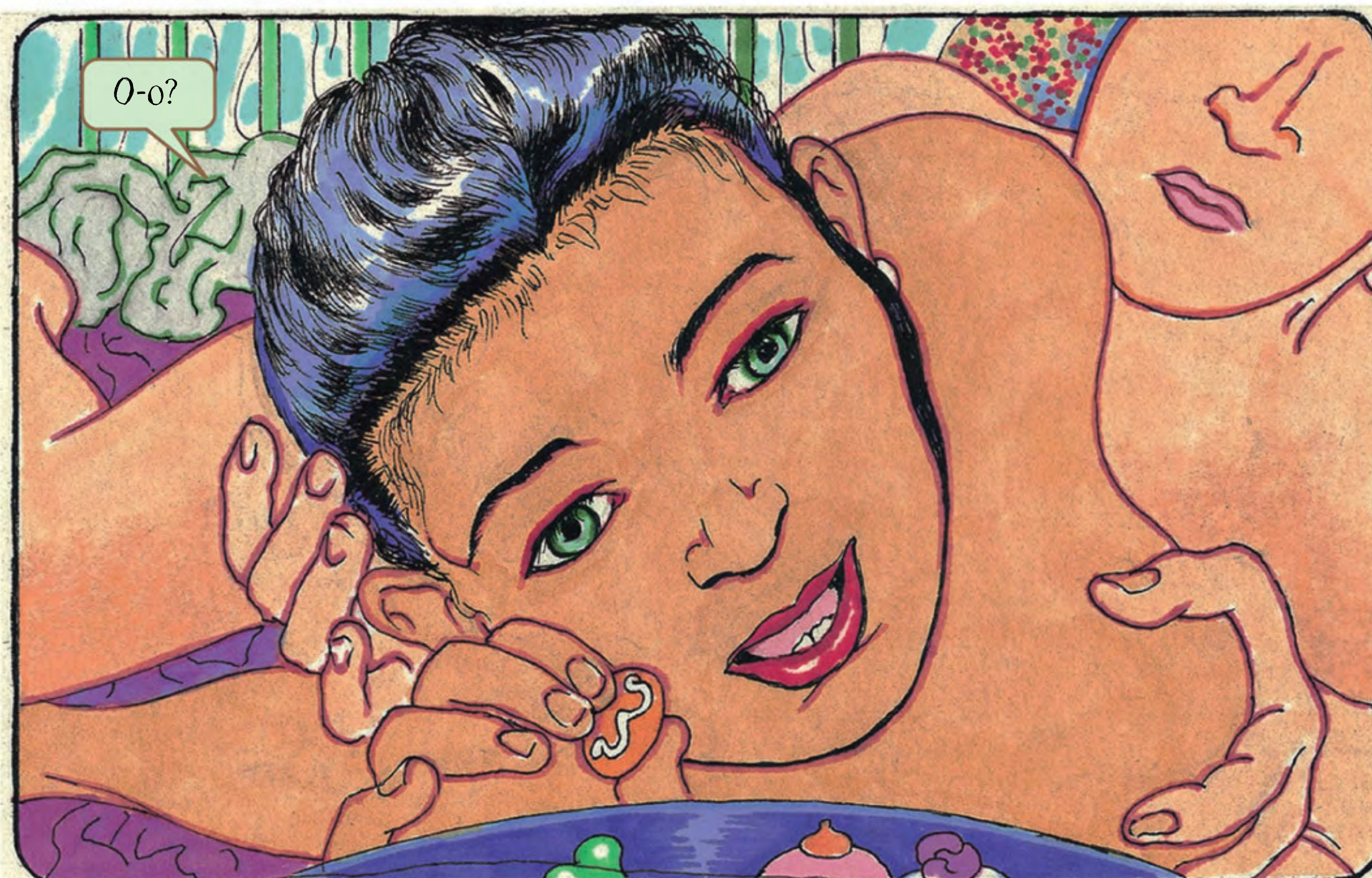
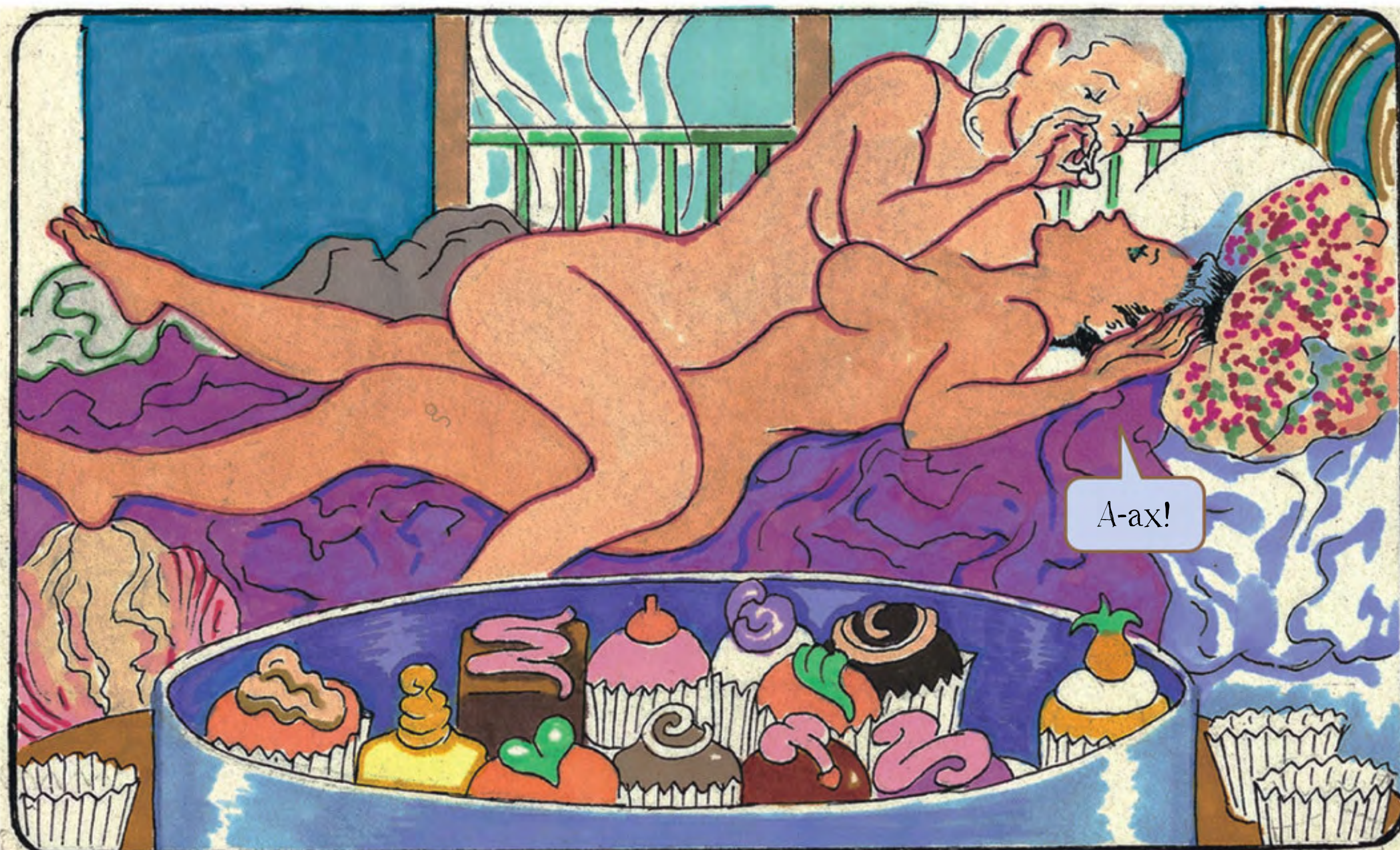
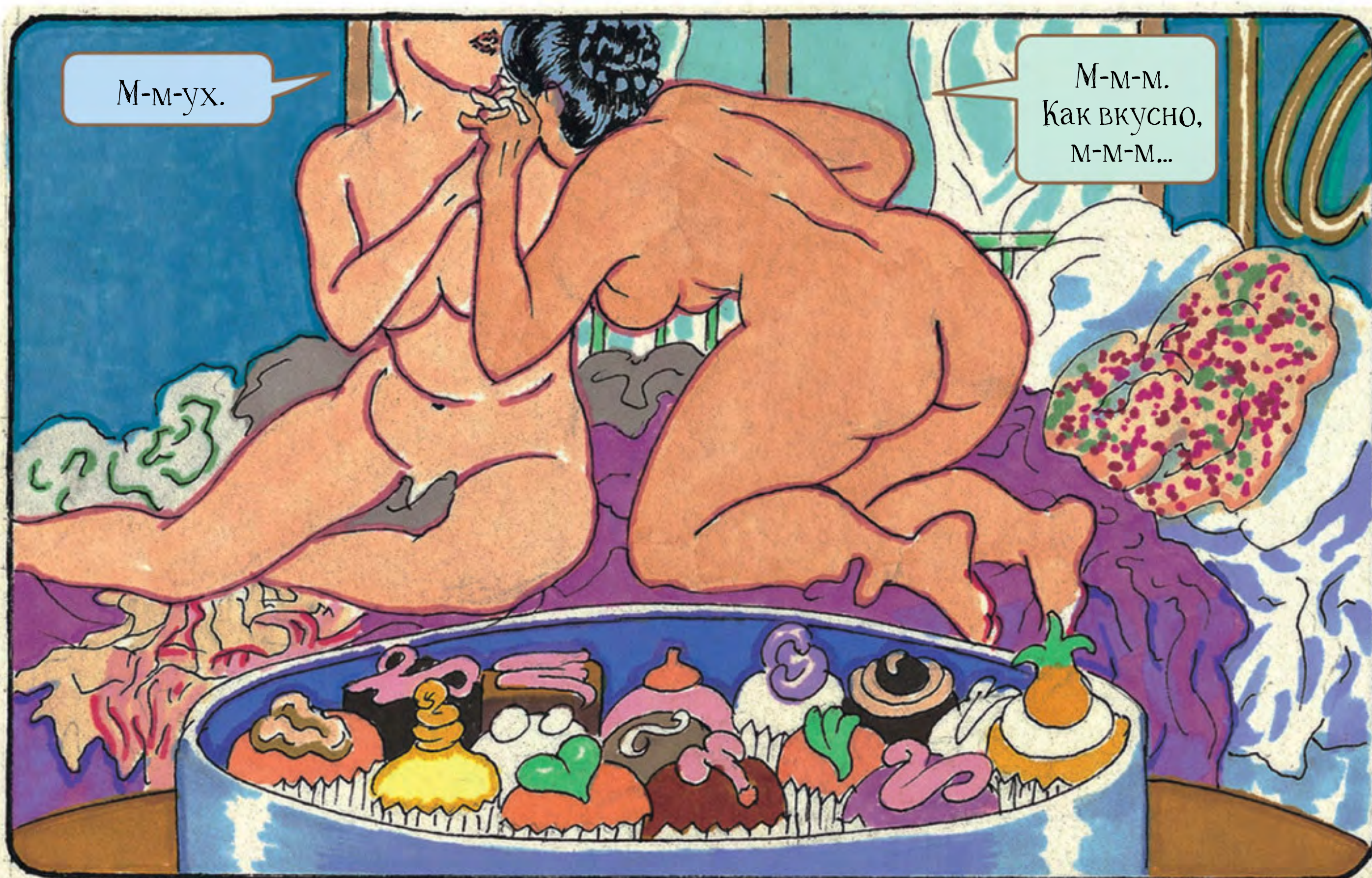
Что до беседы, манеры велют мне ее прервать.

С набитым ртом не разговаривают.

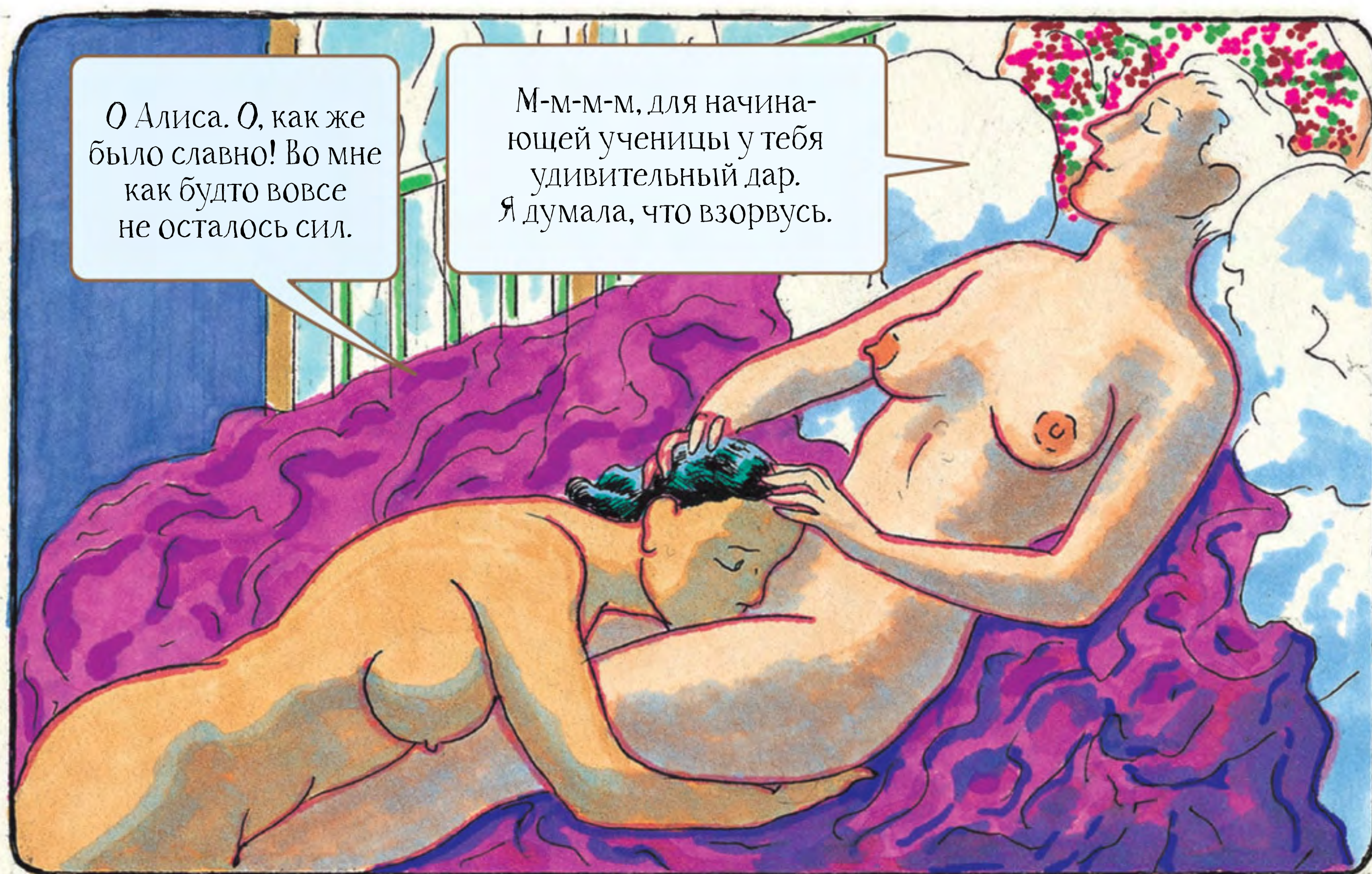
ПОХОТЬ

КАК К ЧРЕСЛАМ КРОВЬ ПРИЛЕТ,
ТО И ПРОСТУШКИ ВДРУГ ОТРАДНЫ РАЗОМ ГЛАЗУ.
КАК ПОЛЯ В ЗАКАТ, ХОЗЯЙКИ-МЫШКИ, ЧТО ШЕБЕЧУТ
ЛИШЬ О ПЛАТЬЯХ, - ПИФИШ, И СЛОВНО БРЕНДИ, ЖУЖЕТ ИХ ОСТРЫЙ
ЯЗЫЧОК, И МОИ МЫСЛИ ЛИШЬ О ЖАРКОМ МЯСЕ В СОБСТВЕННОМ
НОЧНОМ СОКУ. НЕ ПОМНЮ Я ИСКУССТВА, ГОРЯ ЦИЛЬ СЕБЯ. ГОРЯ, В ВЕЩАХ
НЕ ЗНАЮ ГЛУБИНЫ: ТАМ, ГДЕ ЛЮБОВЬ СЛЕПА, ТАМ ОДНОГЛАЗ РАЗВРАТ.

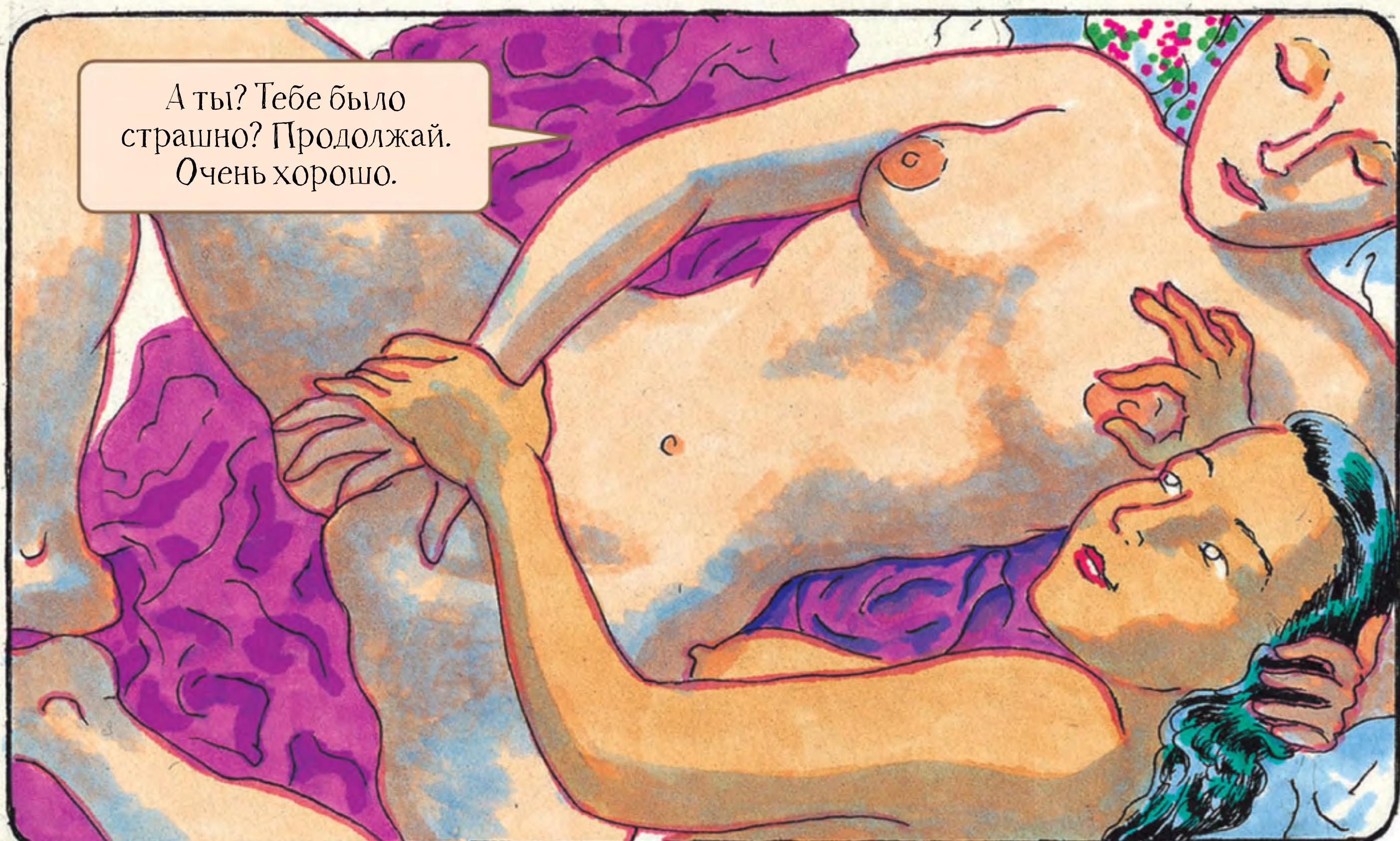
ЧРЕВОУГОДИЕ

СЕ БУХТА, ГДЕ РУСАЛКИ ОЗОРНЫ
И РЕЗВЫ. ЗДЕСЬ ДОНОСИТ БРЫЗГИ
ИЗ МОРЕЙ ОКОЛОПЛОДНЫХ, ВЛАГА НЕЖНАЯ ПОЕТ
ПОГИБЕЛЬ КОРАБЛЯМ, ОДЕТЫ ПЕНОЮ, В ВОЛНЕНИИ ЕЕ БЕДРА ПРЕБЫВАЮТ.
НАС БЬЮТ БУРНЫЕ ВАЛЫ. ОНА - ЧУДНОЮ МАСКОЮ НА МОЕМ ЛИЦЕ, СПЛЕТЕНЬЯ
АНЕМОНОВ СКВОЗЬ НЕЕ ВИДНЫ. ЕЕ ЛОЗА, ЕЕ ВИНО; ТАКОЙ НЕБЕСНЫЙ ТЛЕН
СЛОЧИЛ МОИ УСТА, ЧТО НЕ МОГУ «ДОВОЛЬНО» МОЛВИТЬ ВО УМЕЛЮ.

О Алиса. О, как же было славно! Во мне как будто вовсе не осталось сил.

М-м-м-м, для начинающей ученицы у тебя удивительный дар. Я думала, что взорвусь.

А ты? Тебе было страшно? Продолжай. Очень хорошо.

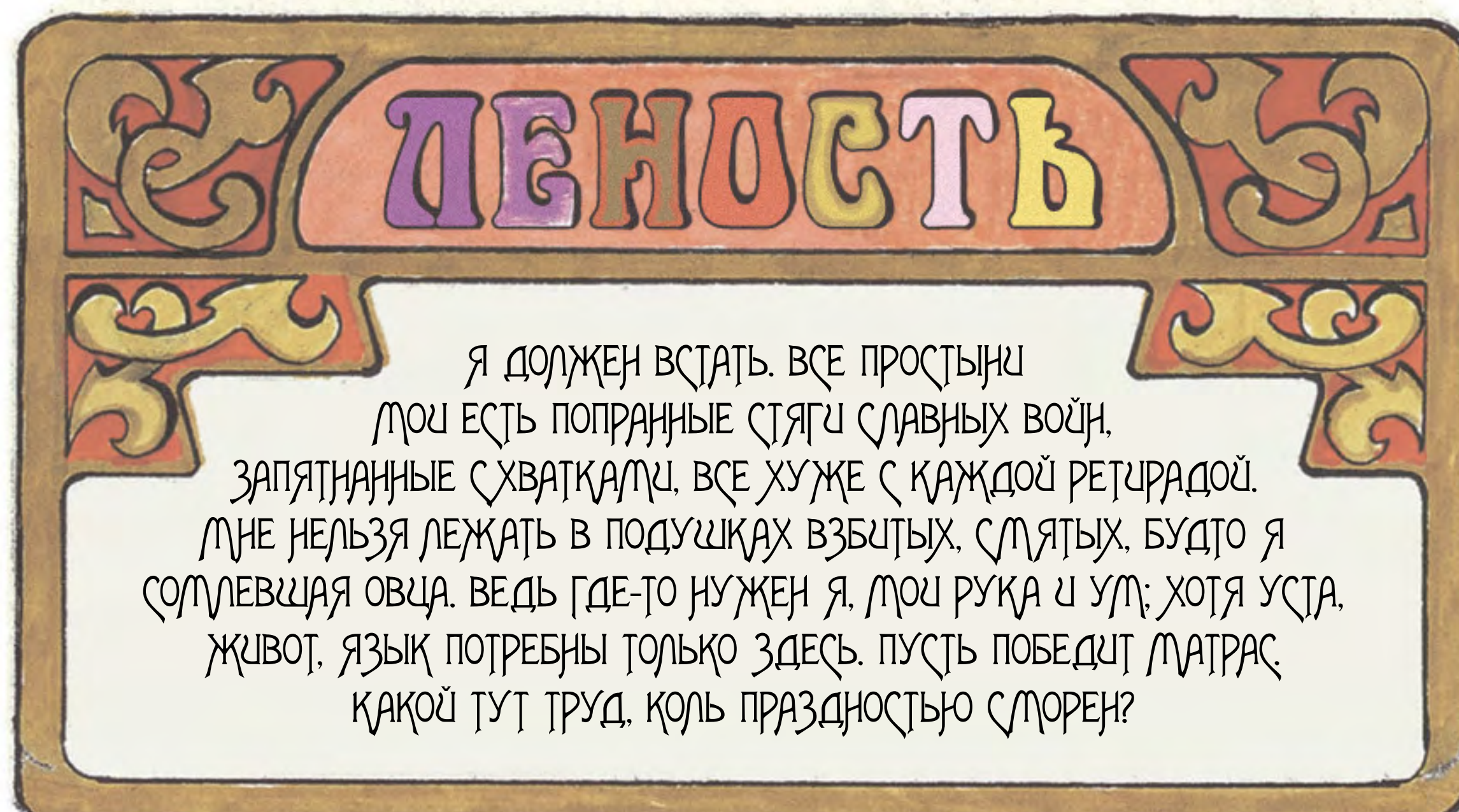
Во мне словно что-то пробудилось.

Кстати говоря, не стоит ли нам одеться? У нас еще есть дела.

Не сомневаюсь. И пусть ими занимаются люди в одежде.

Скоро мы встанем и будем полны энергией. Но не сейчас, дорогая, не сейчас.

ЛЕНОСТЬ

Я должен встать. Все простыни мои есть помятые стяги славных воинов. Запятнанные схватками. Все хуже с каждой ретирадой. Мне нельзя лежать в подушках взбитых, смятых. Будто я сомлевающая овца. Ведь где-то нужен я. Мои рука и ут. Хотя уста. Живот. Язык потребны только здесь. Пусть победит матрас. Какой тут труд. Коль праздностью сморен?

глава

13

Задом
наперед

Чудный вечер, Бауэр!
Приятно поговорить с тем,
кто знает бронемашины
не понаслышке.

Держу пари, наш
вечер вышел живее,
чем у моей **жены**
с этой старухой
Фэрчайлд.

Возможно.
Желаешь
пропустить
стаканчик?

О, прошу.
По маленькой.

Вижу, и в твоём
номере поджидал
этот скабрёзный
журнальчик?

Das Weisse Buch? Ja.
Я думаю, увлекательное
чтение для постели.

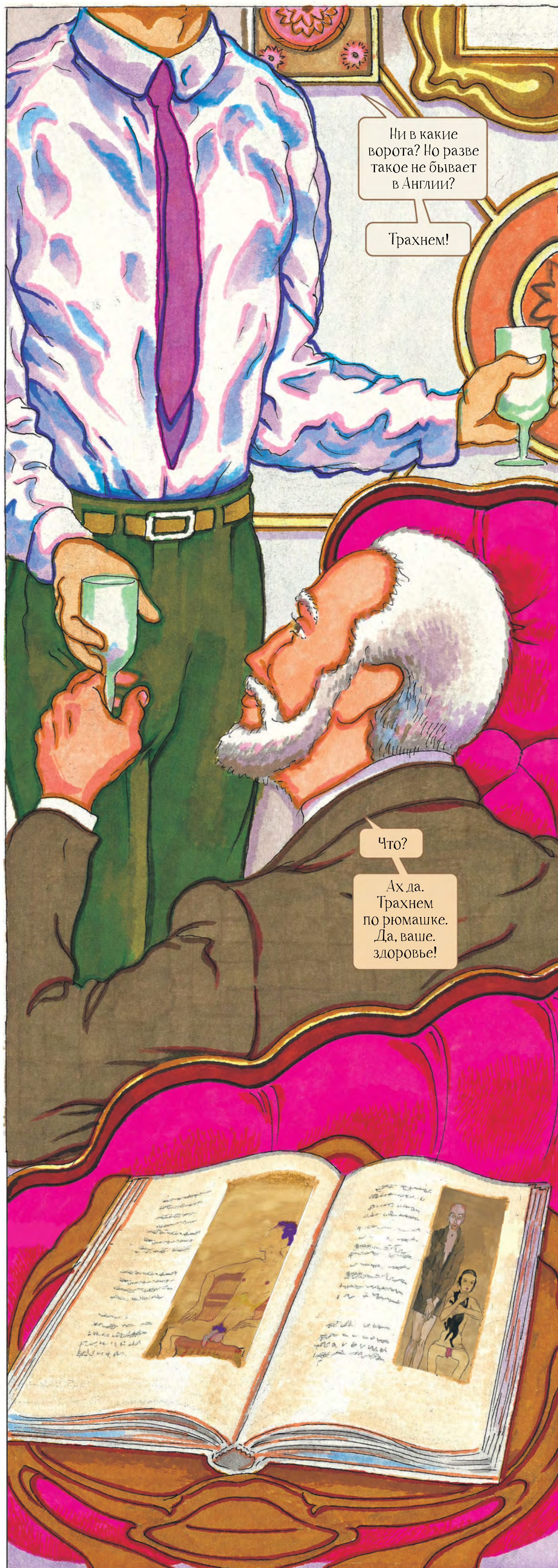
Ну, да, но...

...я хочу сказать,
кое-что здесь
из ряда вон!

«Из ряда»?

Ну знаешь. Ни в какие
ворота. Женщины шалят
с другими женщинами;
мужики на мужиках,
тому подобное.

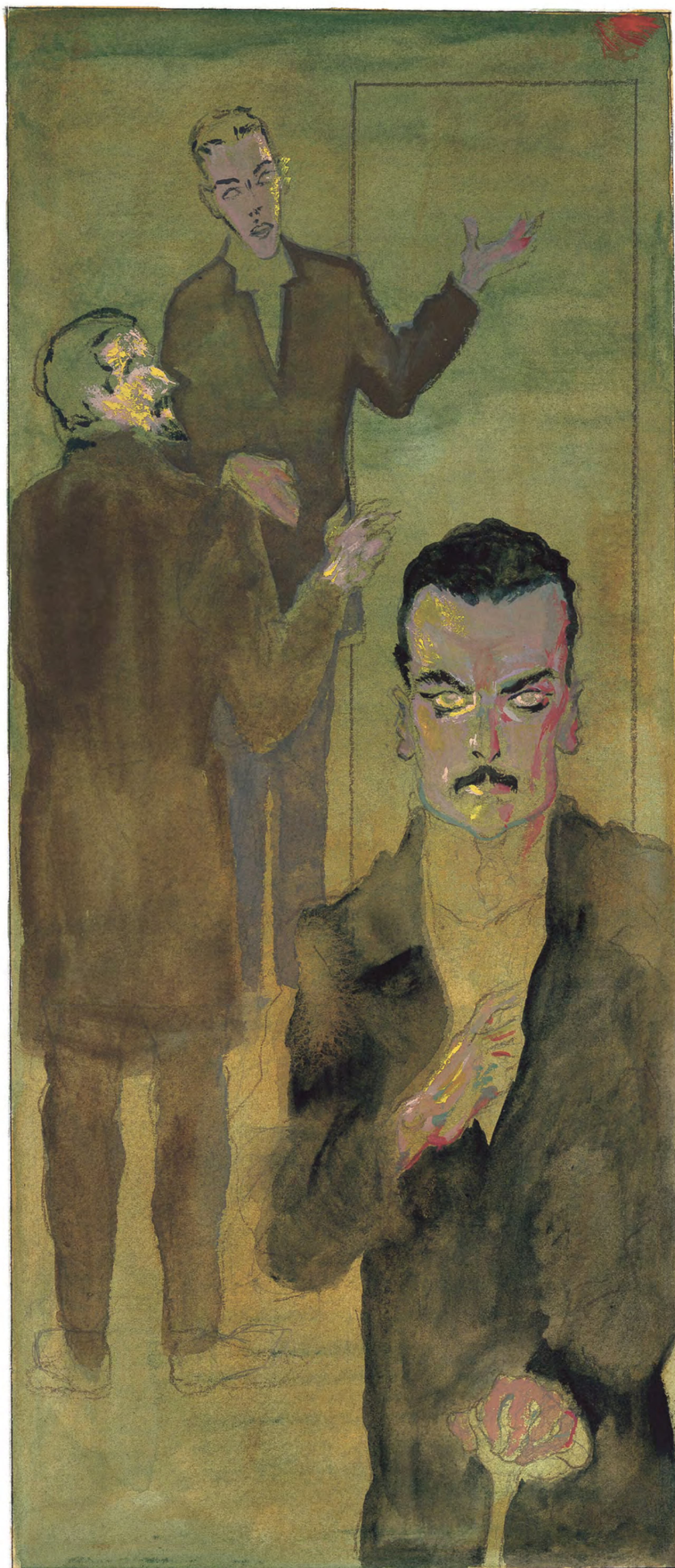
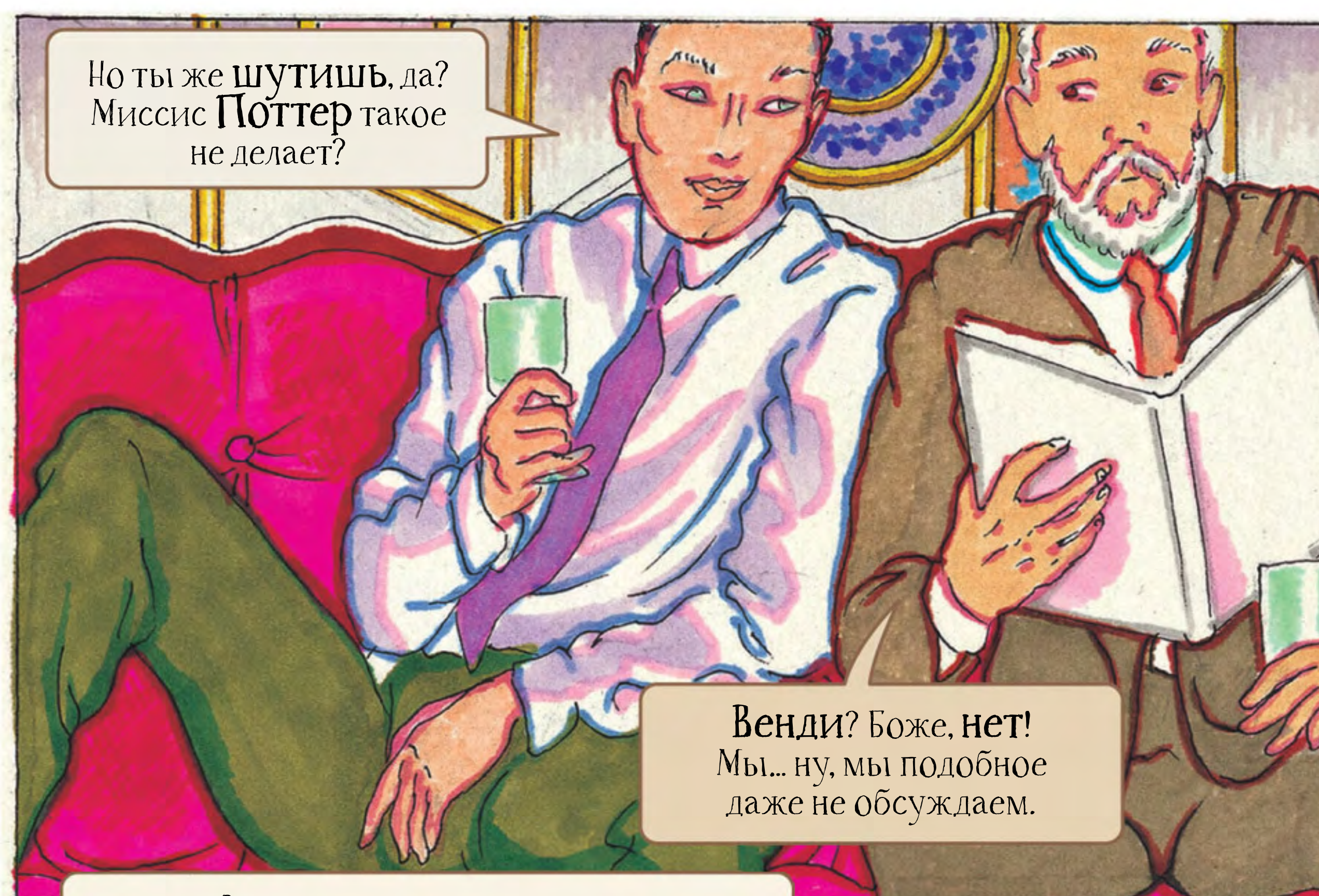

Ни в какие
ворота? Но разве
такое не бывает
в Англии?

Трахнем!

Что?

Ах да.
Трахнем
по рюмашке.
Да, ваше.
здоровье!

Оставив несчастного Холлуорда в студии рыдать над скипидаром, лорд Генри Уоттон сперва сопровождал Дориана Грея в самую редконаселенную брассерию Вест-Энда, пояснив, что, подобно Кальдерону, ресторан выдающийся, но малоизвестный. Осмелев после бренди и безраздельного внимания Грея, Генри предложил посетить далее близстоящий эксклюзивный клуб для джентльменов. Покоренный харизмой лорда, Грей счел это блестящей идеей, и уже полночью парочка тихо шушукалась со швейцаром, прискорбный одеколон которого не в силах был развеять благоухание обещания, разлитое в сладком вечерке, овеванном ароматом раkitников.

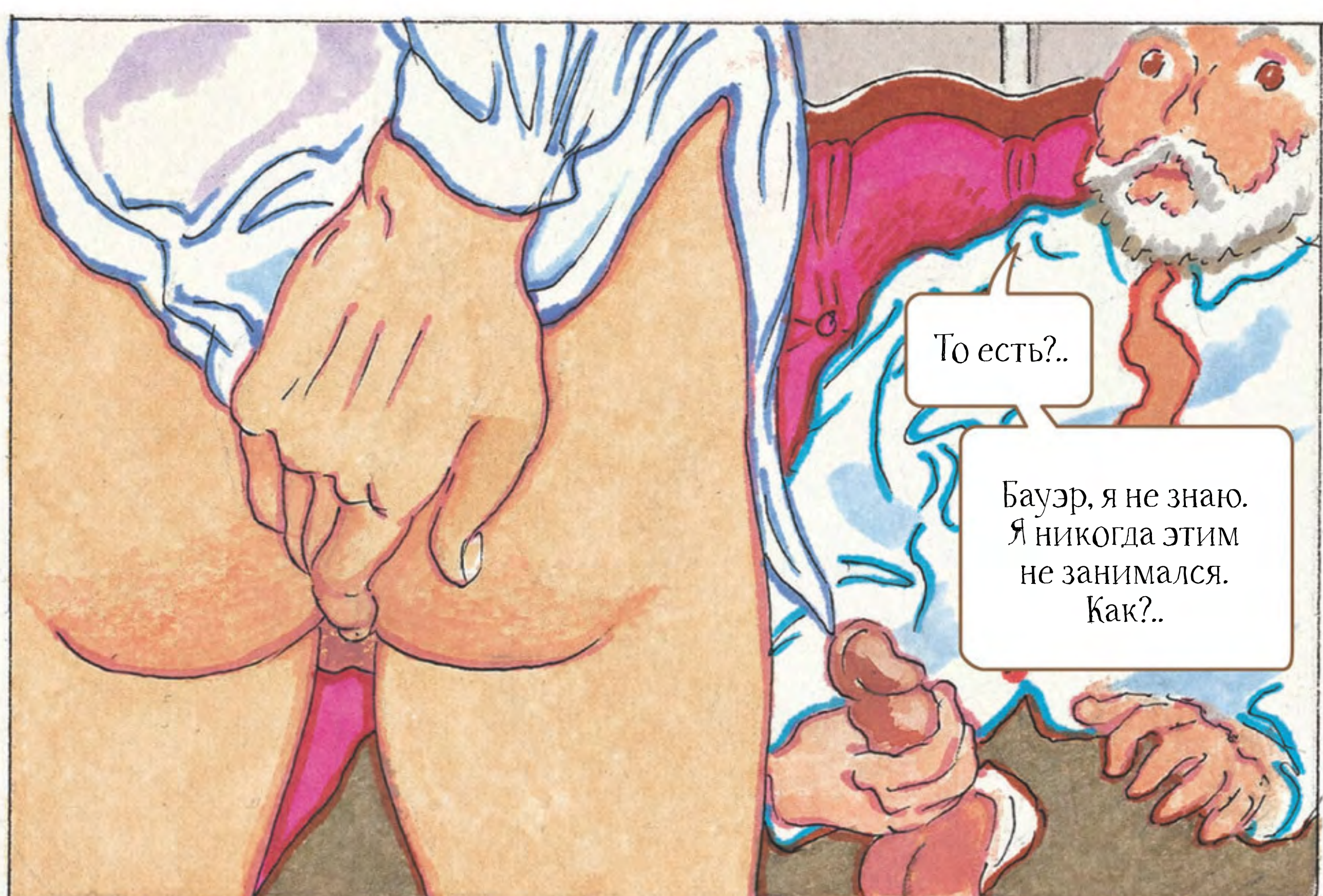
Внутри в стенах, разряженных в парчу, сидели напудренные существа, изящные и хрупкие, как орхидеи. Грей пришел в ужас.

– Святые небеса! – воскликнул он. – Что же это за заведение? Лорд Генри воздел бровь.

– Небеса – преунылое место, будучи закрытым для множества людей.

– Ваши остроты неуместны, сэр! Я не окунусь в разврат и не пробуду здесь доле – ни минуты! – стиснув губы в алый шрам, Дориан готовился было уйти. Уоттон задержал его.

– Полноте! Чтобы добыть жемчужины мудрости, совершенно необходимо окунуться на дно.

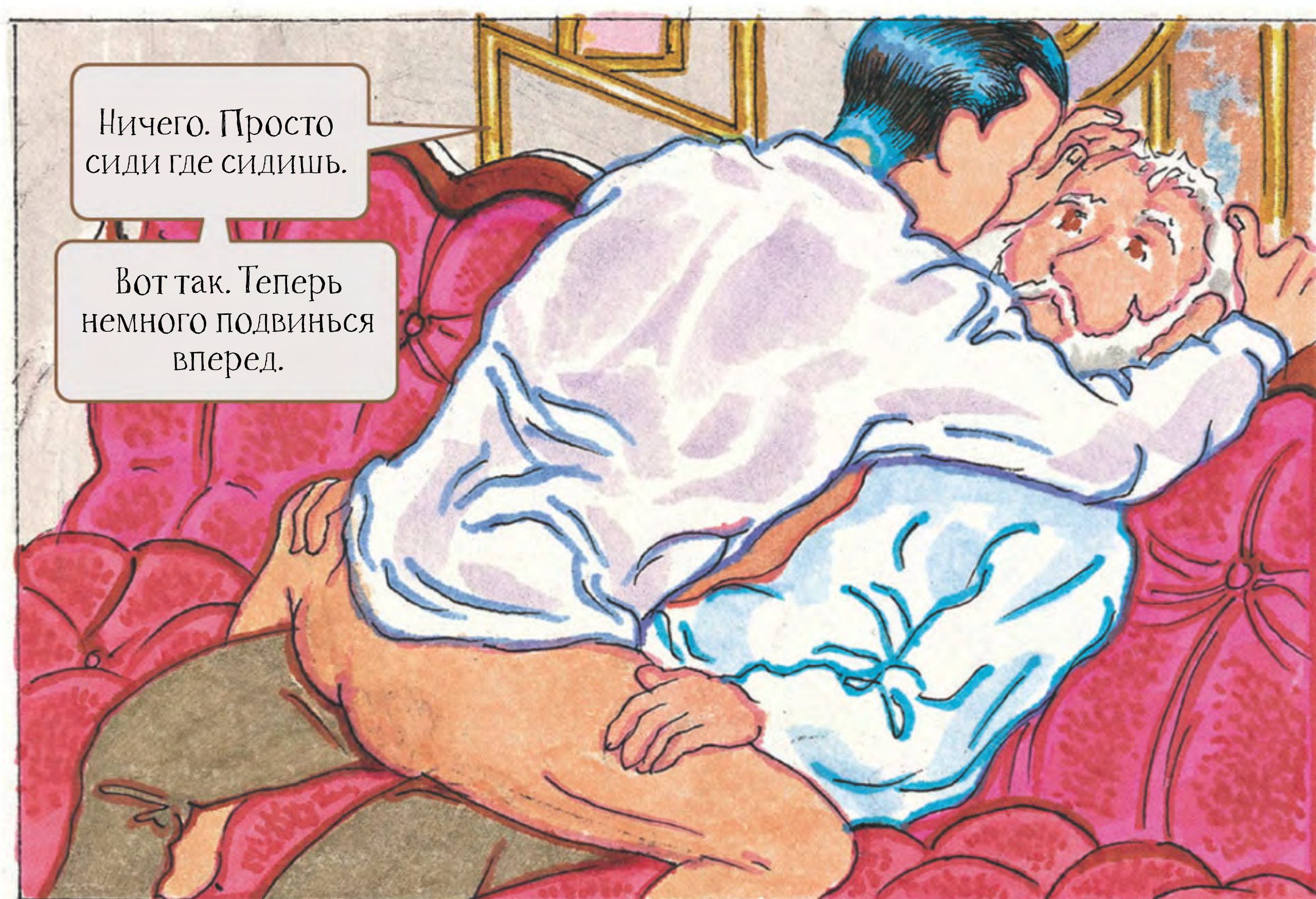

Проникаясь интересом к спору, лорд Генри усталал ветви диспута изящными риторическими цветами.

– Как я и предлагал, пока вы изволили позировать для Холлуорда, нам следует наслаждаться жизнью, прежде чем она выродится в старческую немощь. Молодость дана, чтобы грешить, ибо порок увядает быстро, тогда как добродетель не расцветает во все.

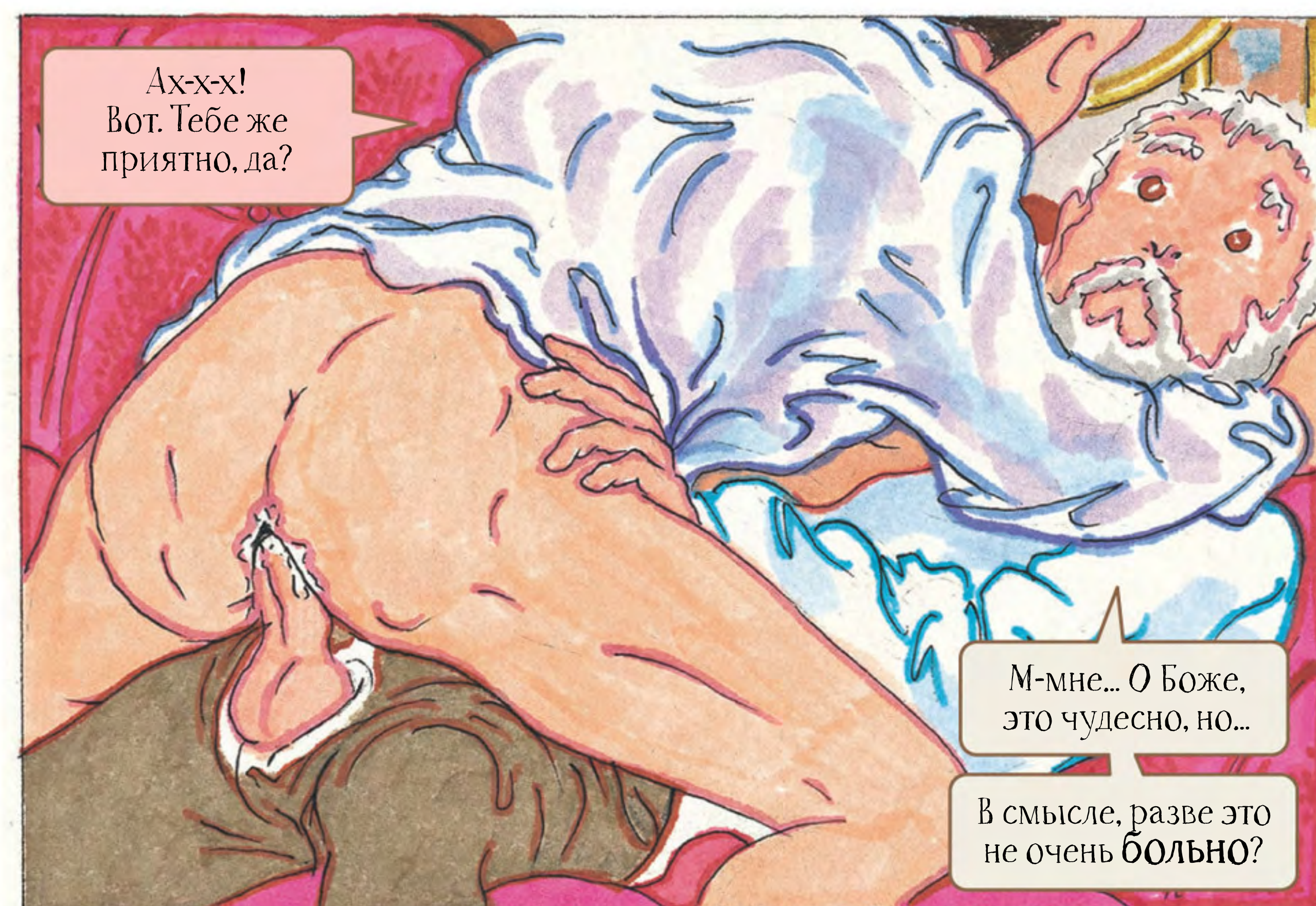
Уоттон обвел рукой прочих клиентов салона, прильнувших к своим фаворитам.

– Какая удручающая череда просвечивающих черепов, мешкавших с удовлетворением страстей, пока те не угасли, – словно робкие поэты, что мнутя годами, прежде чем занести перо и обнаружить, что чернила давно уж пересохли.

Ничего. Просто седи где сидишь.

Вот так. Теперь немного подвинься вперед.

Ах-х-х! Вот. Тебе же приятно, да?

М-мне... О Боже, это чудесно, но...

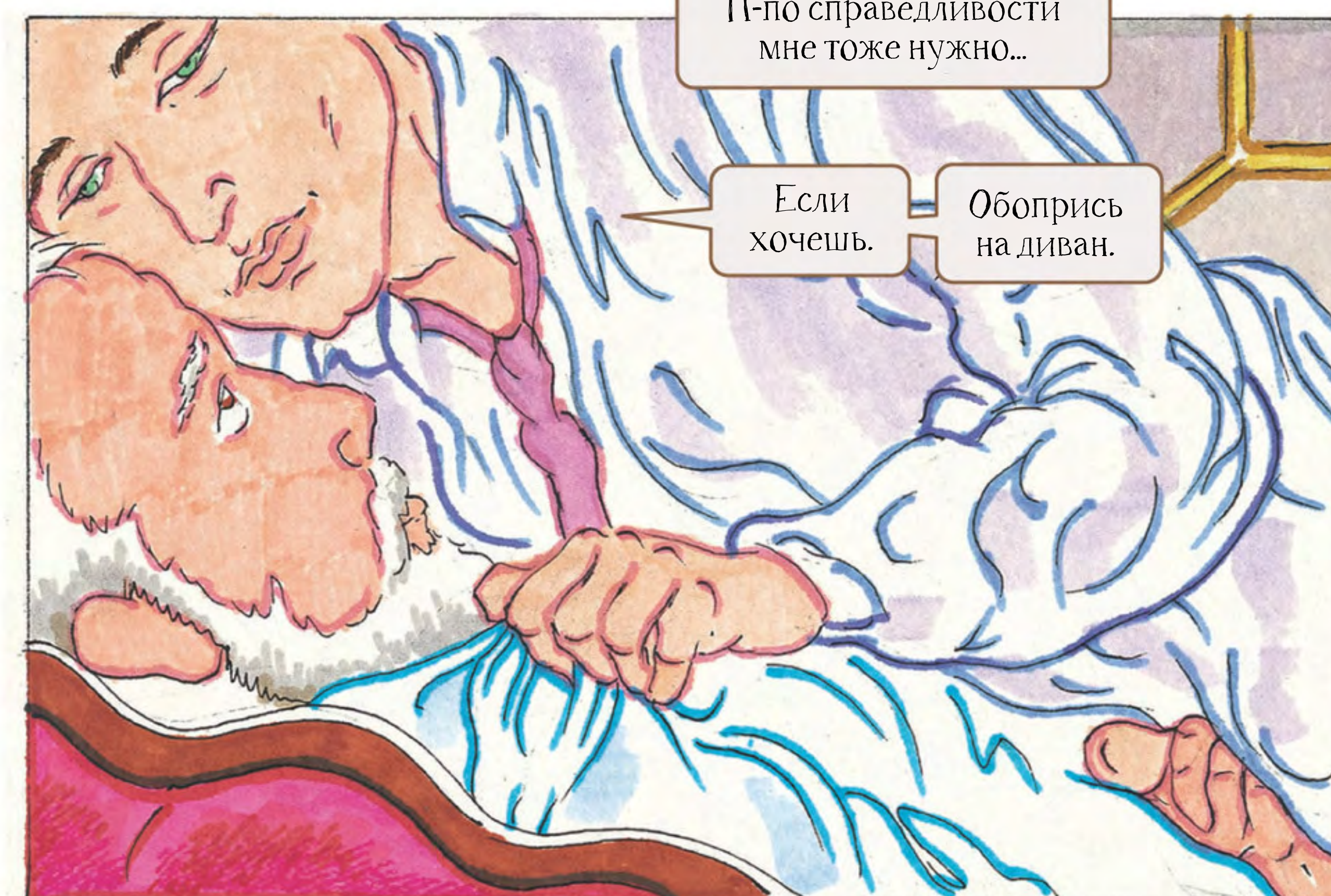
В смысле, разве это не очень БОЛЬНО?

Больно, но иногда это хорошо, nein?

Вот, положи на меня руку. Ты сам увидишь, как я доволен.

А м-моя очередь? П-по справедливости мне тоже нужно...

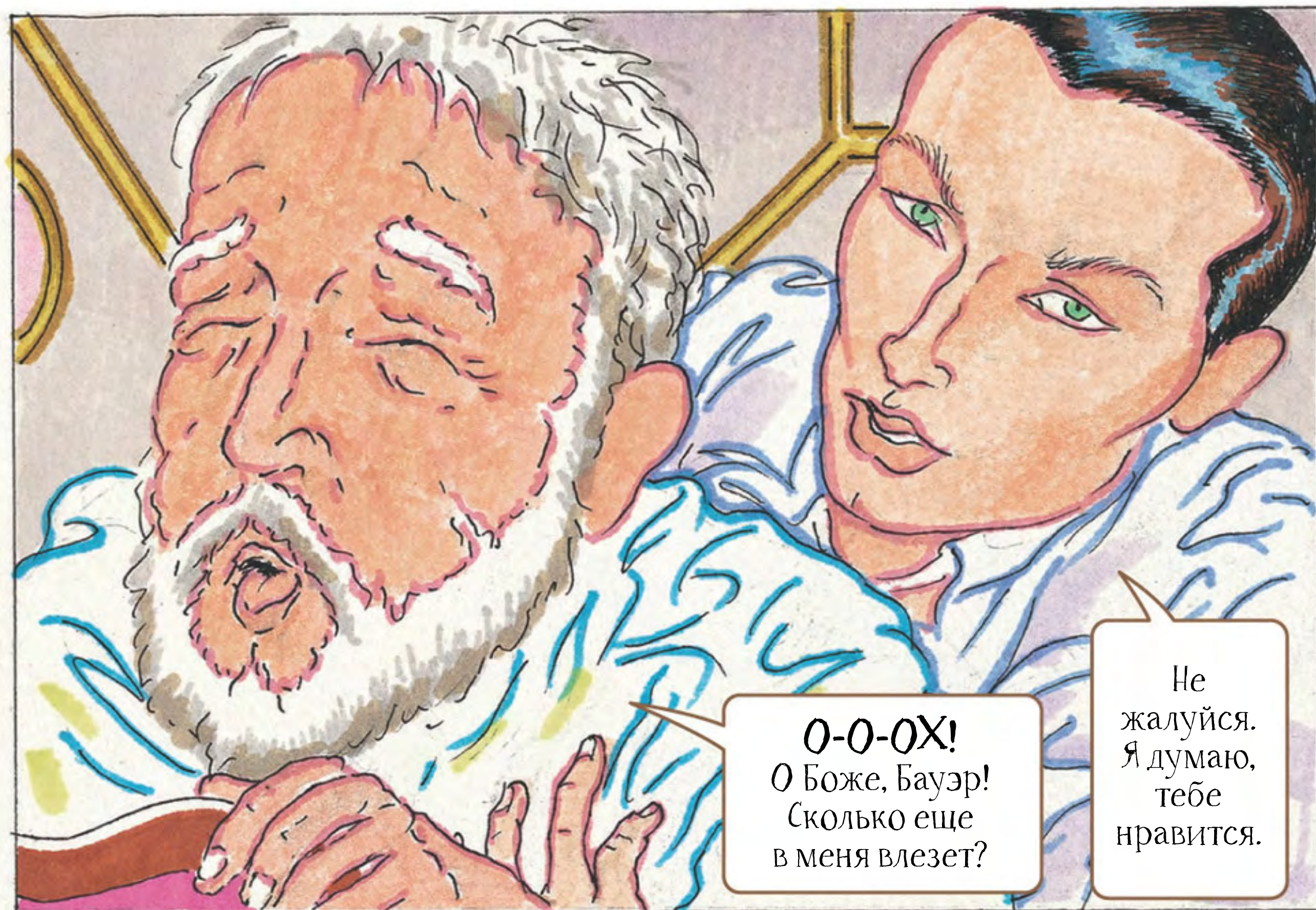
Если хочешь.

Обопрись на диван.

Тем самым успокоенный, Грей окинул взглядом эллинские картины, представшие в мерцании дальних уголков клуба. Один из обольстительных распутников, раскинувшись на шелковом животе подушки, пользовался пристальным вниманием двух джентльменов, которых Грей узнал по недавнему рауту у леди Агаты. Он наблюдал за их чередующейся игрой в Красавицу и Чудовище, разгораясь вопреки себе. Прилившая к щекам Дориана кровь стала термометром, показания которого Уоттон считал без труда.

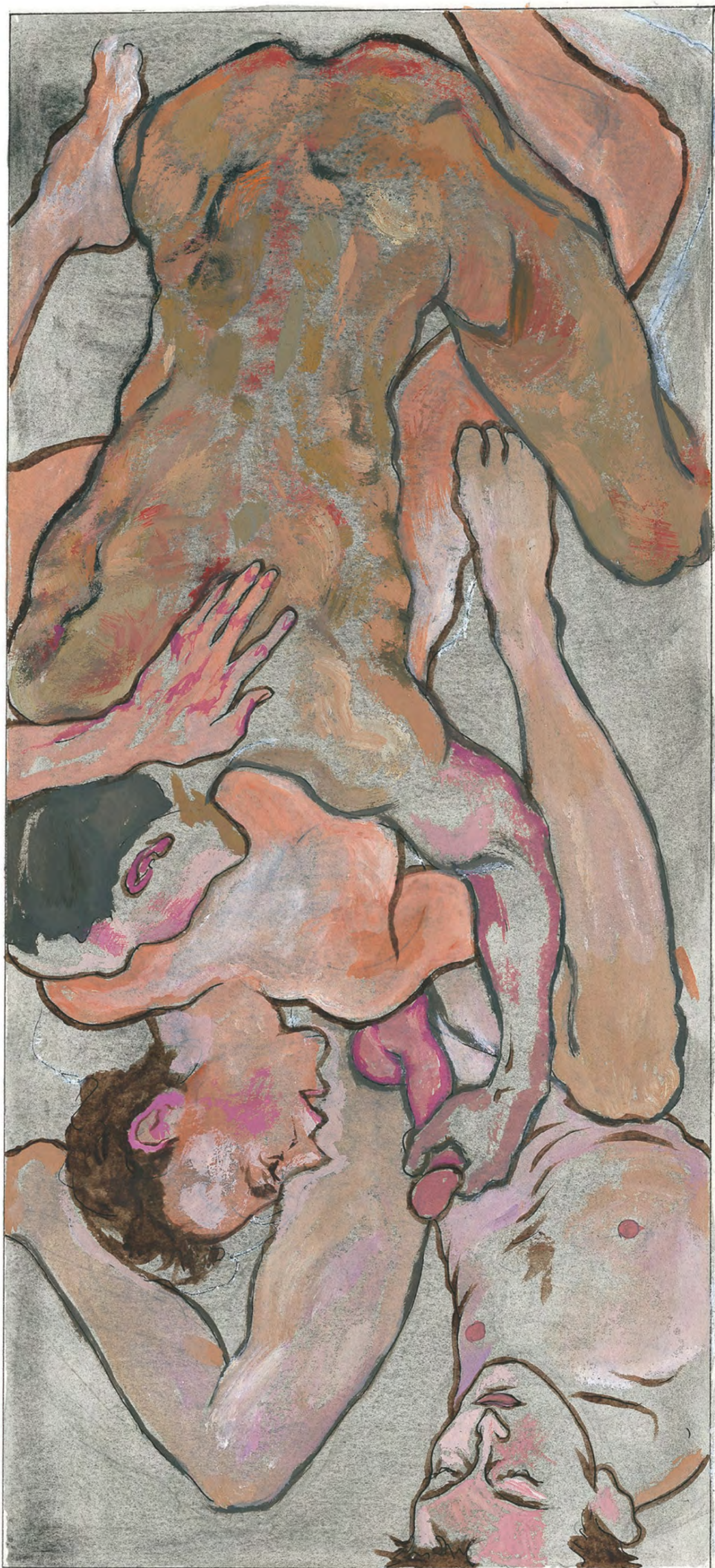
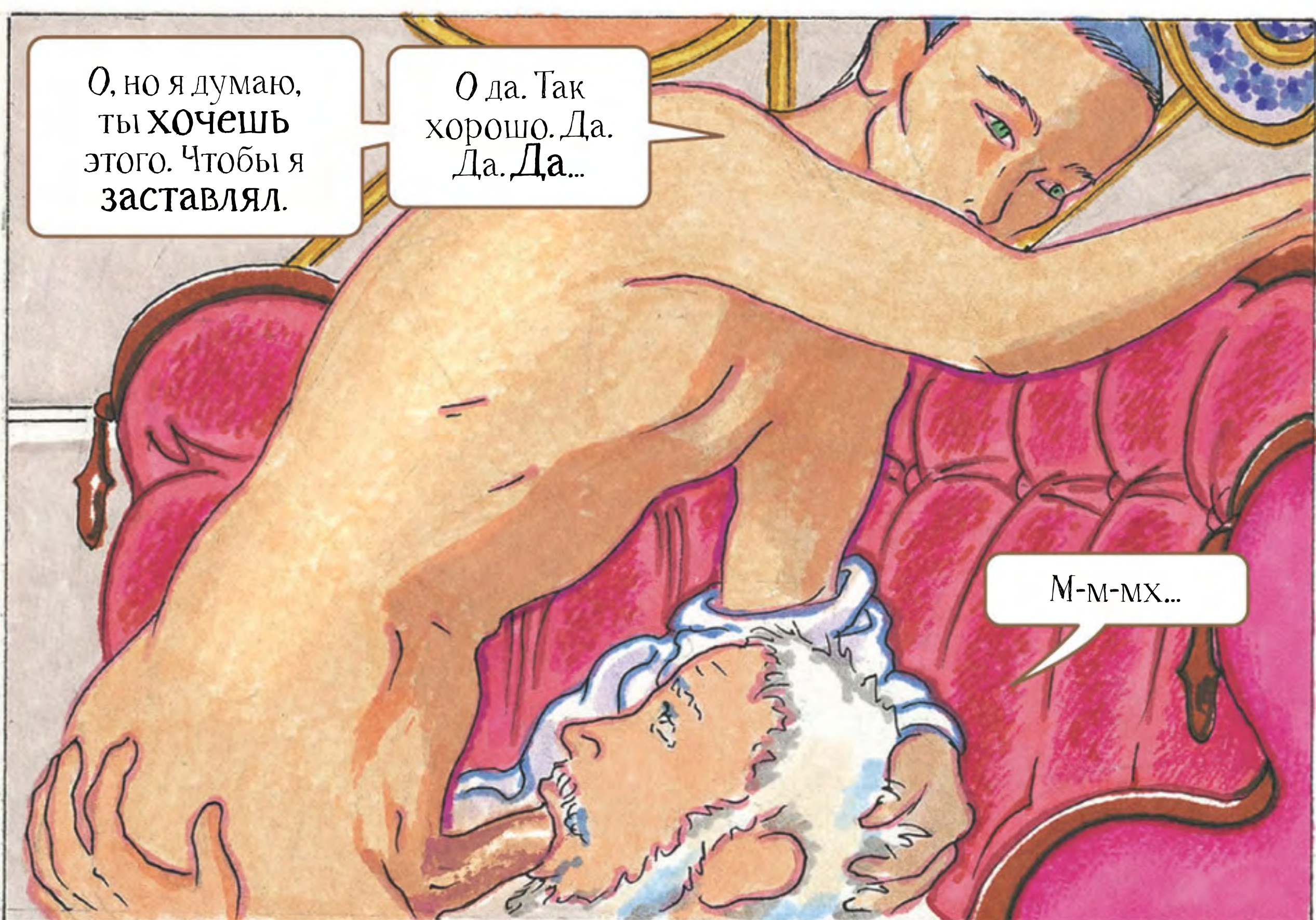
– Вы зарделись! Но отчего же нам стыдиться того, что приносит удовольствие? Стыдись мы лишь несчастья, мир стал бы куда более благоугодным.

Заразившись сей беспечной манерой, Дориан спокойно наблюдал, как лорд Генри скинул те одежды, что счел стесняющими, вошел в задымленный клуб и в скором времени ворковал с одним из персонажей салона, споро примостившись на его колени, дабы способствовать теплой беседе.

Чувствуя себя абсурдно разодетым, Грей в конце концов решил присоединиться к лорду Генри в его пренебрежении этикетом в одежде. Уоттон ободрительно окликнул его:

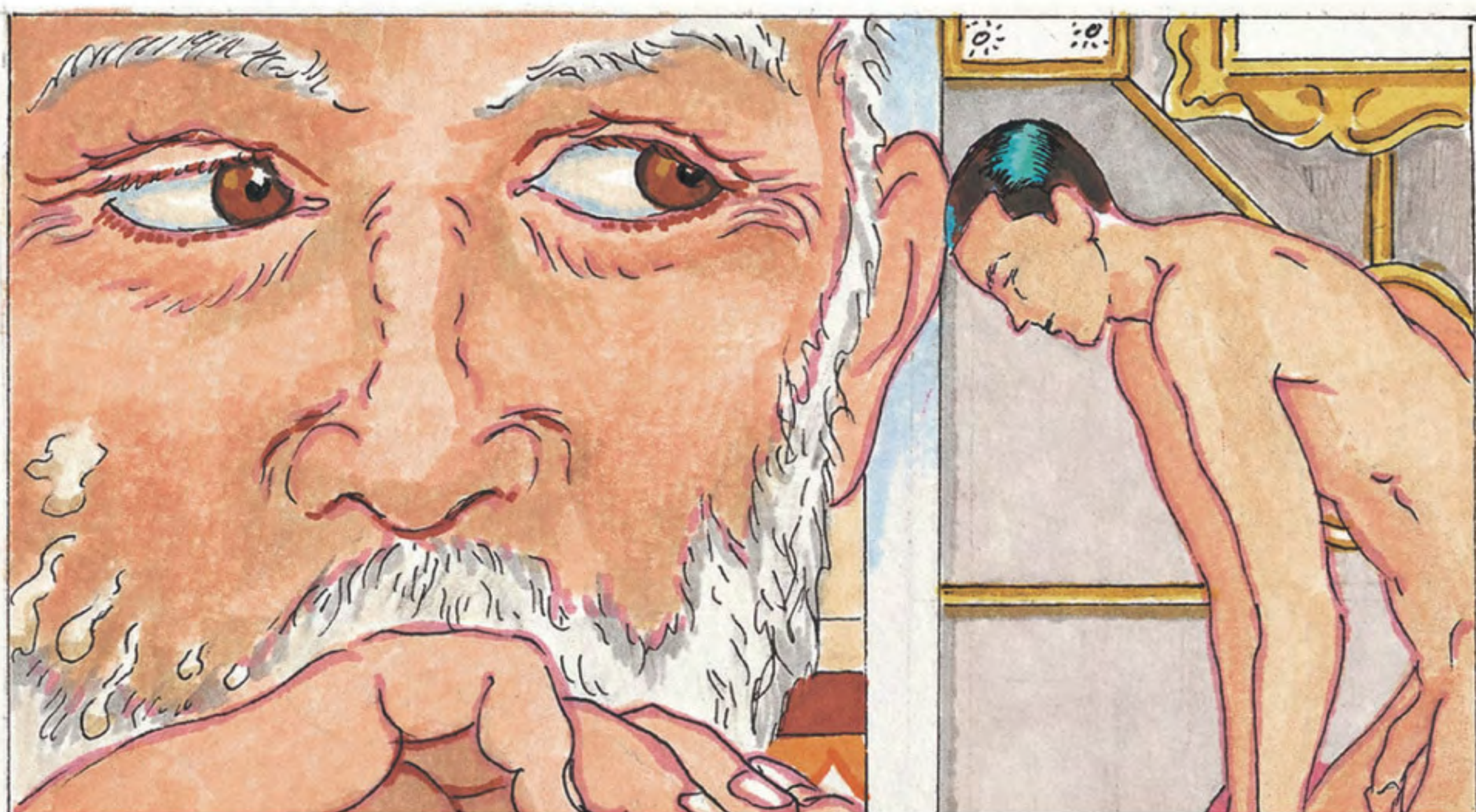
— Браво! Это же трагедия, если такие изящные формы не предстанут глазу нигде, кроме как на заляпанном полотне бедняги Холлуорда. Краска неспособна уловить свет так ловко, как ваши волосы.

Столь странным было окружение Грея, что на него опустилось лиловое забытие, подернутое лихорадочными красками желания. Он пробирался через подлесок поцелуев, барахтался в вязком саргассовом море объятий, и время в разуме расплылось, а связь между событиями – распалась.

Стоя на коленях в яркой демонстрации своей минутной страсти, он услышал над ухом лукавый, змеиный шепот Уоттона:

– Дорогой мой мальчик, постарайтесь не терять разума. Помните, что хотя Дорога Избытка ведет нас ко Дворцу Мудрости, она, как и все дороги, следует в обе стороны.

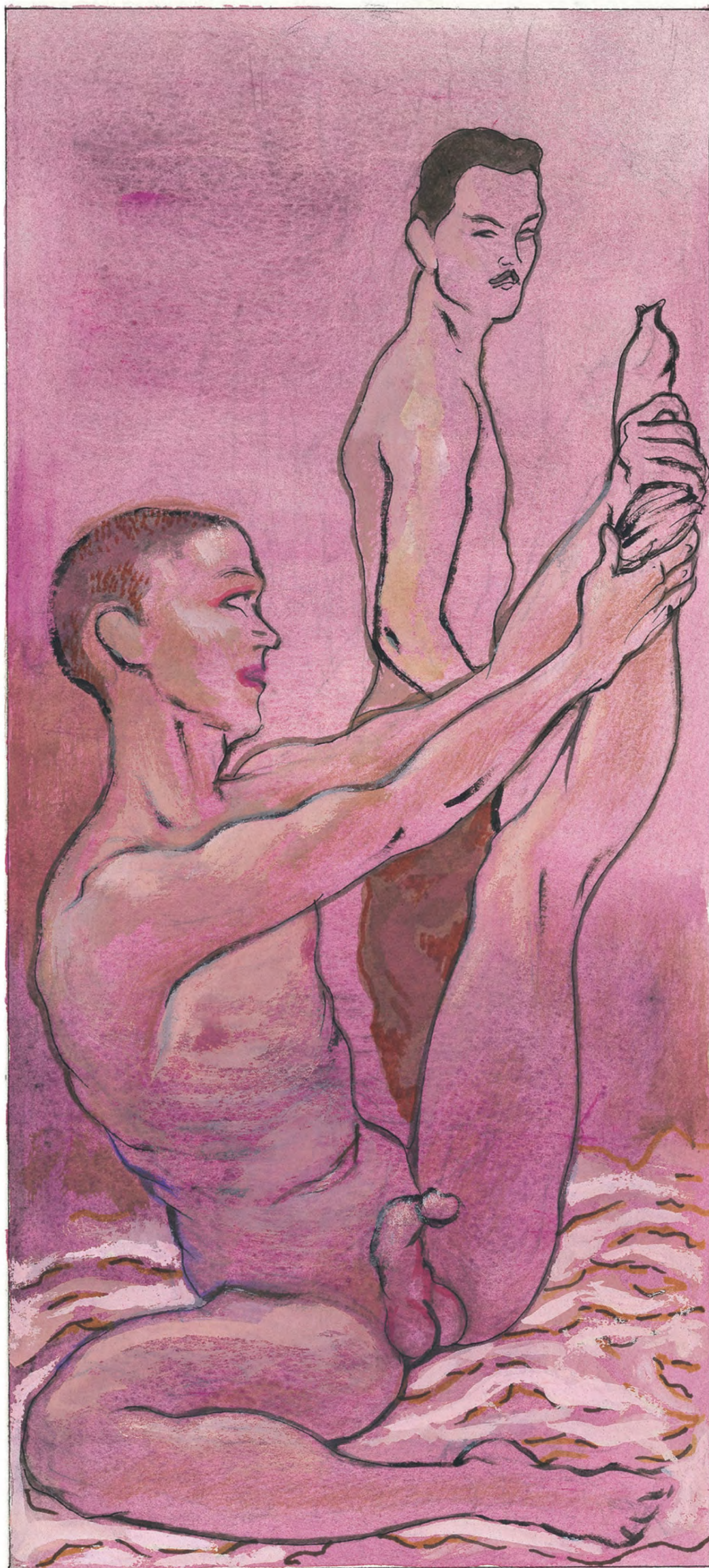
Хотя занавес того вечера смогло опустить лишь утомленье, впоследствии Грей с тревогой чувствовал, как что-то изменилось в нем, в его понимании самого себя.

Уже не тот, кто стоял нагим часы назад в студии Холлуорда, он понял, что искусная масляная реплика его черт уже стала фальшива.

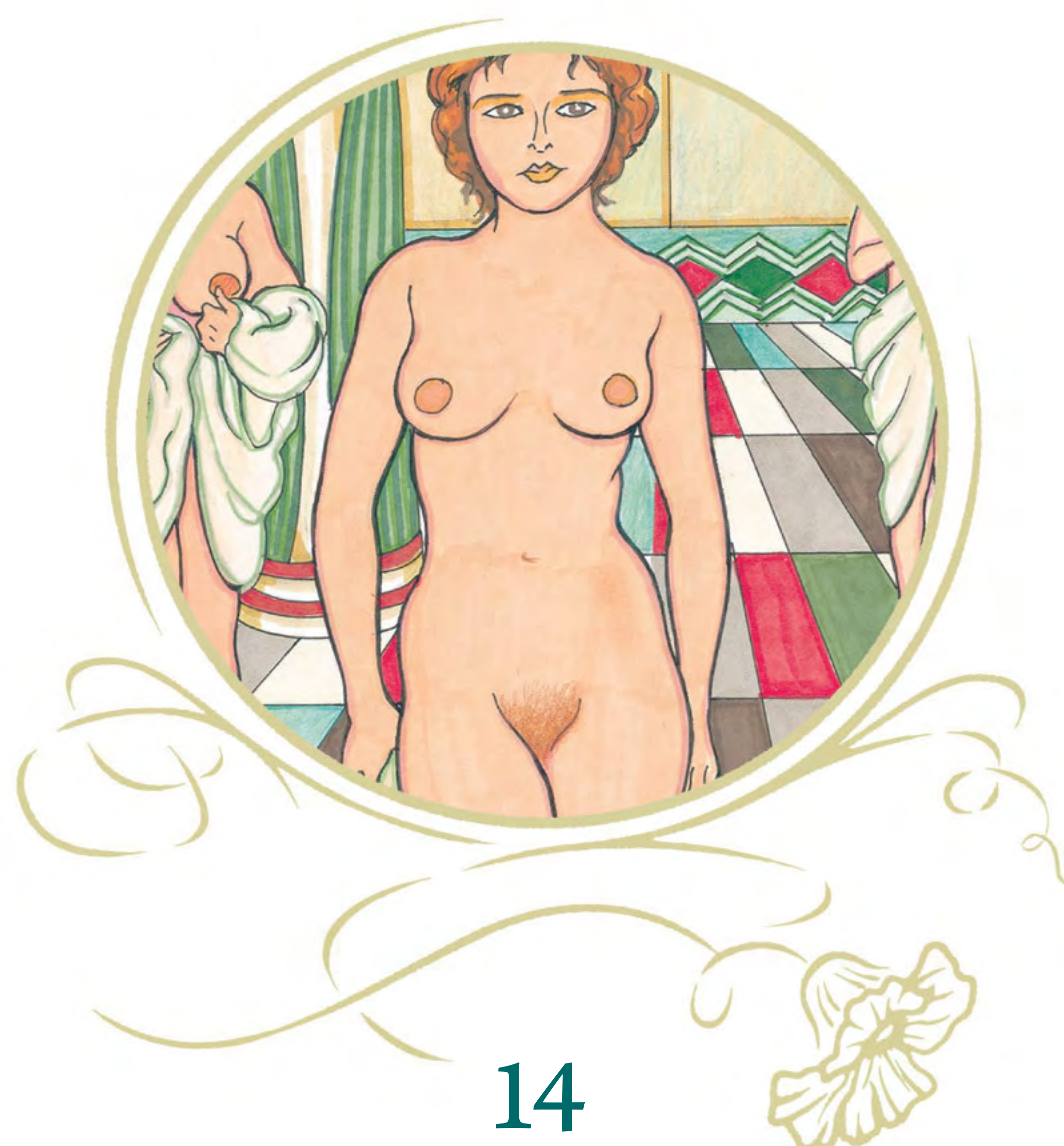
Отныне в его глазах будет светиться знание, коего не достает картине. Его розовые губы молвили то, без чего выведенная кистью улыбка оставалась невинной.

Уоттон и Грей едва обмолвились парой слов, пока натягивали жилеты. В пути домой ничто, кроме лишь обертонов в формальностях, не выдавало секретов, которые они теперь таили.

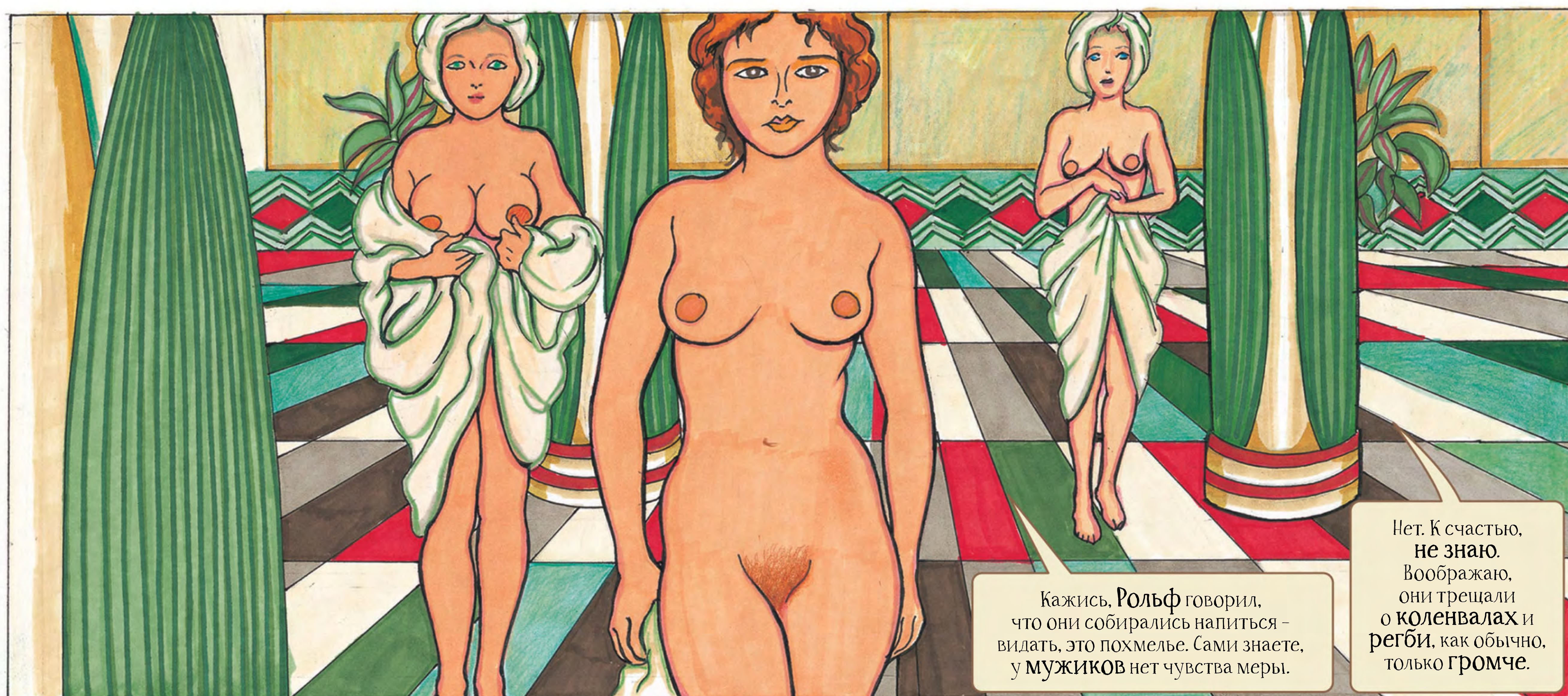
Скользя по блестящим улицам Вест-Энда, Дориан спрашивал себя, что за экзотические тайны несли в себе безликие прохожие, минуемые экипажем, и дивился утонченному спектаклю искусно скроенных масок, что мы зовем обществом. Масляные картины, заключил Грей, куда предпочтительней людей: они стареют величественней и скрывают меньше.

глава

14

Соломенный человек

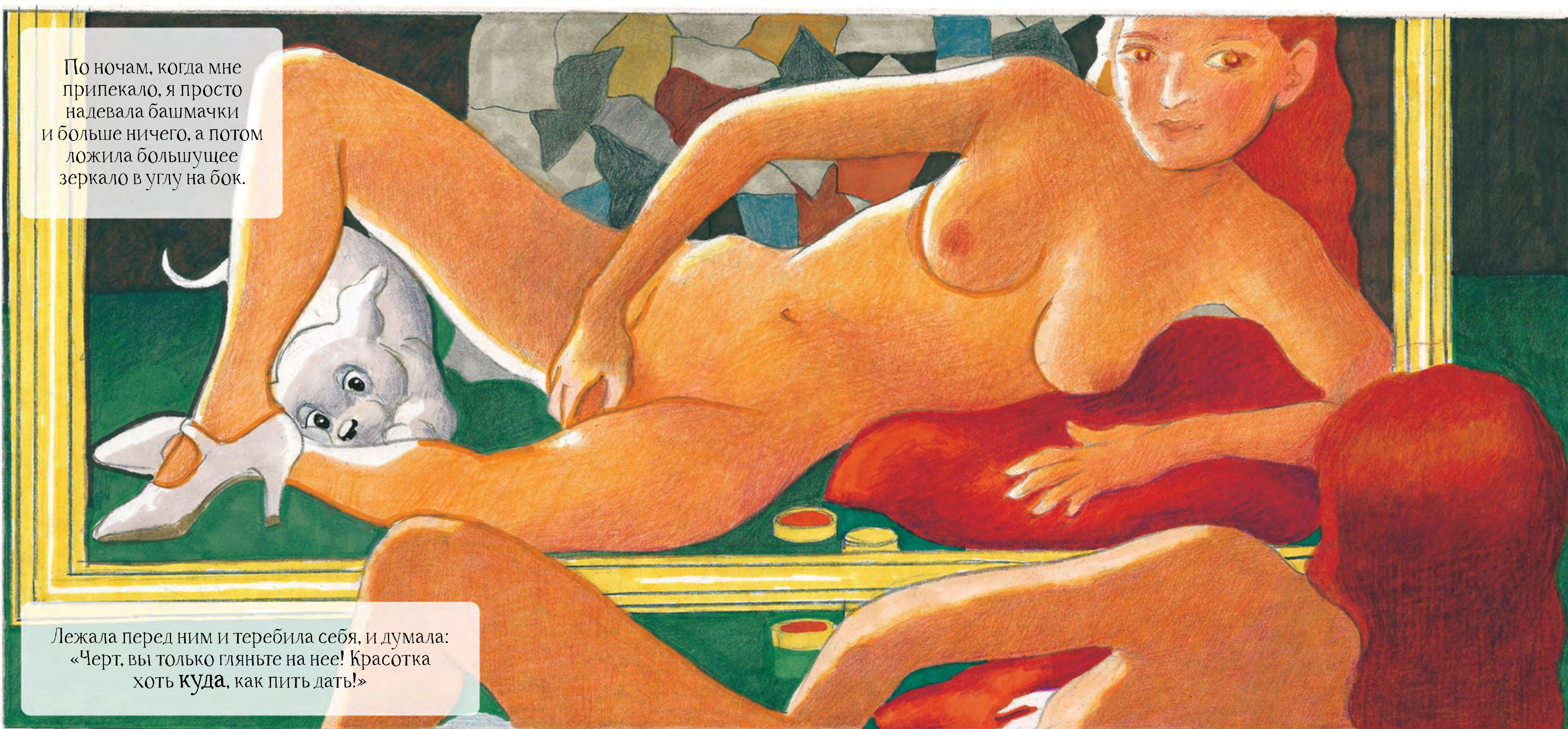
«В общем, старики так переживали, что оставили меня одну в **ураган**, что мой, э-э, дядя сказал – мол, езжай в **Канзас-Сити** и купи себе любую побрякушку на здоровье.

Там-то я и увидела свои **башмачки**. Помните? Которые серебряные? В общем, тете моей они встали поперек горла, но поделать она ничего не могла. А я их примерила – и точно настоящая **леди**.

Казалось, эти туфельки заколдованы и я могу **отправиться** в них по жизни куда душа желает. Дядя – он в них попросту влюбился. Такой он славный был.

Заслужил кого добрее, чем моя тетка. Как мы у себя говаривали, мог бы зайти подальше и найти получше.

По ночам, когда мне припекало, я просто надевала башмачки и больше ничего, а потом ложилась большущее зеркало в углу на бок.

Лежала перед ним и теребила себя, и думала: «Черт, вы только гляньте на нее! Красотка хоть **куда**, как пить дать!»

Я думала, что недурна собой, да и **ДЯДЯ** так говорил, да только это ж не считается. Мне-то хотелось, чтобы во мне **ЧТО-ТО** разглядели, чтоб я поверила, что это что-то **ЕСТЬ**.

А мужиков кругом было раз-два да обчелся, только батраки на ферме.

Помню, первым мне полюбился мальчишка, который помогал скидывать сено.

У него была такая дли-и-инная спина, и она вся блестела, как камни в ручье, когда он употеет от работы. И пахло от него **БЛОНДИНОМ**.

Я ничеготешеньки не знала, что делать с мальчишками. Просто встала рядом, чтоб все само случилось, - и оно случилось. Мы, значит, были в сарае. Он обтирался своей рубашкой, и тут как глянет на меня. Я чуть не описалась.

Уселись мы в сене, тут он меня рукой обхватил, а потом мы давай целоваться. Он засунул мне в рот язык, но там же полагается быть только **МОЕМУ** языку, так что я и не знала, что делается.

Начал лапать мои сиськи через платье, а когда я ему по рукам не дала, навалился на меня - и тут мне в ногу что-то вперлось.

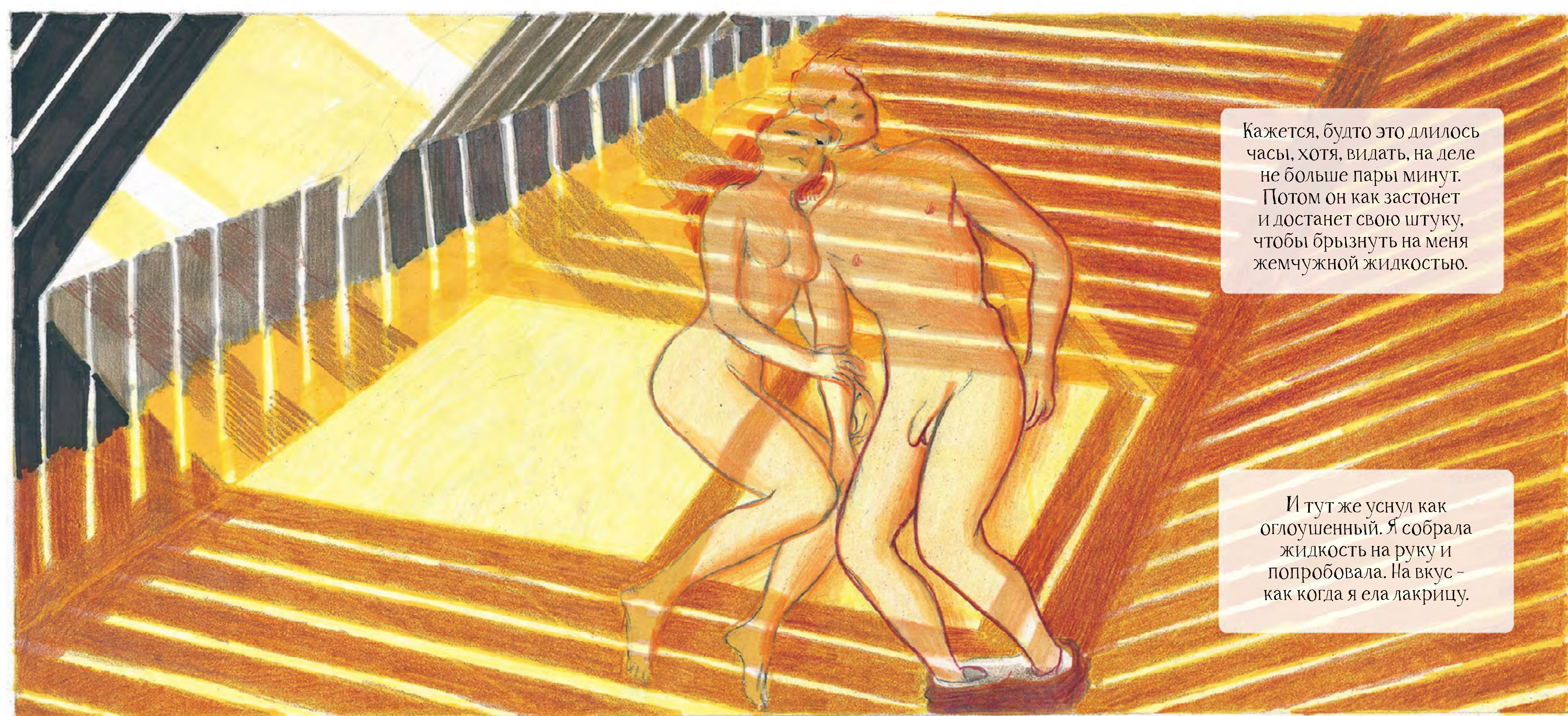
Оно жалось к его рабочим штанам, и все складки у него там разгладились, и вид был оченно чудной, но меня взбудоражил.

Когда он начал меня раздевать, я испугалась. Ну знаете, вдруг у меня там волос мало или, наоборот, – много. Потом он стянул с меня панталоны, и колени у меня распались, как у младенчика, когда ему подгузники меняют.

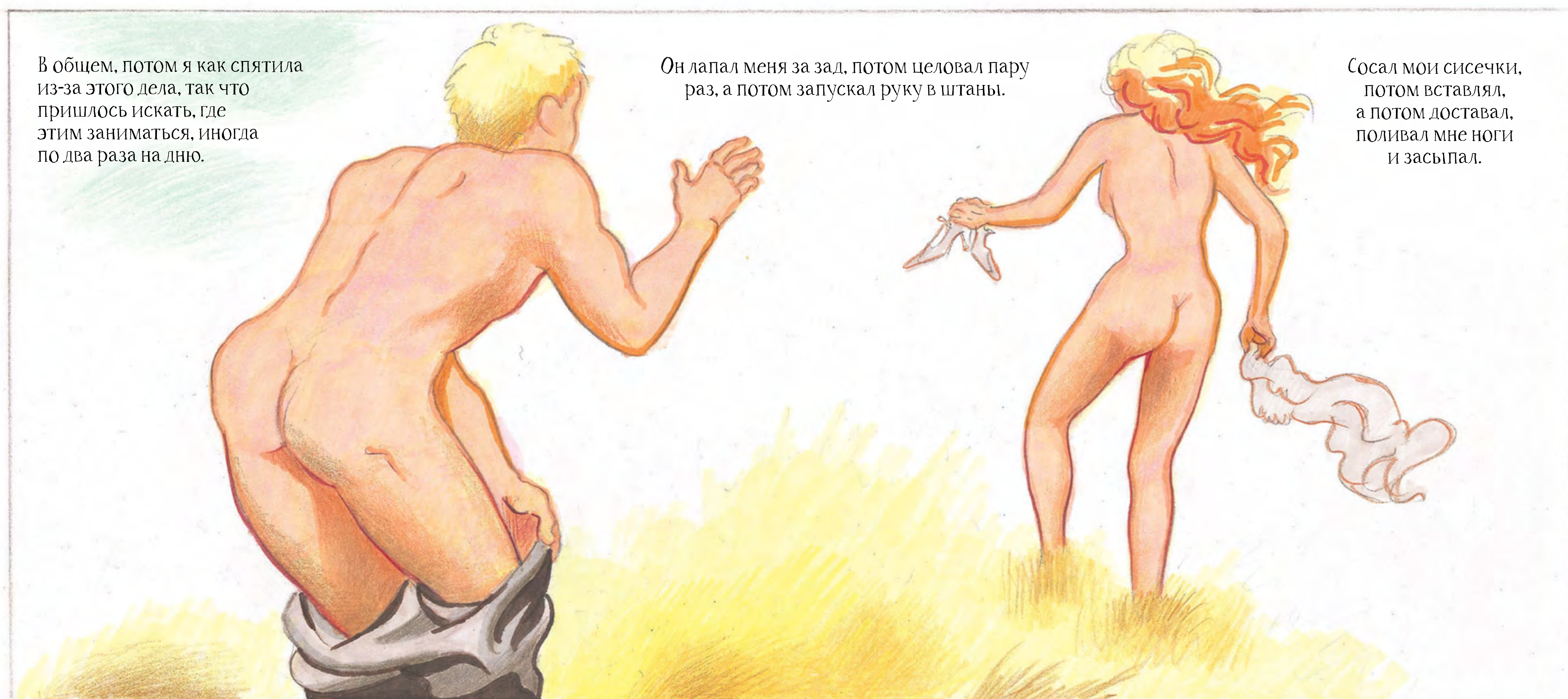
Достал он свою штуку из штанов и показал мне, и такая она была странная – будто зверь со дна океана. Но все же **такая, как надо**. Он вставил ее в меня – и ощущение было, будто в голову легла нужная деталька.

Больше всего меня возбудило, что это я его разгорячила. И когда внутри тебя мужчина – ты его как проглатываешь. Словно хлебашь воду, когда хочешь пить.

Кажется, будто это длилось часы, хотя, видать, на деле не больше пары минут. Потом он как застонет и достанет свою штуку, чтобы брызнуть на меня жемчужной жидкостью.

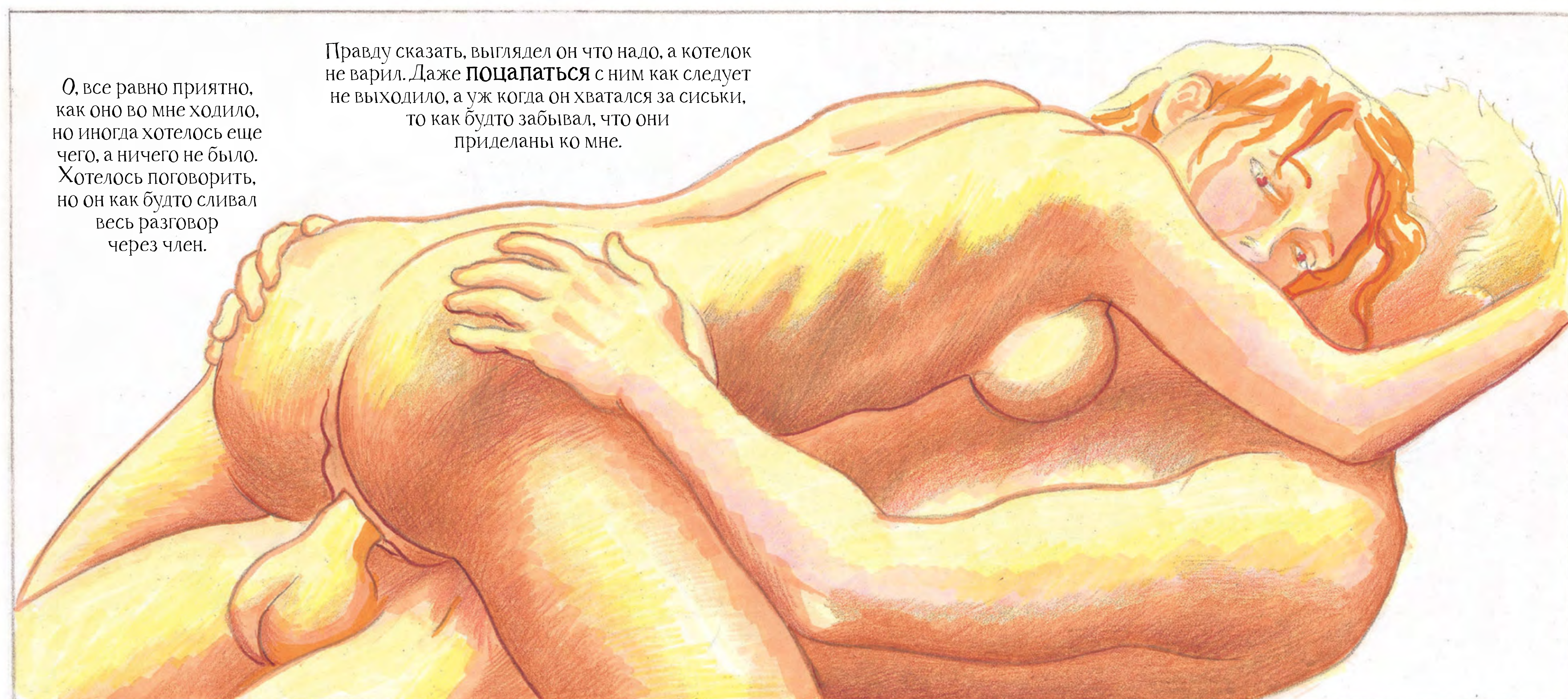
И тут же уснул как оглушенный. Я собрала жидкость на руку и попробовала. На вкус – как когда я ела лакрицу.

В общем, потом я как спятила из-за этого дела, так что пришлось искать, где этим заниматься, иногда по два раза на дню.

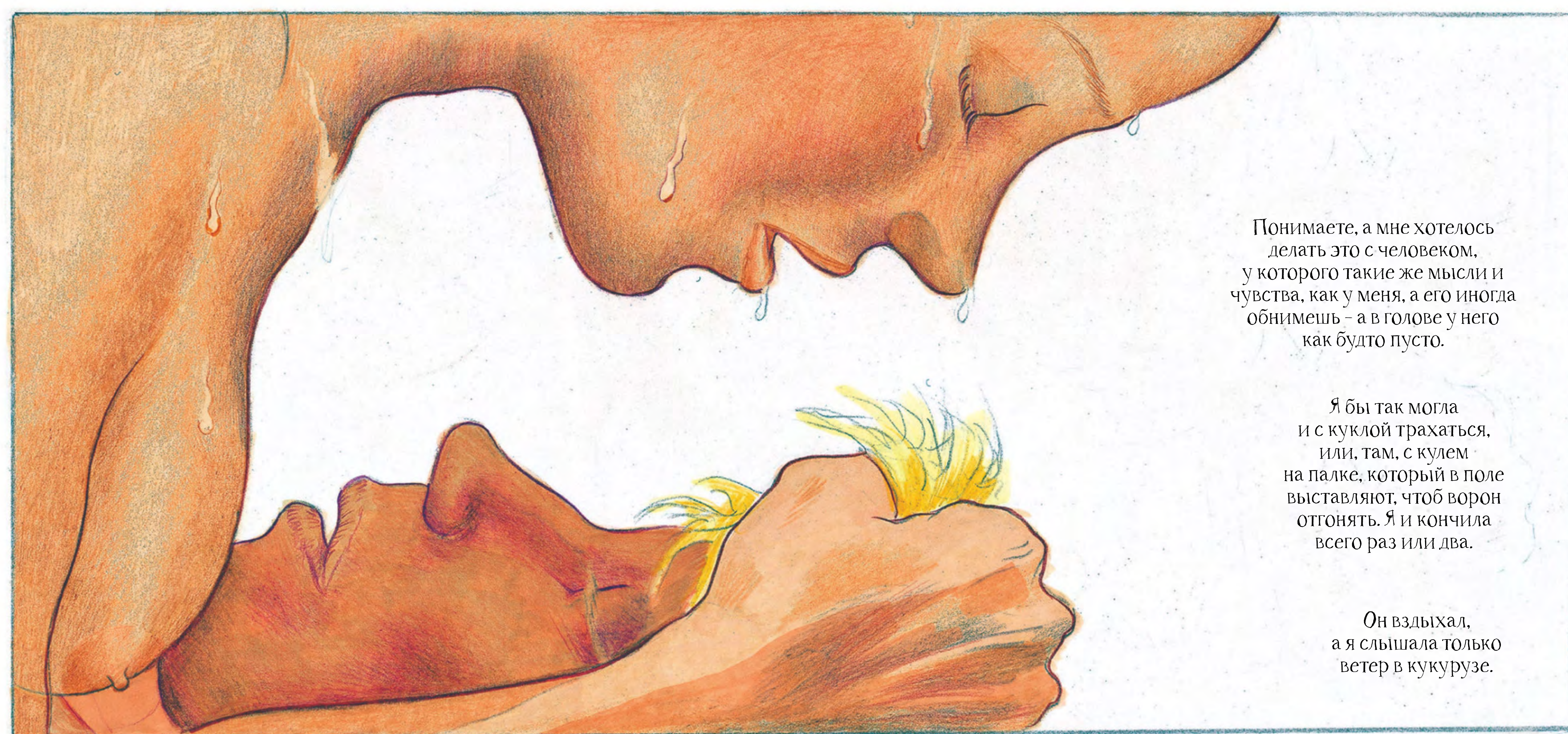
Он лапал меня за зад, потом целовал пару раз, а потом запуская руку в штаны.

Сосал мои сисечки, потом вставлял, а потом доставал, поливал мне ноги и засыпал.

О, все равно приятно, как оно во мне ходило, но иногда хотелось еще чего, а ничего не было. Хотелось поговорить, но он как будто сливал весь разговор через член.

Правду сказать, выглядел он что надо, а котелок не варил. Даже **поцалаться** с ним как следует не выходило, а уж когда он хватался за сиськи, то как будто забывал, что они приделаны ко мне.

Понимаете, а мне хотелось делать это с человеком, у которого такие же мысли и чувства, как у меня, а его иногда обнимешь – а в голове у него как будто пусто.

Я бы так могла и с куклой трахаться, или, там, с кулем на палке, который в поле выставляют, чтоб ворон отгонять. Я и кончила всего раз или два.

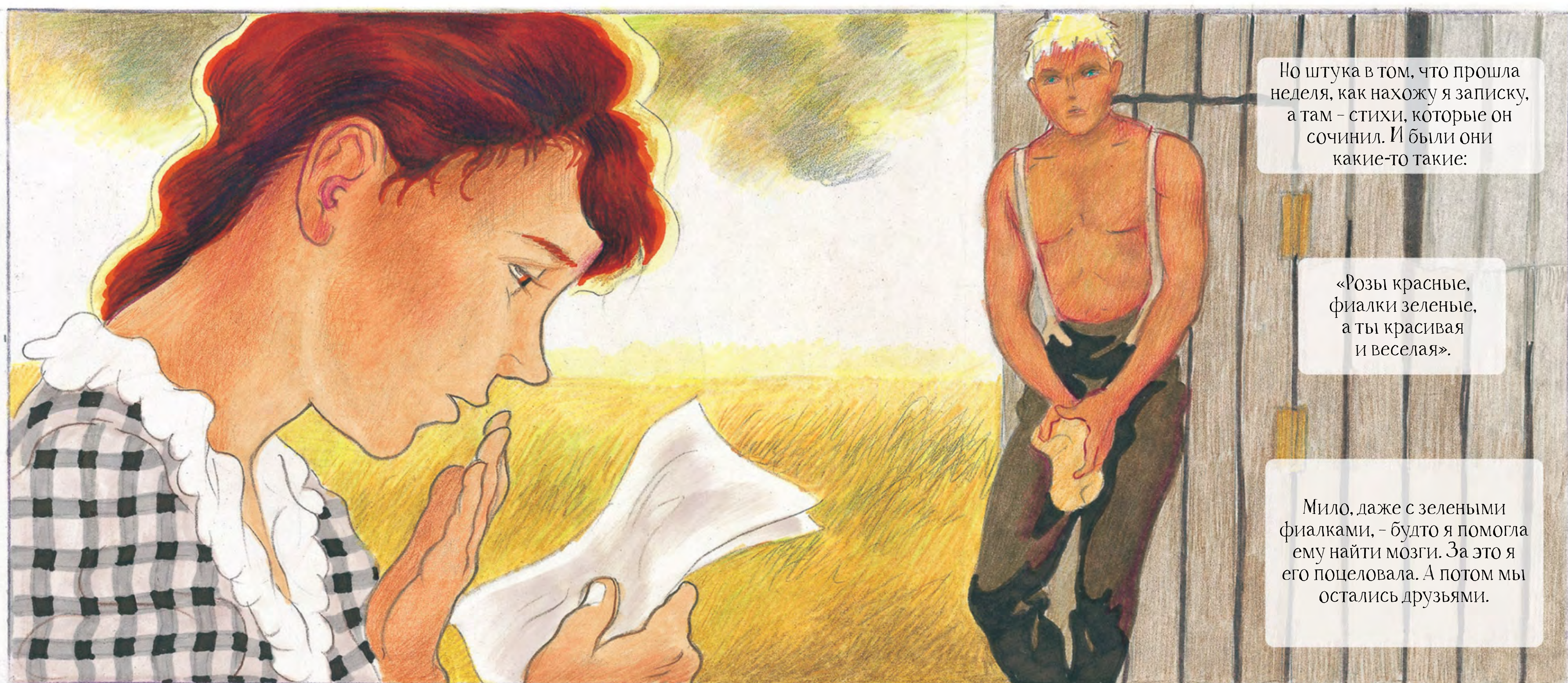
Он вздыхал, а я слышала только ветер в кукурузе.

Когда я ему сказала, что больше не хочу с ним видиться, тут он и запел, как меня любит, и я почувствовала себя злодейкой, но делать было нечего.

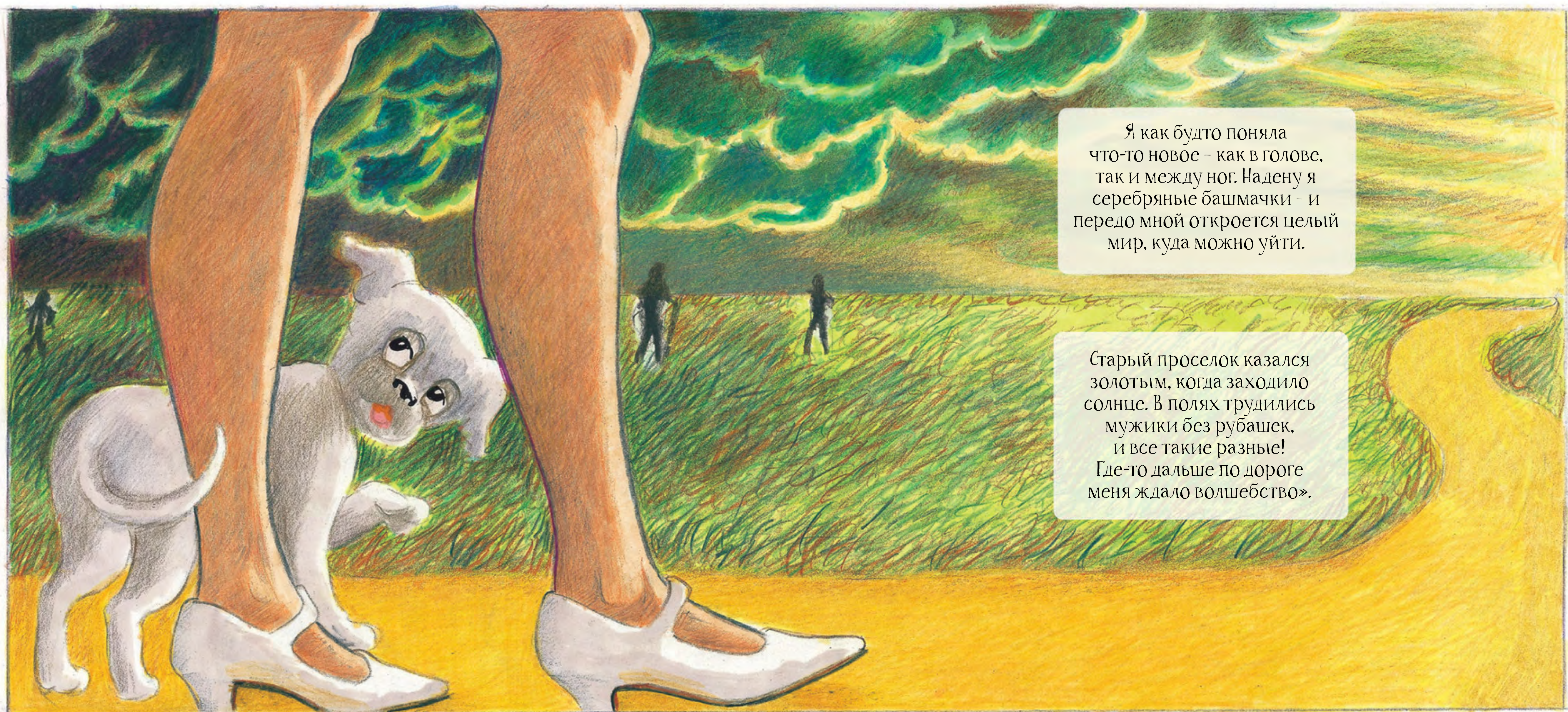
Я ему так и сказала, что больше мы встречаться не будем, потому что нет у него ни мыслей, ни воображения. Он так озадачился – как пес, которого надо пристрелить, чтоб курей не душил.

Но штука в том, что прошла неделя, как нахожу я записку, а там – стихи, которые он сочинил. И были они какие-то такие:

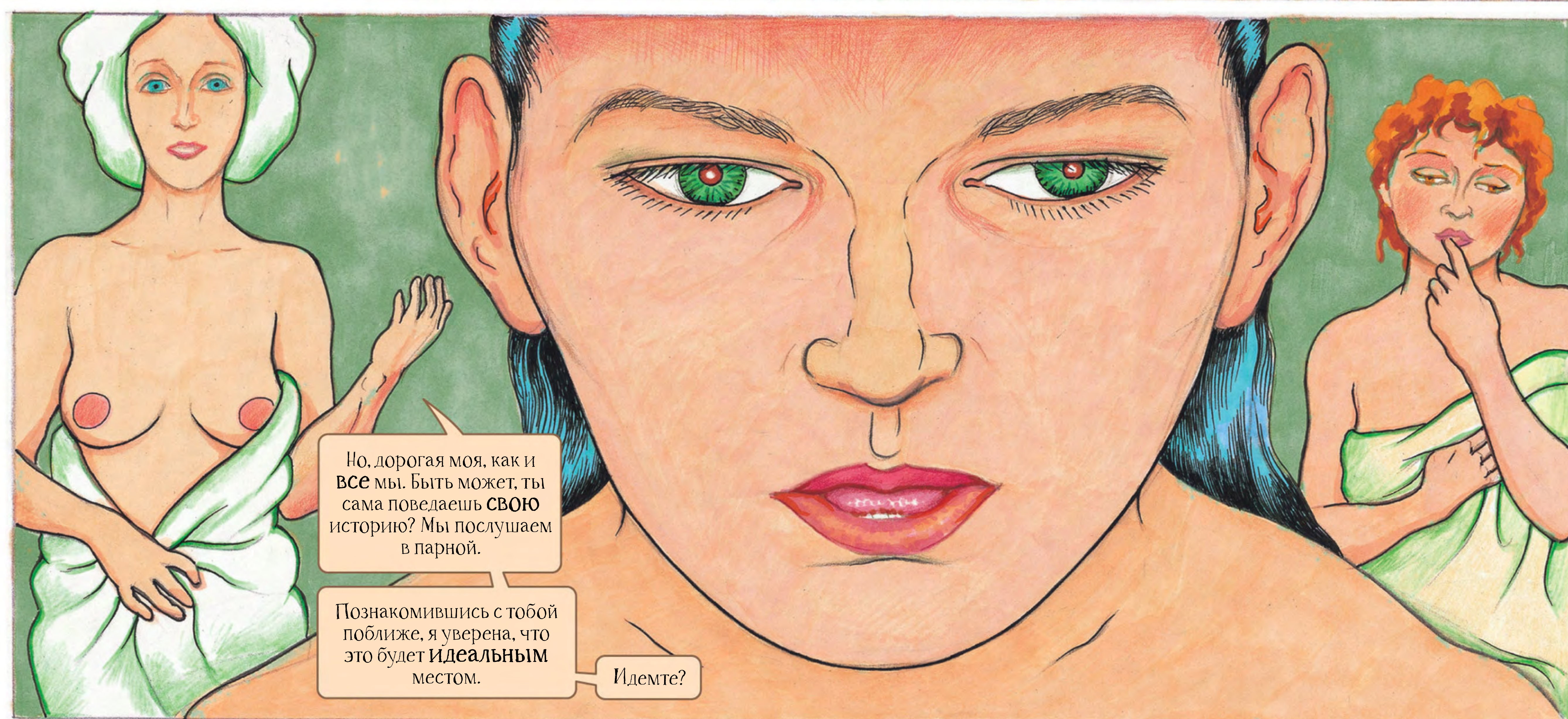
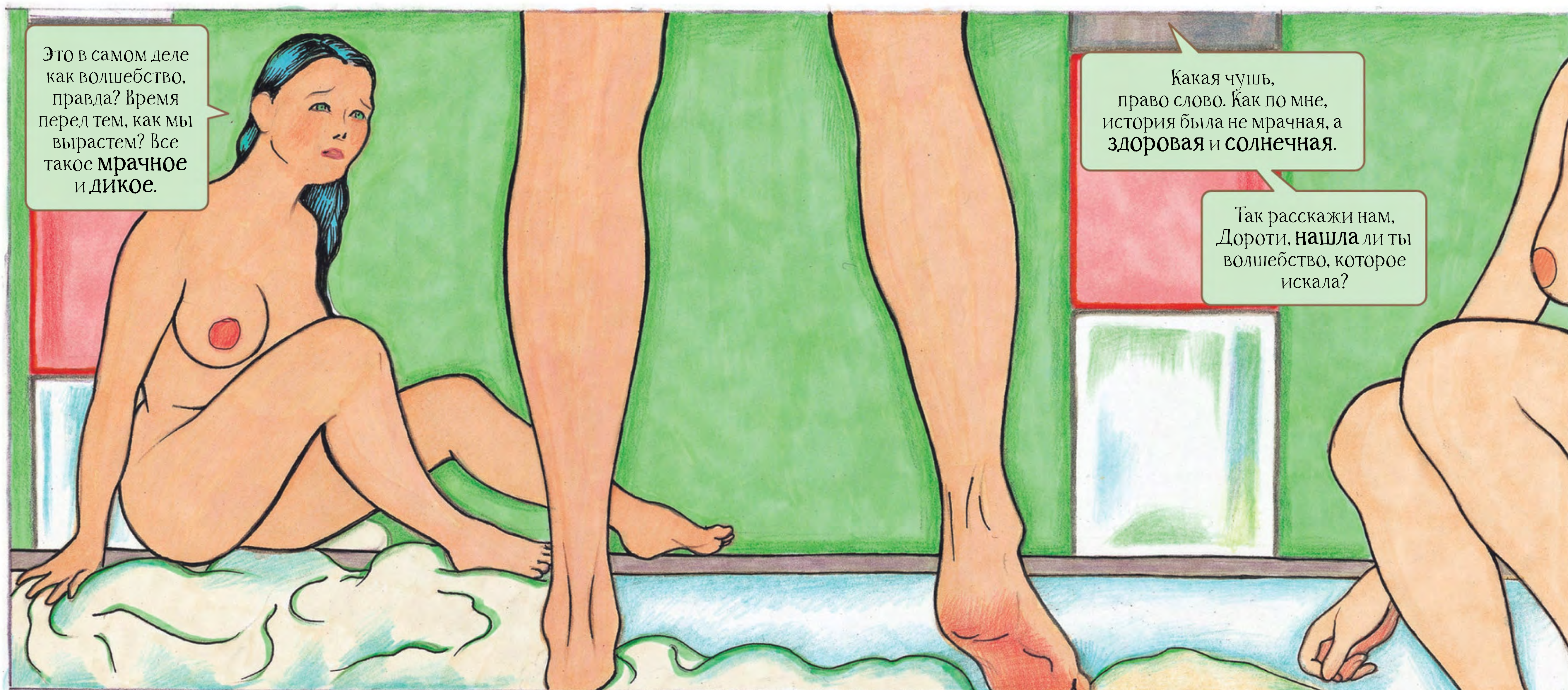
«Розы красные,
фиалки зеленые,
а ты красивая
и веселая».

Мило, даже с зелеными фиалками, – будто я помогла ему найти мозги. За это я его поцеловала. А потом мы остались друзьями.

Я как будто поняла что-то новое – как в голове, так и между ног. Надену я серебряные башмачки – и передо мной откроется целый мир, куда можно уйти.

Старый проселок казался золотым, когда заходило солнце. В полях трудились мужики без рубашек, и все такие разные! Где-то дальше по дороге меня ждало волшебство».

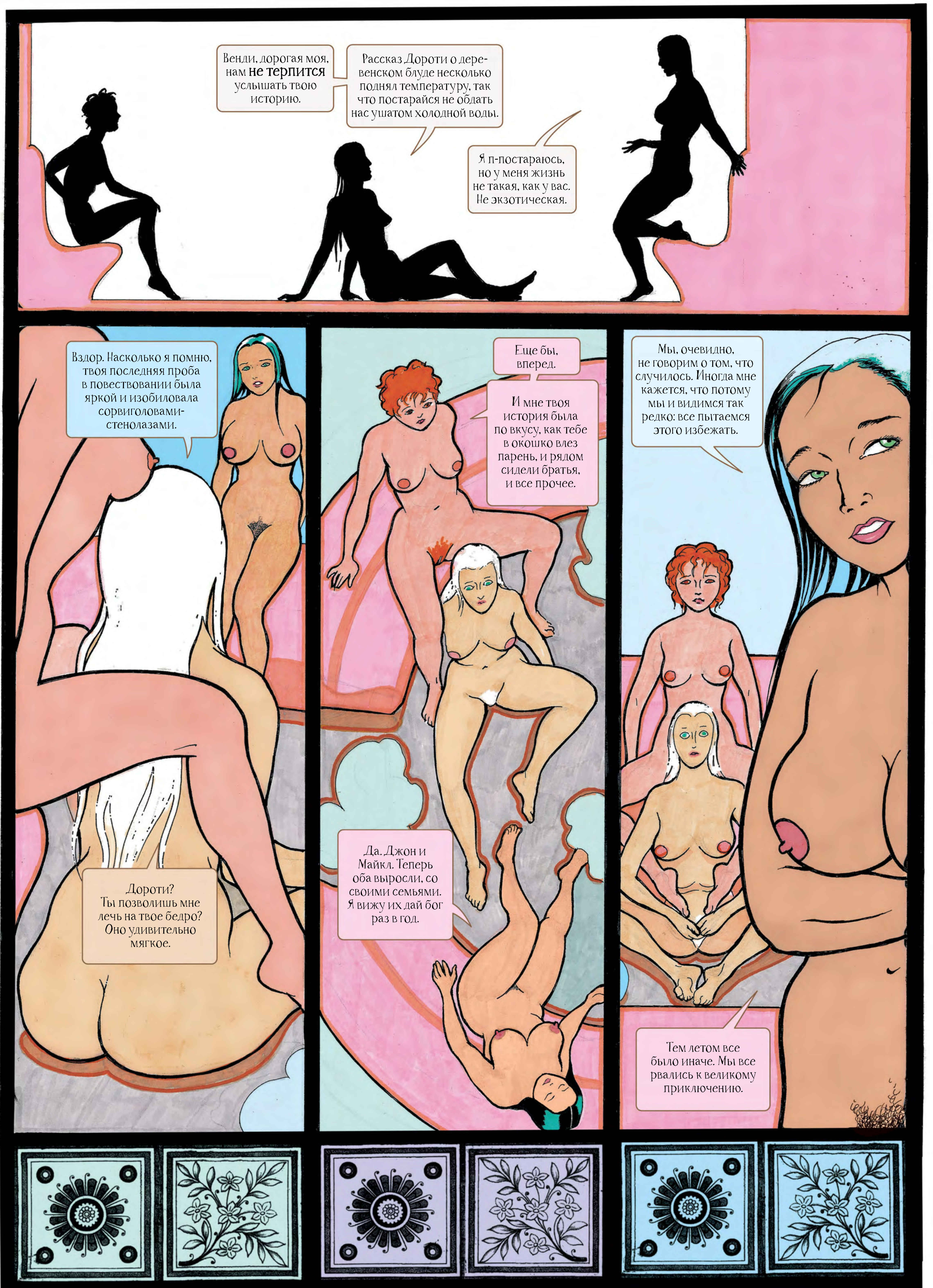

глава

15

Всамделишный остров

«Помню, наутро после визита Питера мы едва
успели за завтраком, так нас тянуло в парк.

Отец велел нам хорошо
себя вести. Я дала слово.
Щеки горели, когда я
торопилась по дорожке
с Джоном и Майклом
позади.

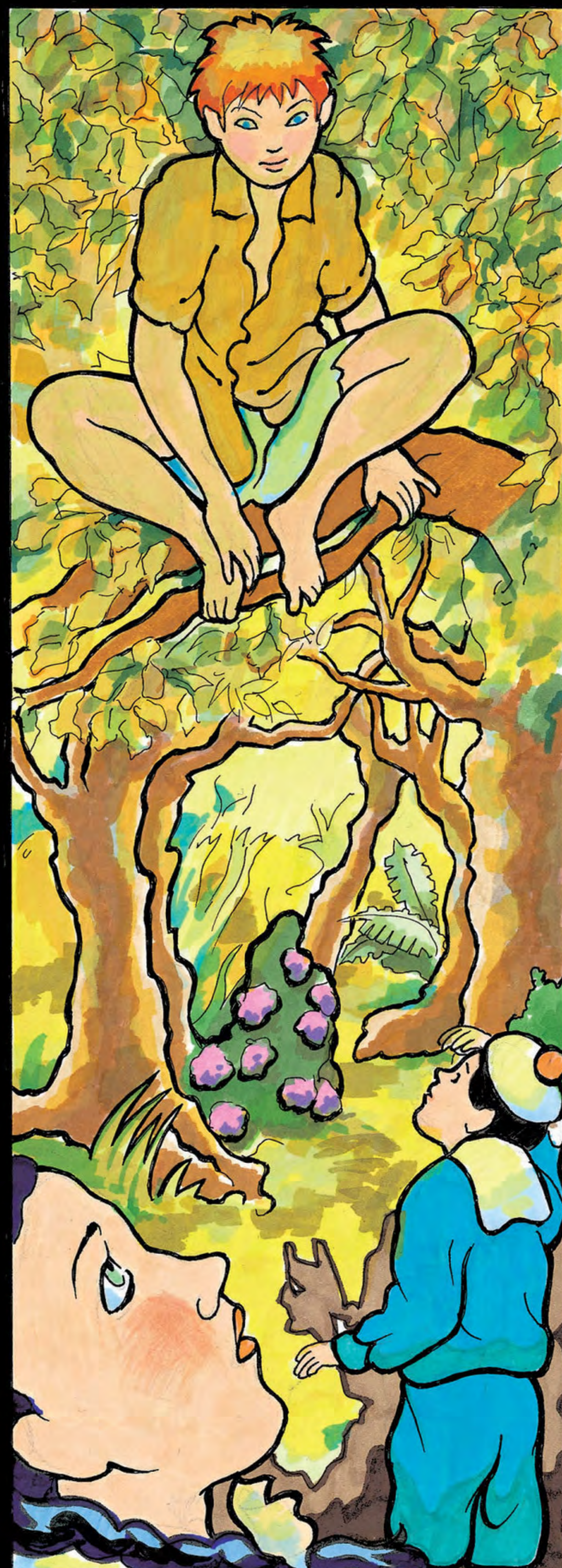

Роща казалась островком посреди парка.
Такая зеленая и свежая! Меня возбуждал
уже один запах.

День стоял жаркий. Ноги взмокли под
хлопком юбки. Я вспомнила Питера, где
он меня трогал.

Когда я отодвинула ветку
и увидела его, у меня
перехватило дыхание.

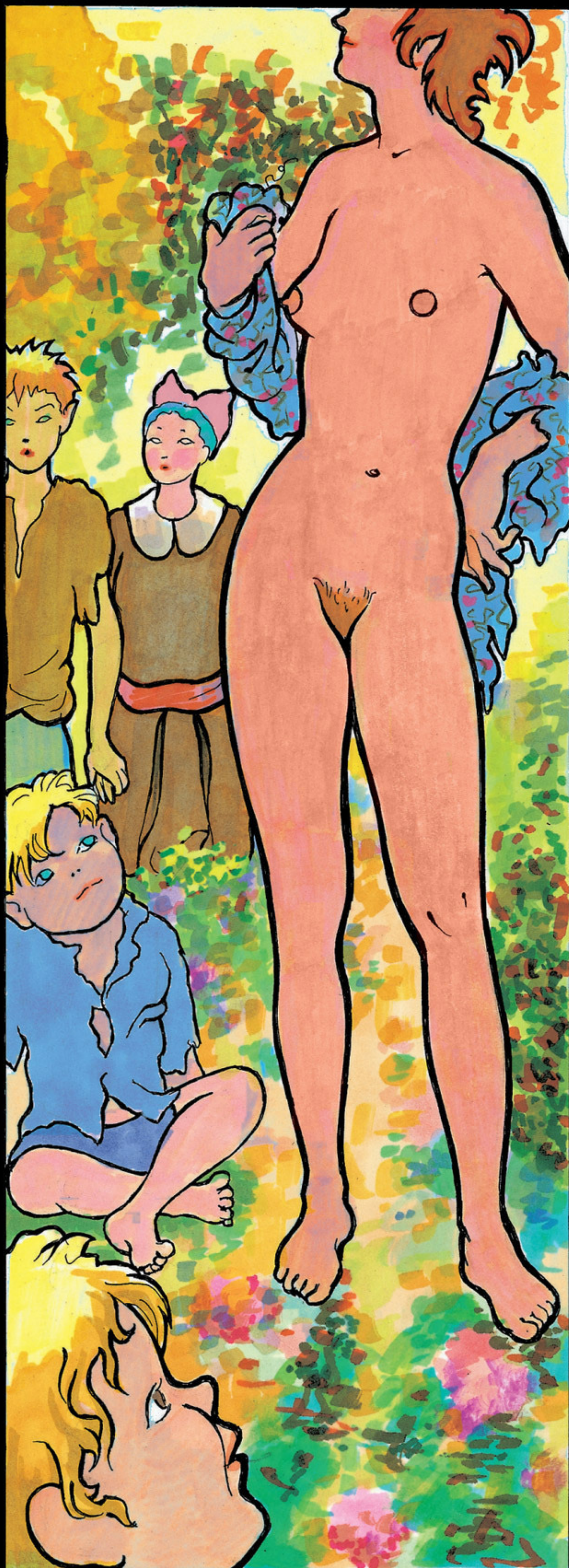
Он сидел на дереве над нами, на корточках,
словно только что спорхнувший дух лесов.

Я смотрела на его голые ноги и спраши-
вала себя, не считает ли он мои слишком
толстыми; мои груди или попу – слишком
большими. Я была влюблена.

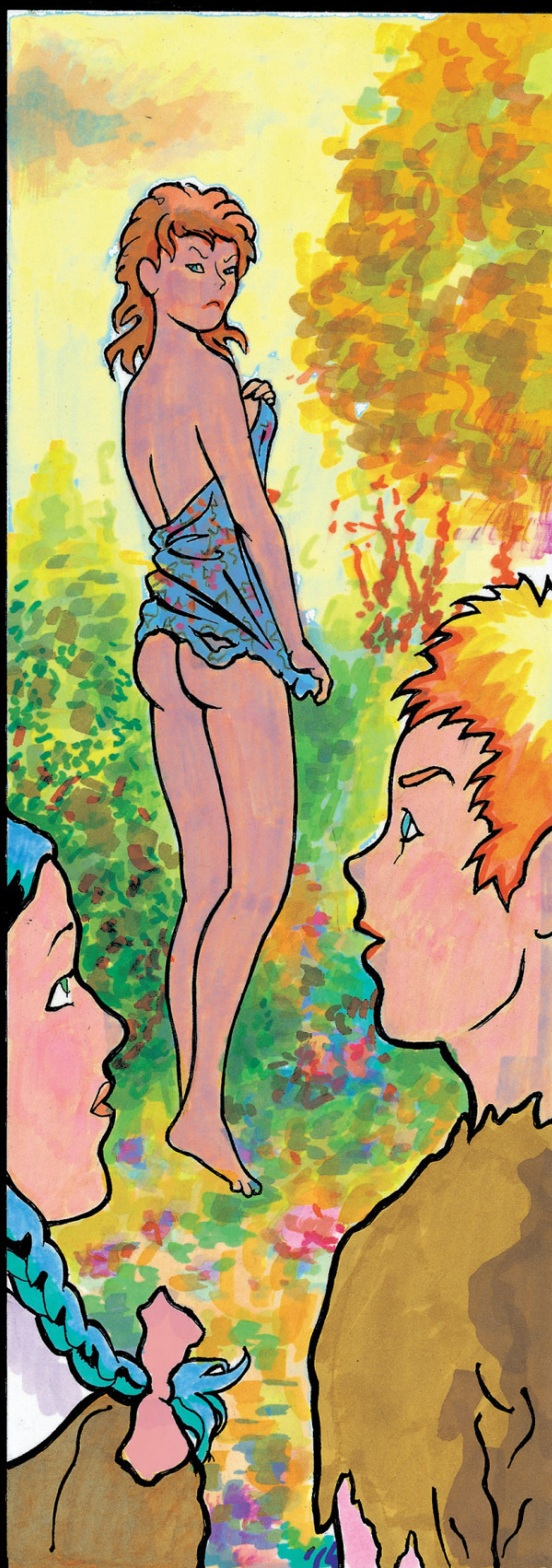
Он повел нас через кустарник, раздвигая колючие ветки, чтобы те не цеплялись за нашу одежду – куда дороже, чем у него.

Он взял меня за руку, чтобы помочь, и одно краткое прикосновение немых пальцев показалось таким красноречивым, что я содрогнулась от липкого жара.

Появился просвет, где в кольце сидели другие мальчишки, о которых говорил Питер.

Растрепанные, как и он, – казалось, они сбежали из дома или просто потерялись. Посреди полянки стояла девушка, бледная и голая.

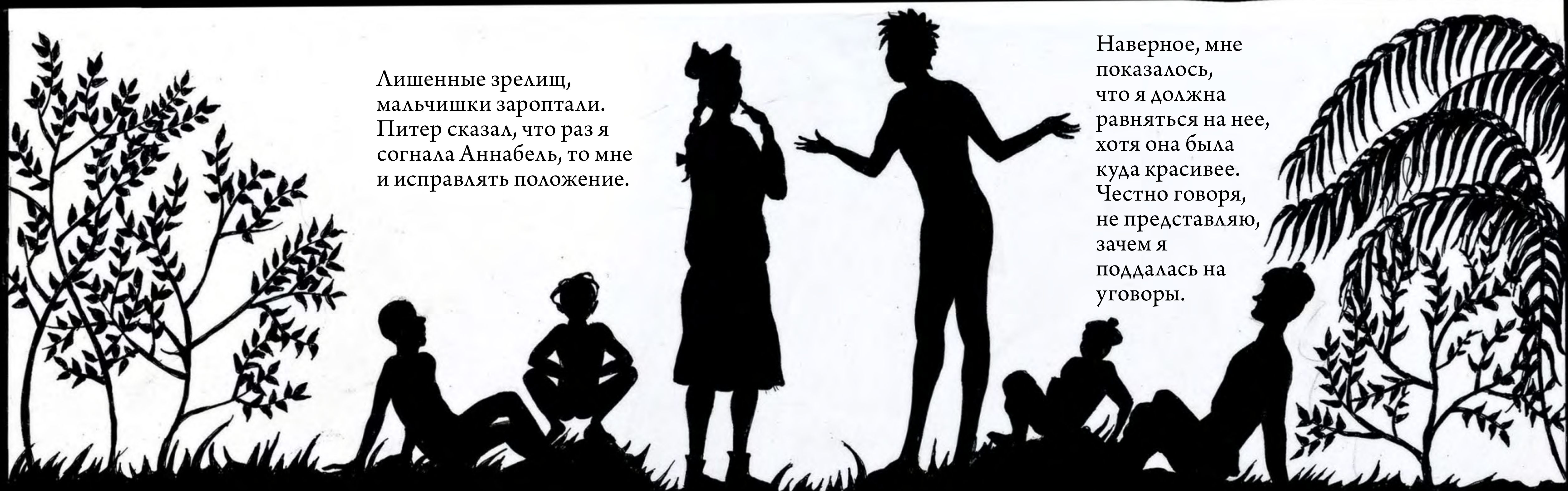
Груды ее были маленькими и идеальными, волосы между ног – как рыжий огонек, а не густые и черные, как у меня.

Она натянула платье, обжигая меня взглядом. Питер представил ее как свою сестру, Аннабель. С этой девушкой мы застали его вчера.

Я ей сразу не угодила. Оборвав представление, устроенное для мальчишек, она утонула в кусты.

На ходу ее безупречная попка виляла из стороны в сторону. Как Питер мог желать меня после нее?

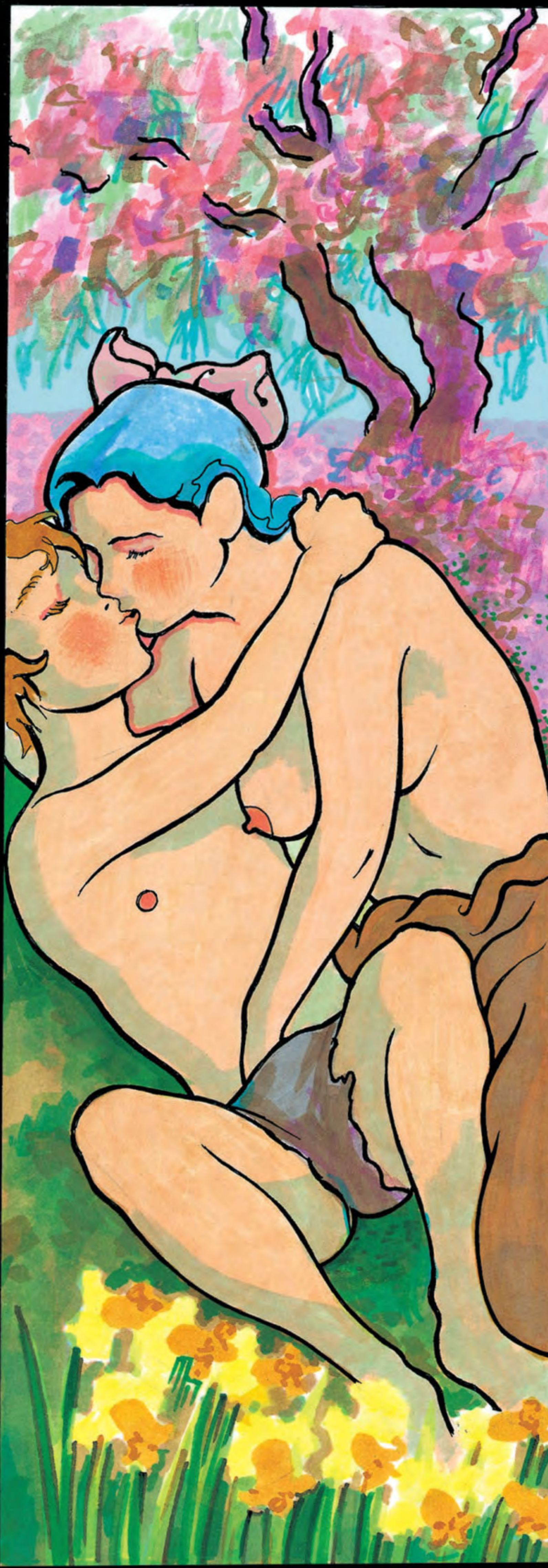
Лишенные зрелищ,
мальчишки зароптали.
Питер сказал, что раз я
согнала Аннабель, то мне
и исправлять положение.

Наверное, мне
показалось,
что я должна
равняться на нее,
хотя она была
куда красивее.
Честно говоря,
не представляю,
зачем я
подалась на
уговоры.

Мне сказали, что Аннабель хотела сыграть
с ними в игру, где исполняла роль мамы, толь-
ко особенной.

Никогда не думала, что осмелюсь снять пла-
тье и обнажиться прилюдно, но они все так
почтительно замолкли! Я так и чувствовала
их обожание.

Я подошла к каждому по очереди, чтобы
уложить и поцеловать на ночь. Первым стал
мальчишка по имени Болтон, которого про-
звали Болтун.

Когда мы целовались, мои соски коснулись
его голой твердой груди. Я засунула руку
ему в штаны, и он назвал меня мамой.

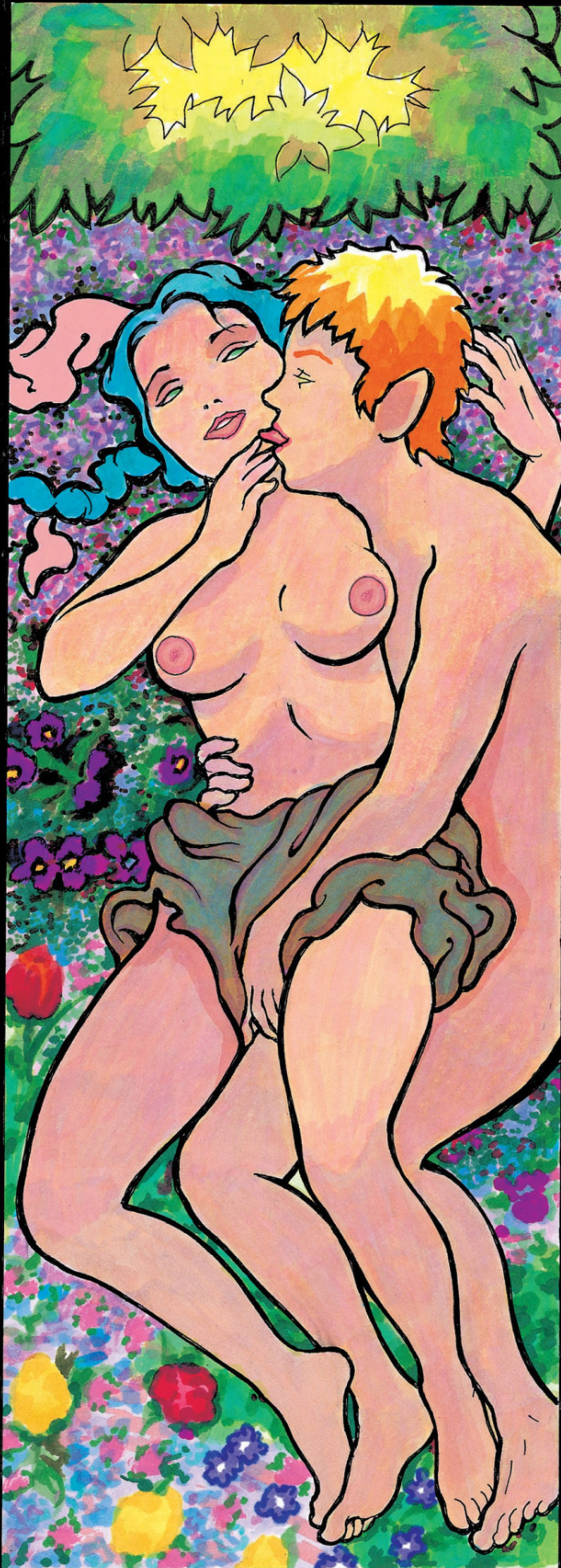

В тесноте я не могла обхватить его пальца-
ми, так что пришлось только двигать кожу
на конце, пока ладонь не стала мокрой.

Поверить не могу, что я вам все это расска-
зываю! Что вы только обо мне подумаете?

Потом были близнецы и еще один беспризорник. Когда я с ними заканчивала, они издавали тихий звук и чуть не засыпали, как дети.

Питер разделся и трогал себя, наблюдая как я играю с мальчиками. Его я оставила напоследок.

Я разрешила ему увлечь меня на землю и снять трусы. Его дело терлось о мое отверстие сзади, чуть не оказалось внутри.

Его горячая рука оказалась под моей юбкой, на моем лобке. Все было как во сне, словно настоящий мир стал совсем другой страной.

В роще царили иные правила. Я готова была позволить ему все, прямо перед братьями и остальными мальчишками.

Поблизости треснула ветка. Все застыли. Питер прижал мне руку ко рту, чтобы я замолчала. На его пальцах я почувствовала свой запах.

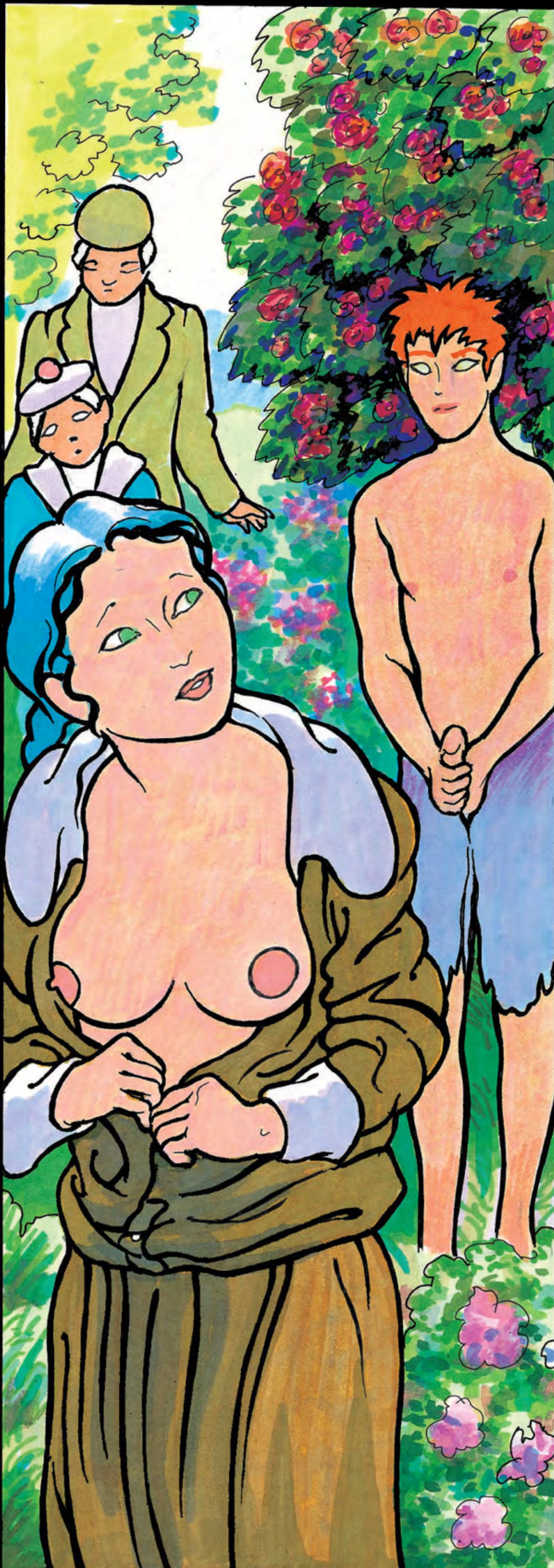
Недалеко от нашей поляны стоял высокий изысканно одетый мужчина, его голодные глаза бегали по кустам.

Одна его рука кривилась как крюк – возможно, из-за артрита. Я не сомневалась, что он мне знаком.

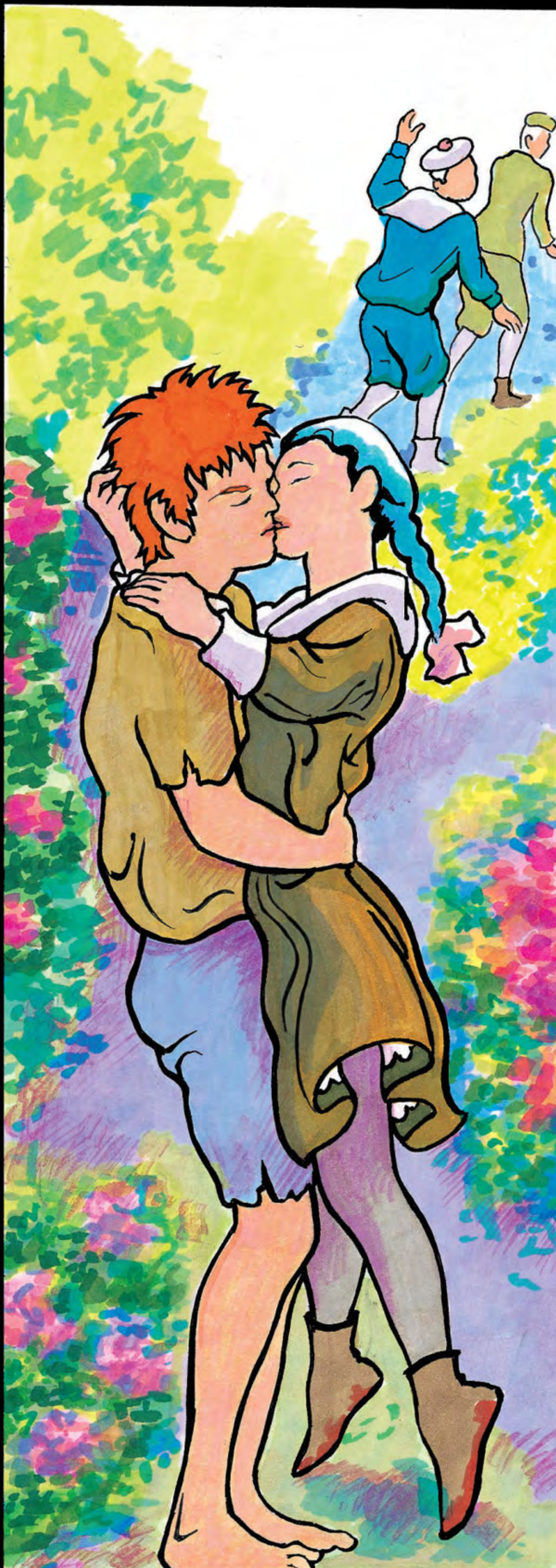
Кто-то сказал,
что это Капитан.
Вдруг я его узнала.
Это был капитан
Хаксли, один
из коллег моего
отца по бирже.

Когда он наконец удалился, Питер с придыханием
сказал мне шепотом, что он опасен и у него
«вкус» на молодых.

Я никому об этом не сказала. После того как нас
едва не нашли, мы слишком нервничали, чтобы
продолжать. Оделись и договорились встре-
титься завтра.

Пока я надевала платье, Питер, несолоно хле-
бавши, с разочарованным видом пытался втис-
нуть непокорный член обратно в штаны.

Я чувствовала, как он упирается в живот, когда
мы целовались на прощанье. Его язык глубоко
проник мне в рот, прижимаясь к моему.

Мне чуть ли не казалось, что я сама – свой
язык, а Питер – свой. Два розовых морских су-
щества, мы корчились в сладкой юной слюне.

Позже той ночью, стыдно признаться, я че-
тыре раза довела себя до предела, прежде чем
уснуть от изнеможения.

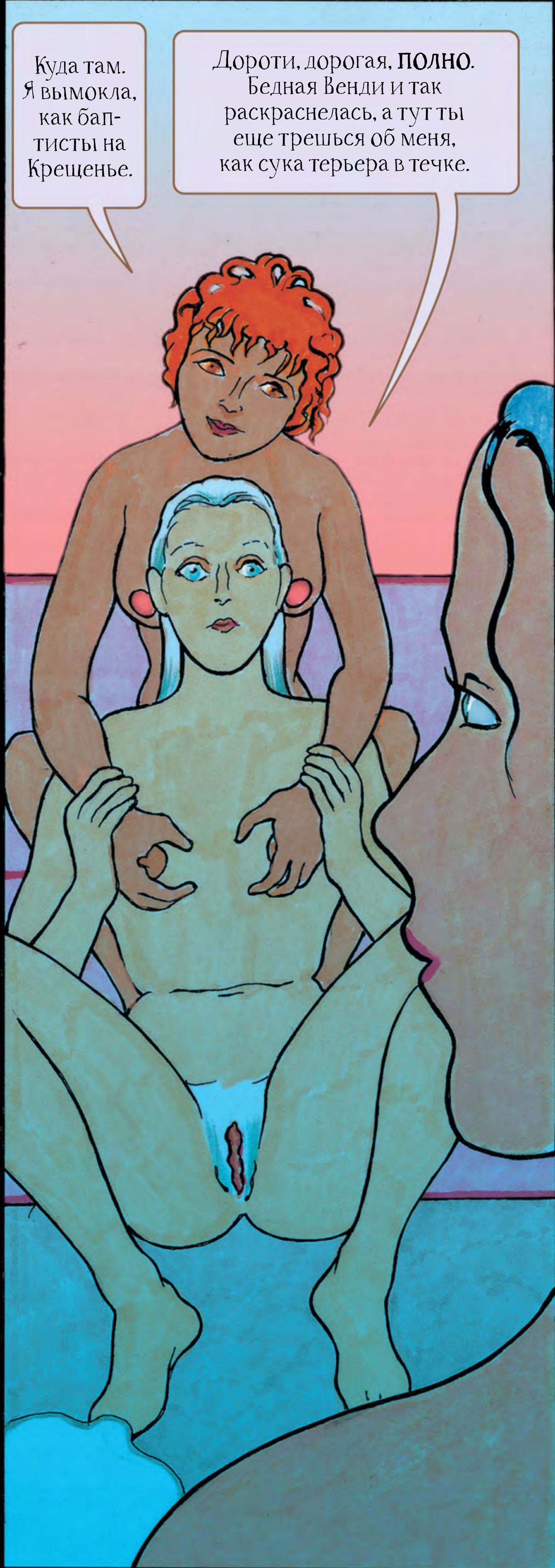
В лесу снов я лежала со своими дикими зверя-
тами, пока они сосали и лизали меня под тро-
пическими небесами».

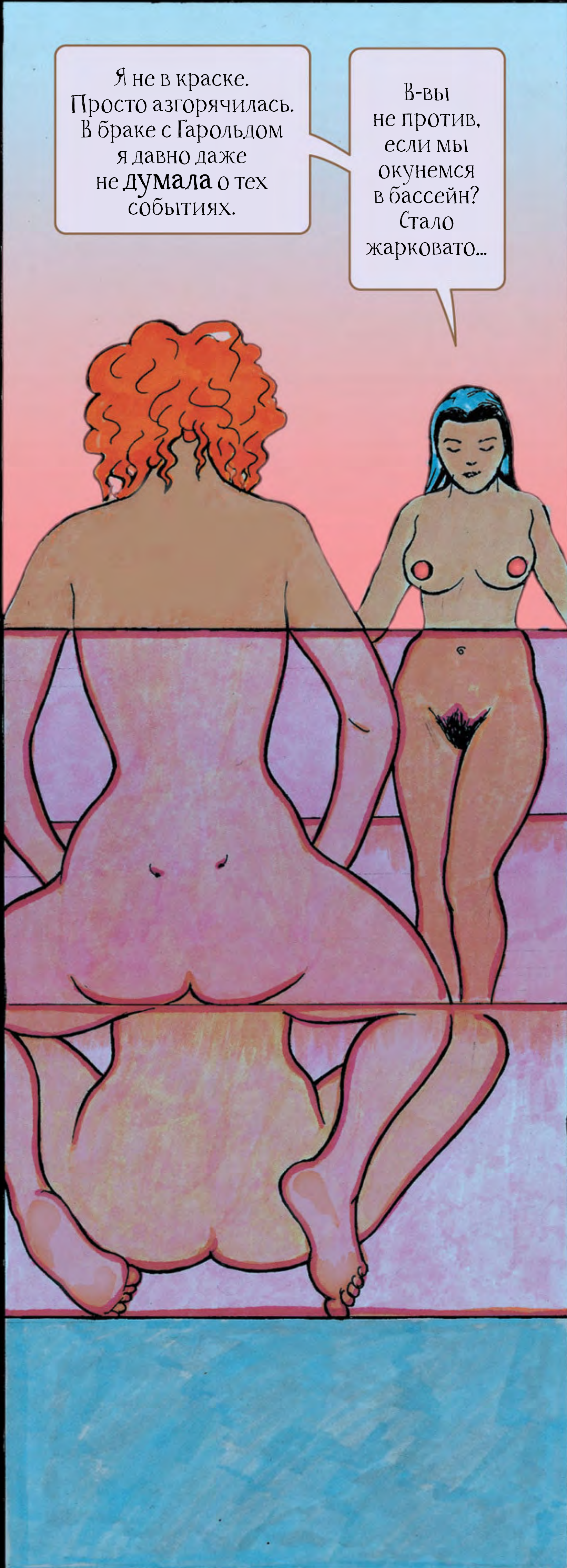
И, как видите,
у нас так ничего
и не было.
Не в тот раз.

Вы обе так при-
тихли. И-надеюсь,
я вам не наскучила.

Куда там.
Я вымокла,
как бап-
тисты на
Крещение.

Дороти, дорогая, **ПОЛНО**.
Бедная Венди и так
раскраснелась, а тут ты
еще трешь об меня,
как сука терьера в течке.

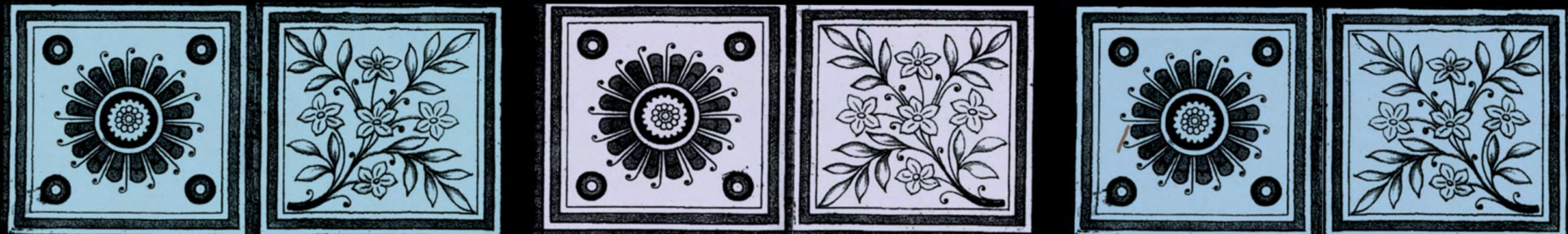
Я не в краске.
Просто азгорячилась.
В браке с Гарольдом
я давно даже
не **думала** о тех
событиях.

В-вы
не против,
если мы
окунемся
в бассейн?
Стало
жарковато...

Почему
нет? Этот
отель – наш
остров,
как твоя
рощица.

Идем же.
Насладимся
водичкой.

глава

16

Сад живых цветов

Ого, а водичка
после парной - **ледяная!**
Не пойму, как вы **терпите**,
еще и плаваете.

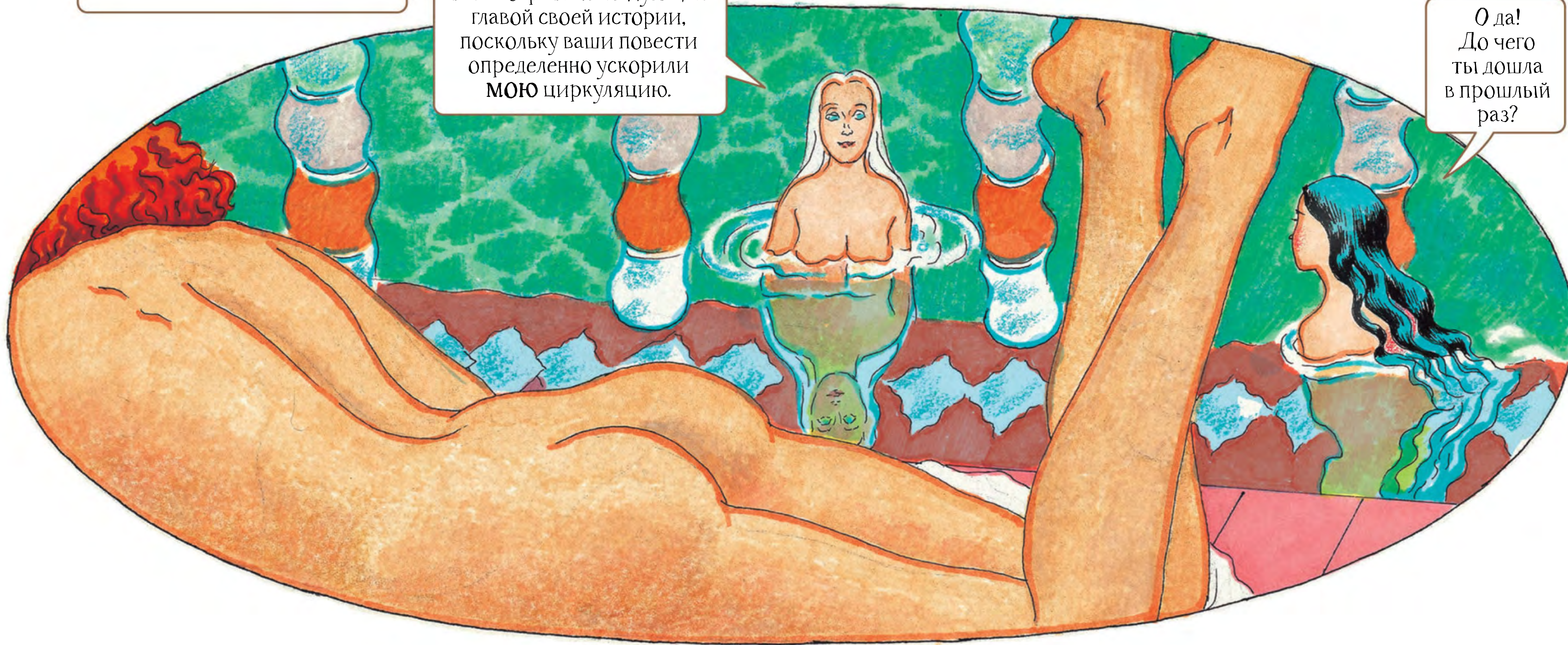
Да у меня от одного
вашего **вида** соски -
как гвозди!

Ох, Дороти, ты нам
ужасно льстишь! Заверяю,
это вполне взаимно.

Будем надеяться, я помогу
тебе согреться следующей
главой своей истории,
поскольку ваши повести
определенно ускорили
МОЮ циркуляцию.

О да!
До чего
ты дошла
в прошлый
раз?

Что ж, вопрос
серьезный, верно?
После домогательства
в нежном возрасте я
уже не чувствовала себя
собой. Девочка, которой
я была, пропала.

Я и сама
не выскажу,
до **чего** дошла.

«Могу сказать с уверенностью, что происшествие зародило во мне огромные страх и недоверие к мужчинам. По достижении возраста, когда девушки впервые учатся ублажать себя сами, признаюсь без утайки, мои самые горячечные фантазии были нежными и зашоренными, успокаивающими, как отражение в зеркале. С великим предвкушением я впервые прибыла в интернат, дорожка к которому вилась словно штопор.

Другие девочки сперва показались холодными. Они стояли кругом и тарачились на меня, но молчали, пока я громко не спросила их почему, на что девочка по имени Лилия надменно ответила, что они разговаривают, когда есть с кем. Девочка по имени Роза заметила, что лицо у меня не вовсе бессмысленное и я хотя бы правильного цвета – а это, похоже, много значило.

Откровенно говоря, без одежды они показались куда милее. Так как росла я только с благовоспитанной сестрой, прежде я не имела удовольствия видеть, как девочки раздеваются. Раздевалка стала для меня раем. Панталоны и сорочки распускались как лепестки, а под ними открывались наисладчайшие бутоны, тонкие стебельки и соблазнительные приманки, обрамленные аппетитным янтарным мхом. О, вы бы только видели!

Немедленно допущенная в буйную чашу лихорадочной ревности и девичьих влюбленностей, я скоро нашла, как и все остальные, своих фавориток и «пассий». На игре с мячом я старалась чаще сталкиваться с предметом страсти той недели, ликуя про себя из-за мягкого и краткого соприкосновения наших бюстов, нашего учащенного и горячего дыхания. После одной особенно памятной встречи я заметила, что за мной пристально наблюдает наш педагог физической культуры.

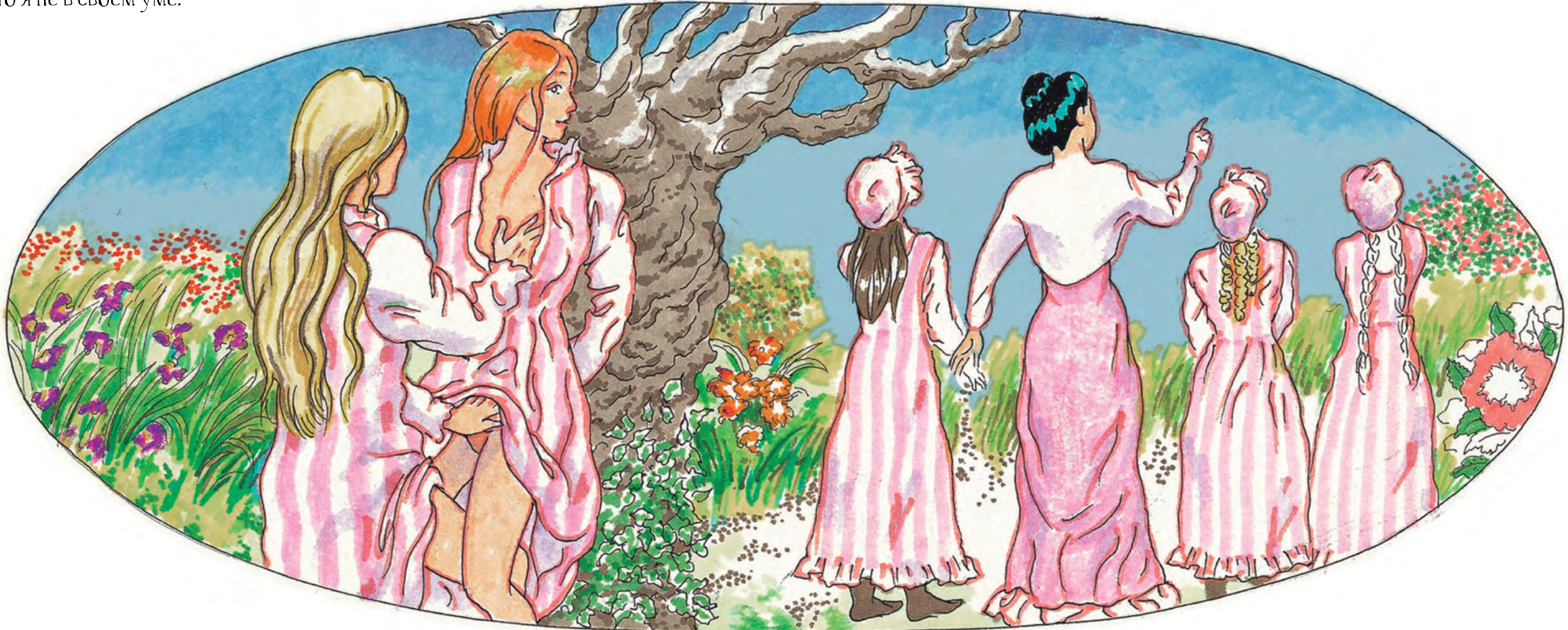
На меня нахлынул стыд, а потом ужасное возбуждение. Усилия игры пробудили роскошный женский запах, как ночь пробуждает камелию, а после мы всегда мылись в одной ванне ввиду ограниченного – по счастью – места в интернате. Когда только было возможно, я уединялась с капитаном нашей команды – спортивно сложенной старшей девочкой по имени Мелисса. Намыливая ее спинку, я тайне доводила себя до блаженства, пока пена соскальзывала между ее ягодич. Либо она ничего не замечала, либо ничего не имела против.

Скоро я открыла, что находилась далеко не в меньшинстве, и впоследствии вела себя более дерзко. Однажды во время особенно унылой лекции по математике я сумела ублажить девочку по имени Маргарита, сидевшую по соседству, выдумав новое и занятное применение для эмалированного пера. Если вдуматься, всех моих одноклассниц звали как цветы: мой личный маленький сад.

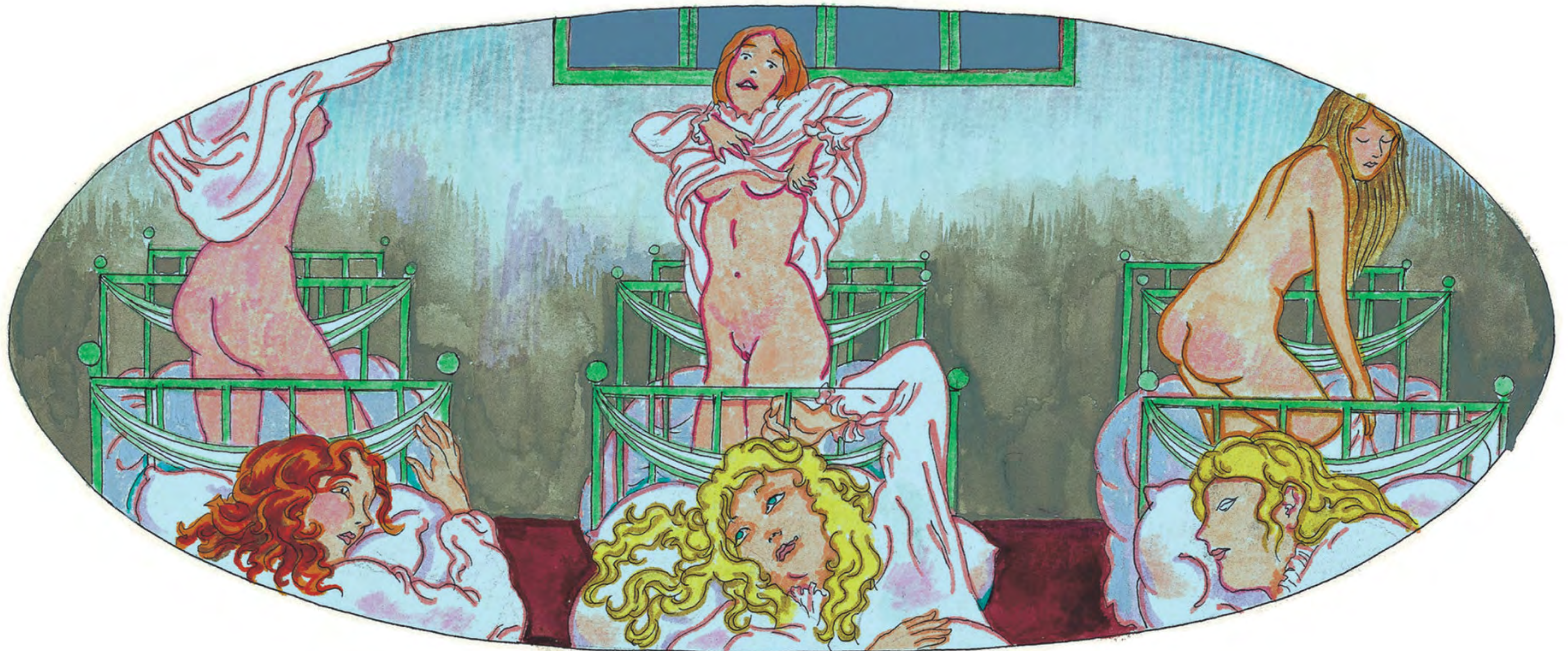
В моем юном и порою, честно признаться, порочном воображении он стал теплицей, роскошной и сырой, как сады Кью. К этому времени я уже поддалась увлечению воспитательницей физкультуры, о которой упоминала ранее, – дивному явлению по имени мисс Регент. Когда она присматривала за нашими прогулками на природе, я вызывала перед мысленным взором изгиб ее голой ляжки, ее сиреневые и набухшие ореолы. Вполне возможно, казалось, что я не в своем уме.

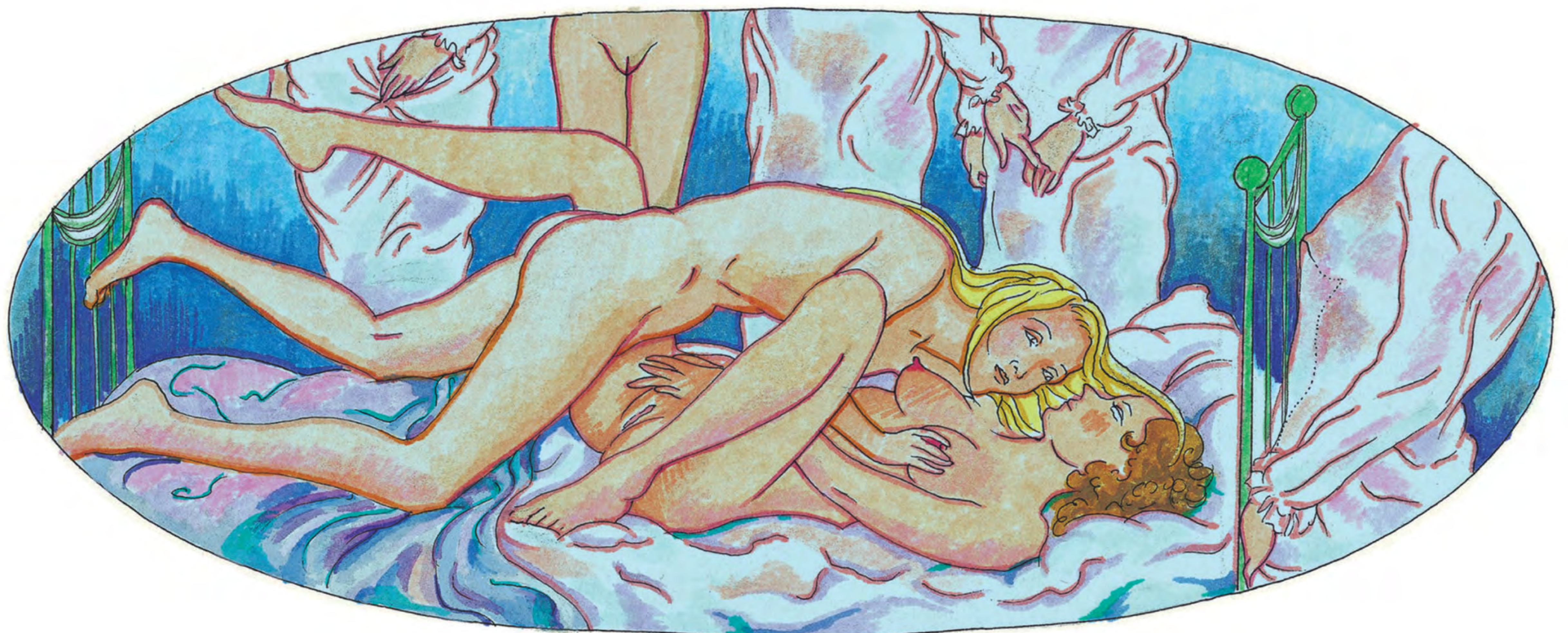
Будучи на добрых десять лет старше меня и, по слухам, собираясь вскоре оставить преподавание, чтобы выйти замуж, мисс Регент явно находилась вне моей досягаемости, так что я нередко была вынуждена переносить вызванный ею пожар страстей на ничего не подозревающие замены. Их бедра, смыкающи-еся на моей руке, были ее бедрами. Чудесное влажное тепло – ее теплом. Их соски – столь разные! – стали грезой моих уст о ее коричневых драгоценностях.

К этому моменту я наловчилась убажывать женщин языком, будь то в разговоре или под одеялом. Это последнее хобби я полюбила всем сердцем, вопреки первоначальным чопорности и сдержанности. Я придерживаюсь мнения, что невозможно познать даму, не выложив ее на стол рубашкой вниз, не прижавшись к ароматным сепалям ее тайны, не оросив ее влагой свой подбородок. Мисс Регент, воображала я, покажется полнотелым бордо, терпким на небе.

Скоро спальни старшеклассниц, к этому времени поистине вакхические, стали для меня сералем, где вокруг в клумбах почивали прелестные цветы. В любую ночь я могла найти хотя бы одну красавицу, готовую задрать халат, раздвинуть ноги, словно Сфинкс у Штука, и визжать в подушку, пока я трюсь лбом у ее блестящей полки – муж, обезжающий ее до зари.

Конечно, две раздетых девочки, озорующих в постели, – это как зевок: чрезвычайно заразительно. Мы быстро привлекали аудиторию, которая вскоре узурпировала сцену. Спешу сообщить, что, несмотря на безупречное воспитание, у них обнаруживались самые грязные наклонности, какие я имела честь встречать в жизни. Они засовывали друг в друга косы, пИсали друг другу на животики... не могу и представить, где они такого нахватались.

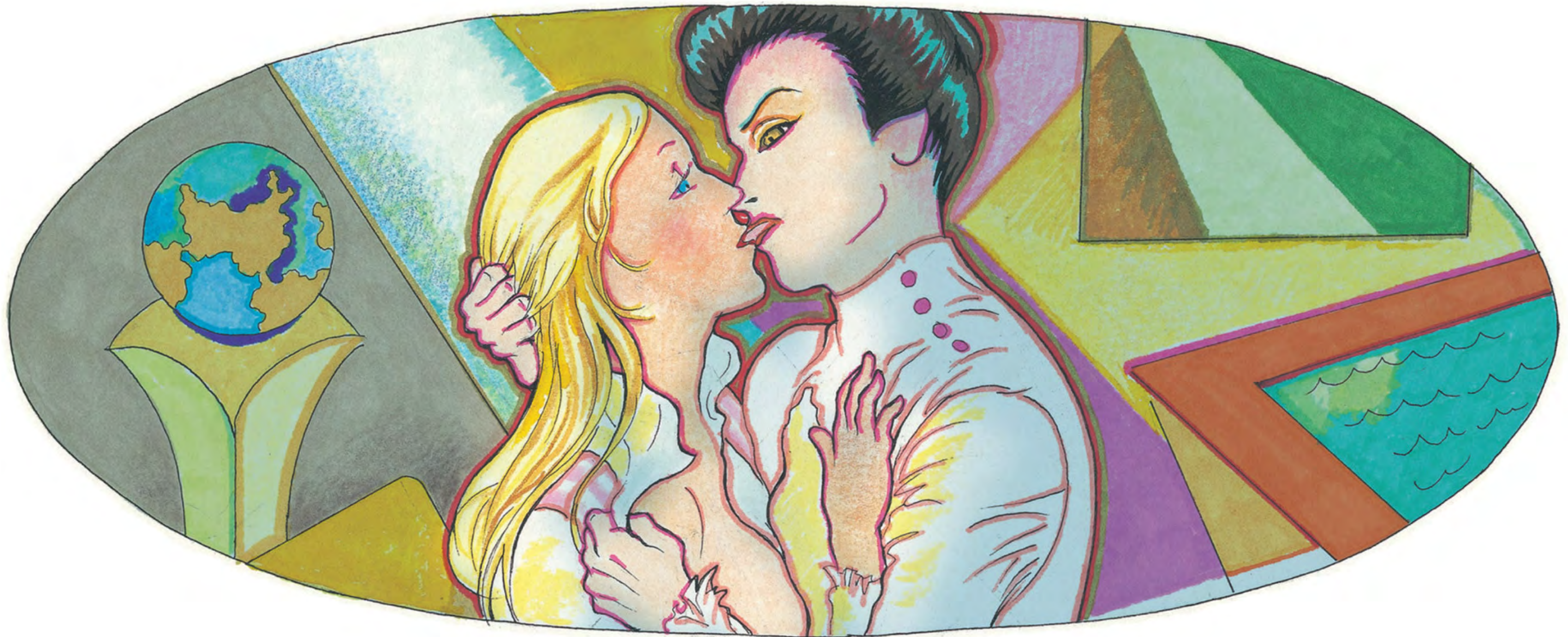

Лилия, Маргарита, Роза... кажется, была и Камелия с черными глазами, если только я не приукрашиваю. Я вижу их как сейчас – сплетенных в блаженный, подвижный веноч, где они пчелиными язычками пили друг у друга нектар. Какие нежные фигуры, какая куртина куртизанок, столь цветастая и благоуханная – и в то же время столь глупая и тщеславная. Они были зачарованным садом, но я знала, что не могу оставаться в нем вечно...

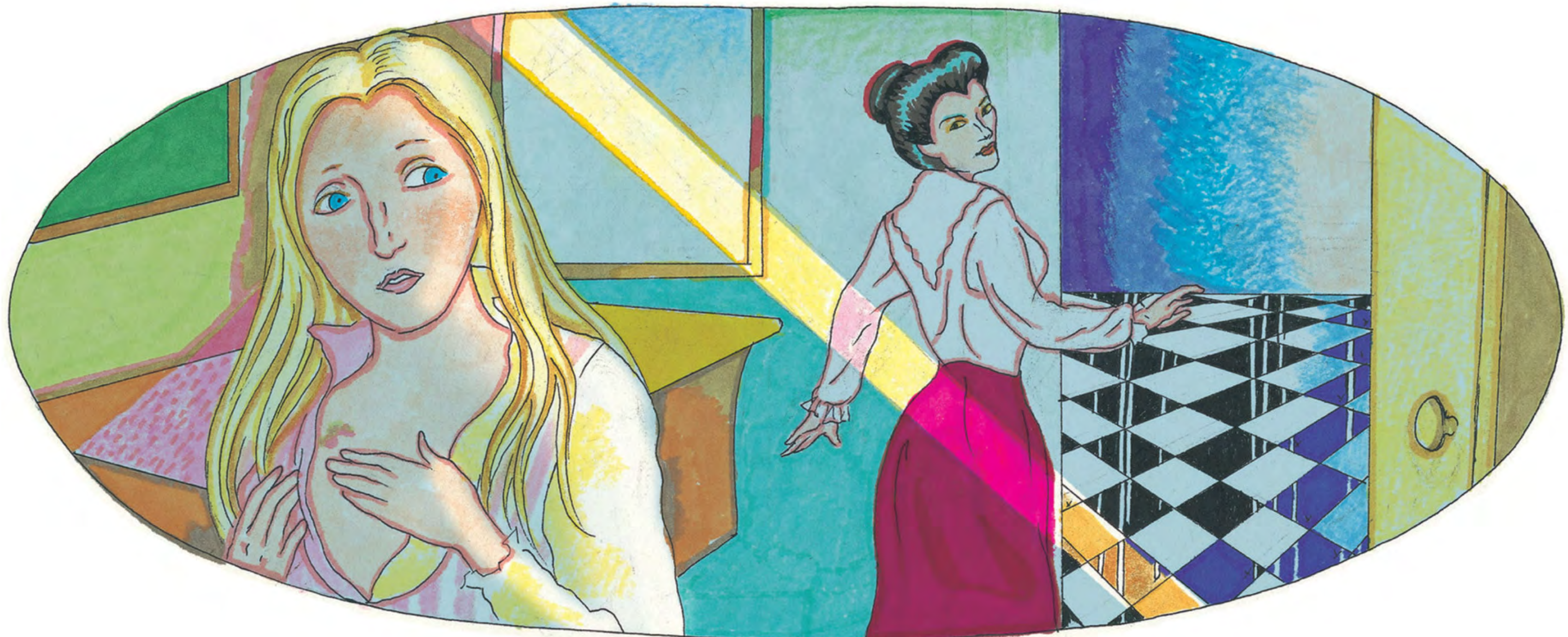

Мисс Регент оставила школу к концу моего последнего семестра, чтобы выйти за какого-то баснословного богача. По окончании ее последнего урока я нашла неуклюжий повод задержаться, пока остальные девочки ушли. Я еще ни разу не оставалась с ней наедине. Она сказала, что скоро ей понадобится личная ассистентка, и предложила обратиться к ней после выпуска. Я едва не лишилась чувств. Класс казался слишком ярким.

Не успела я проговорить какую-то изумленную и воодушевленную глупость, как она приладила мои волосы, а потом притянула к себе. Это был не прощальный поцелуй. Ее язык проскользнул мимо моих губ прямо мне в глотку, мне в сердце, мне между ног. Невидимая рука расстегнула блузку, проникла внутрь, и я благодарно погрузилась в палевый делирий; ее опьяняющий вишневый запах.

Когда все было кончено, перед тем как отстраниться, она прошептала, что я должна прийти к ней на работу, если хочу познать поцелуи, по сравнению с которыми тот, который мы прервали только что, покажется пощечиной. Затем она ушла, и остался лишь затихающий набат ее каблуков по шахматной плитке коридора. Мне казалось, что мы начали игру; казалось, что меня манят в незнакомый край, где она была неоспоримой Королевой...»

...И я, конечно же, ничтоже сумняшея с головой нырнула в эту игру – впрочем, это история для другого раза.

Кто-нибудь будет так любезен и поможет мне подняться? Я старая и хрупкая развалина.

Намного лучше.

В последнее время я все чаще думаю, что нужно отправиться на экскурсию – только нам троем. Я слышала, на Боденском озере есть великолепный островок, почти тропический.

Если я устрою транспорт, мы окажемся там, где все в цвету. Смена климата всем пойдет на пользу...

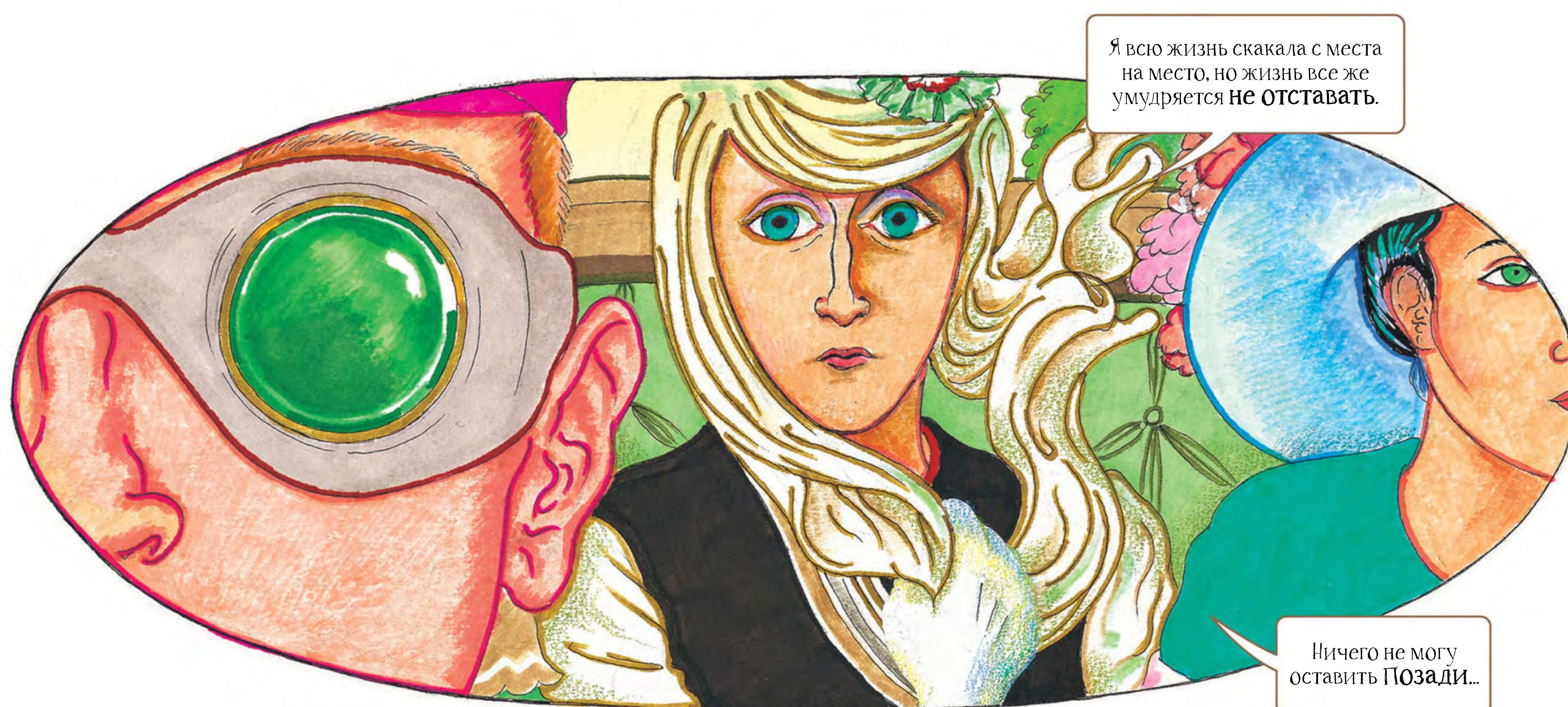
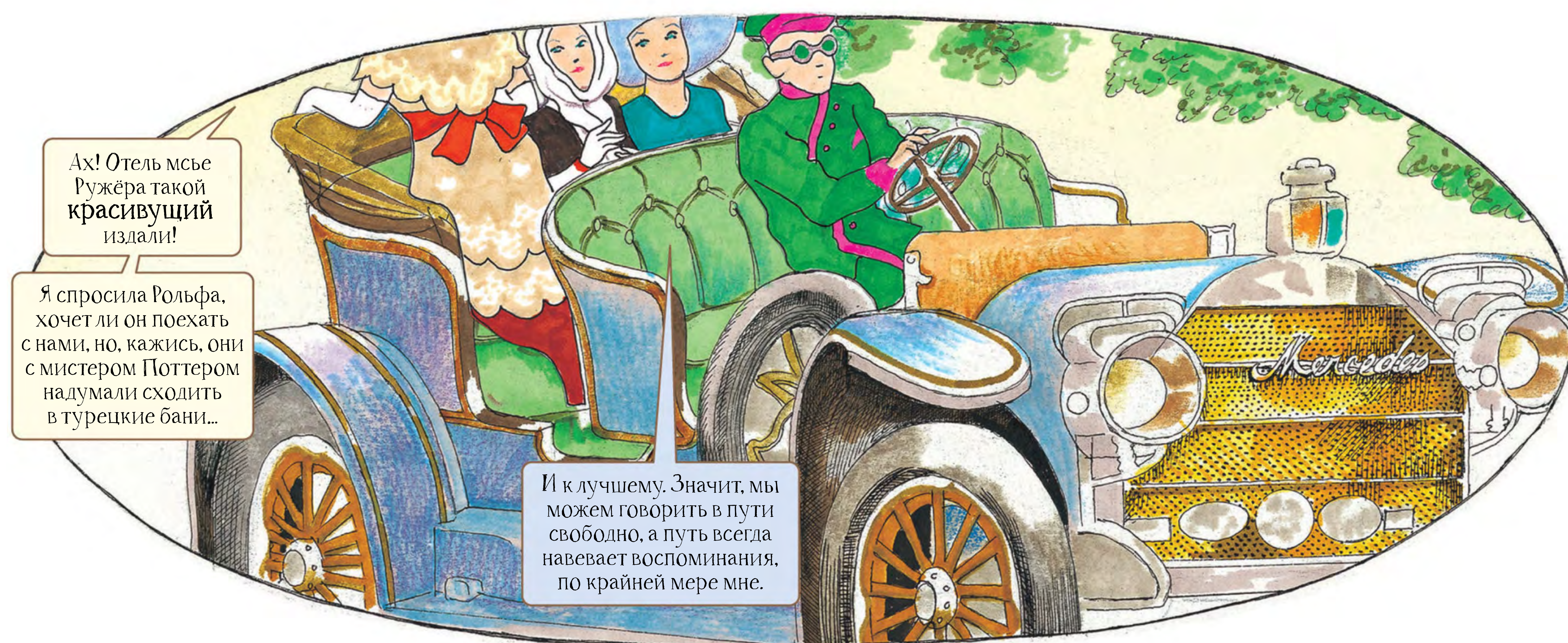
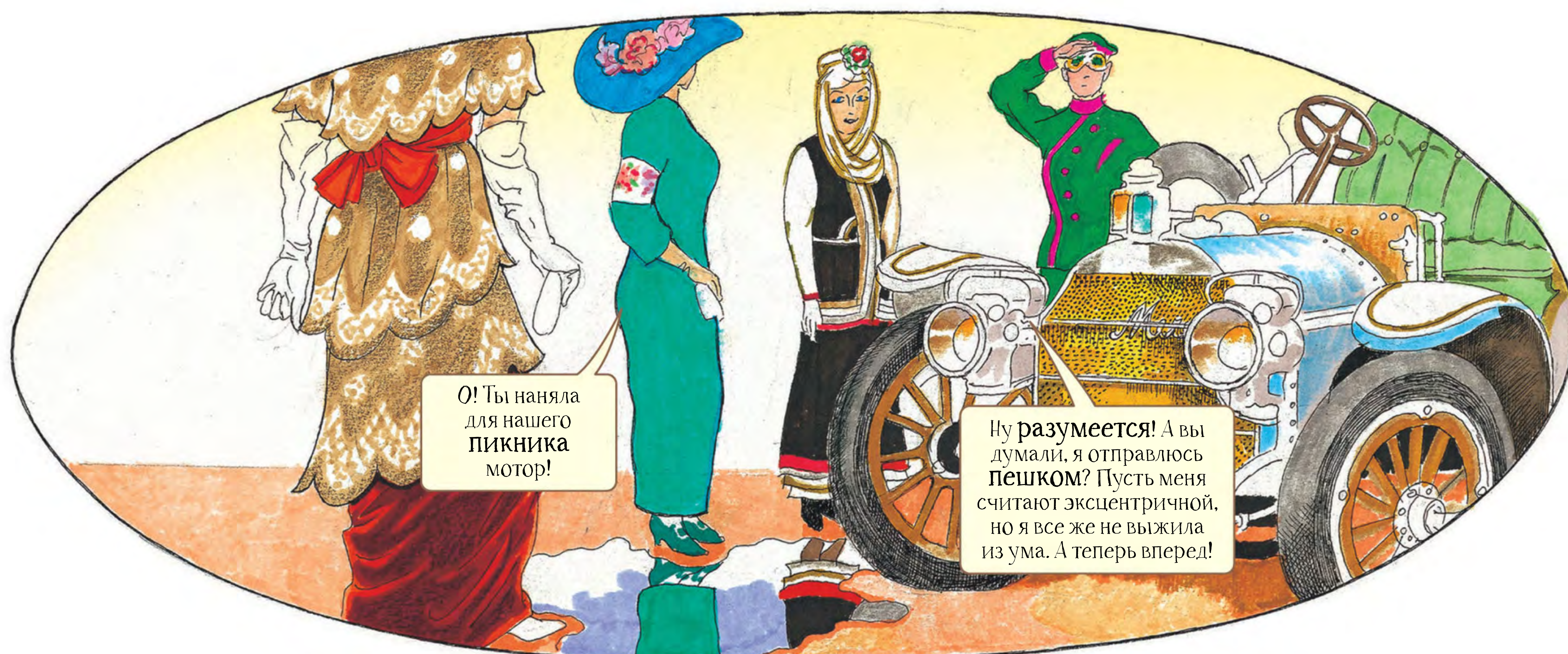
...а я до сих пор питаю к цветам самые теплые чувства.

глава

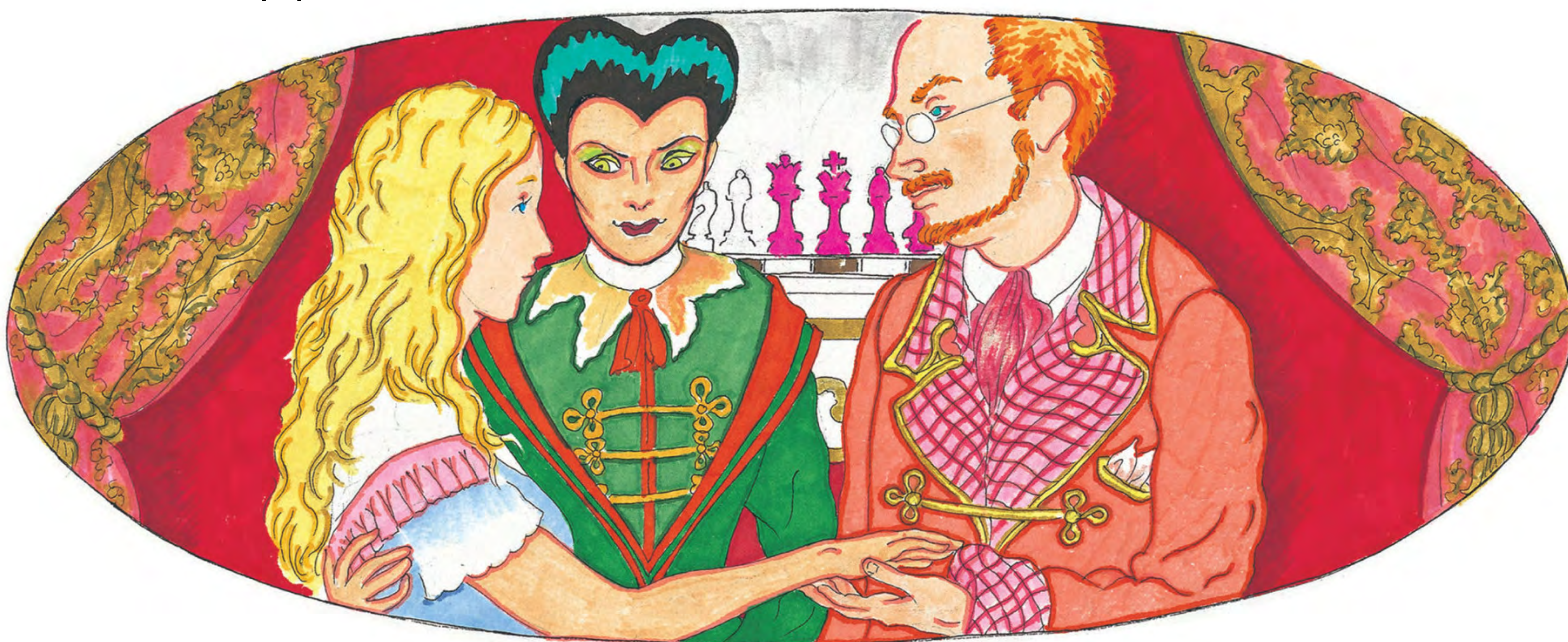
17

Безумное чаепитие

«Выпустившись из школы, я отправилась в поисках работы напрямик к бывшей учительнице, словно еще нуждалась в наставлениях ментора, не говоря об упоительном очаровании ее шейкой и губками. Поездом я приехала в Сарри, разделив купе с пошлой компанией старых баранов и притких козлов, которые плялились на меня всю дорогу, жутко корчась за своими газетами.

Мисс Регент встретила меня на станции, явно довольная обретением личной секретарши, и уведомила меня, что отныне она миссис Редман, озвучив это не без некоторой двусмысленности. Дома она представила своего супруга – оказывается, величину в области экспорта. Он был вежлив, несколько отстранен и рассеян; выказал благосклонное равнодушие. Все время знакомства она поглаживала меня по спине.

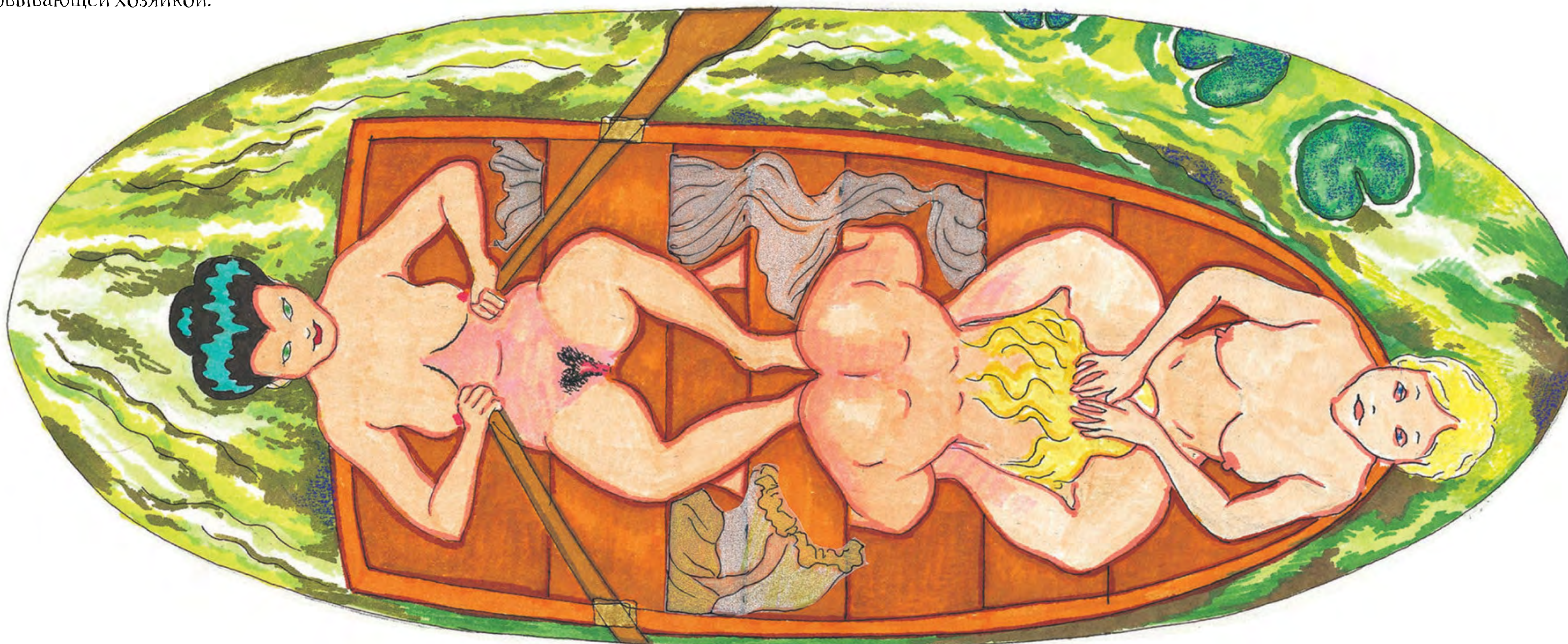
Мистер Редман отправился в постель, а его жена предложила научить меня шахматам и разложила доску на роскошном аксминстерском ковре, присев рядом. Она сказала, что общество – как игра, в которой я могу победить, если не буду отставать. Проведя слоном по ушку, она посоветовала мне переходить на французский, когда в голову не приходит уместное английское слово, а потом попросила снять платье.

Похоже, на французском миссис Редман действительно давала волю языку. Она заставила меня ублажать ее, пока у меня не затекла рука, выкрикивая «Сейчас! Сейчас!» и «Быстрее! Быстрее!», и я даже испугалась, что она разбудит мужа. Ненароком я перевернула доску, пока она демонстрировала необычную тактику, направляя белоснежную пешку к моему заду. В шахматы играть я не умею по сей день.

Спустя неделю она ввела меня в частные женские салоны полусвета Лондона, где нас обслуживали бессловесные инжени с оголенными лобками, на которых волосы были так аккуратно выстрижены в виде сердечек, что те казались нарисованными. Порою мы встречались с женщиной с молочной кожей и уместным именем леди Уайт; очередная преданная сапфистка, замужем за обеспеченным, но ничего не подозревающим мужем, а также явно покоренная моей околдовывающей хозяйкой.

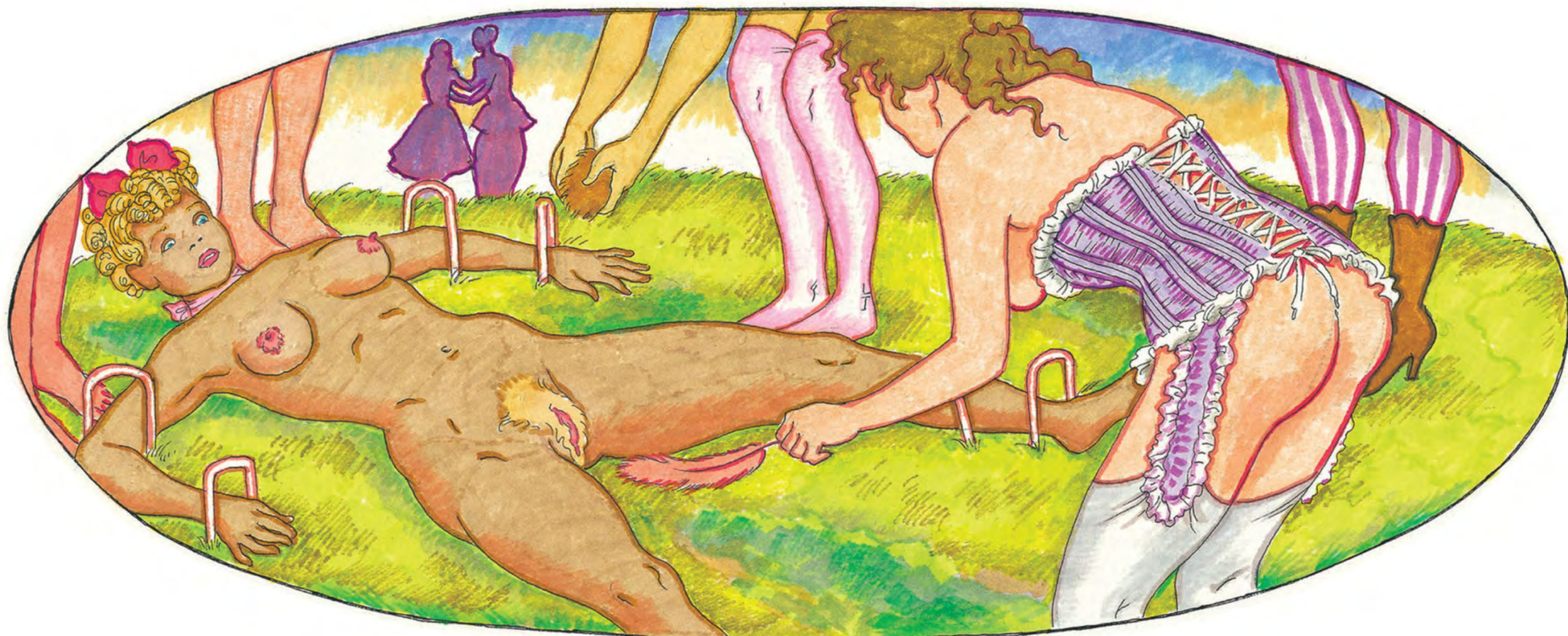
Иногда мы все втроем отправлялись плавать на лодочке по декоративному озеру в обширных угодьях поместья Редманов. Мою благотельницу забавляло, когда мы с ее подругой выступали перед ней. Я была слишком одурманена, чтобы отказать, а леди Уайт – слишком робка. Возбужденные собственной безропотностью, мы послушно лизали и ласкали, стояли голыми на коленях на сыром дне лодки. Изнемогая под моим подбородком, ее светлость тревожно бляла.

Время шло, а игры миссис Редман становились все более странными. Она связывала руки подруги пряжей – так туго, что на белоснежной коже на весь день оставались грубые красные полосы, а впоследствии к этому добавились пыткам шилом. Любопытно, но леди Уайт часами рыдала и умоляла **ДО** того, как ее начинали колоть, а потом затихала и успокаивалась, необъяснимым образом довольная.

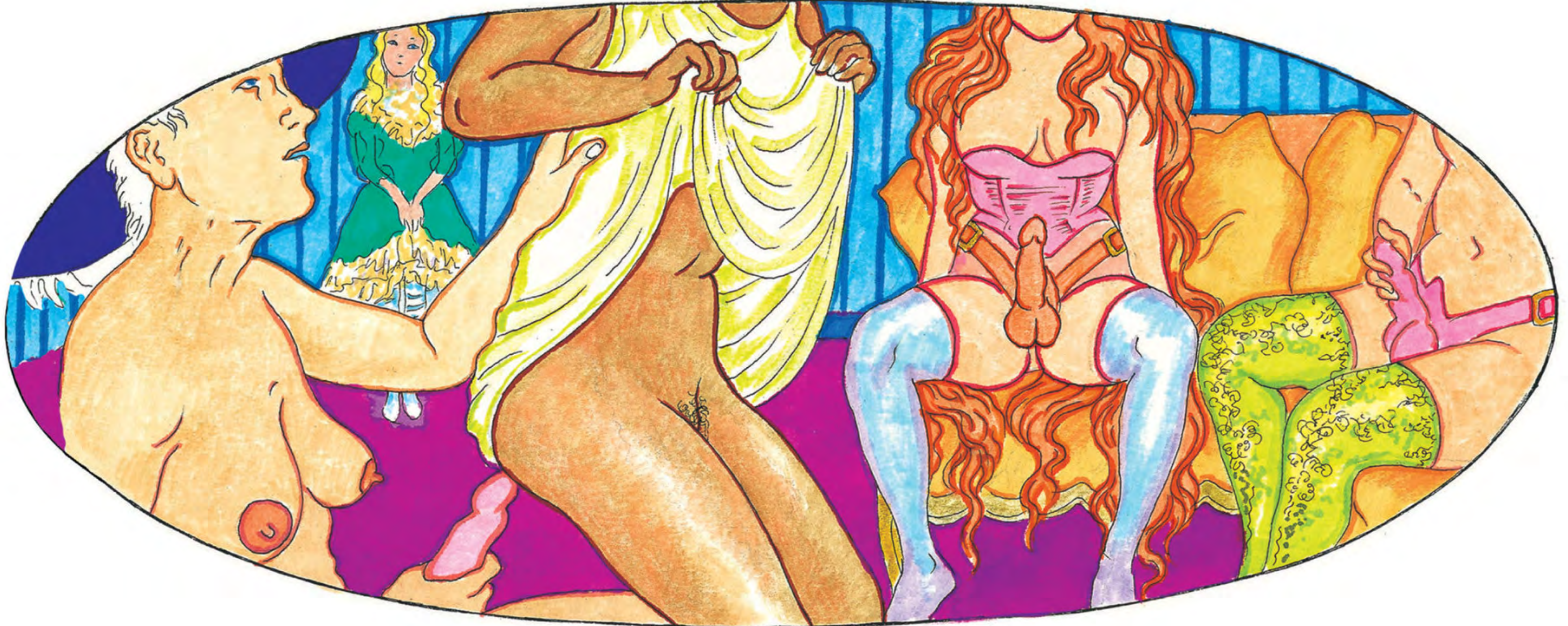
О, это тянулось часами, ночами, месяцами; поток рваного шелка, сливок и надушенных сосков; волны женщин – мягкие, солоноватые и неотвратимые. В меня лезли языки, груди, пальцы и дорогие заморские фрукты. Шелковые шарфы и воздушные шары, пока каждое приключение под одеялом не стало посещением шатра фокусника; и в каждой капле слюны, блестящей на срамных волосах моей любовницы, было чудо.

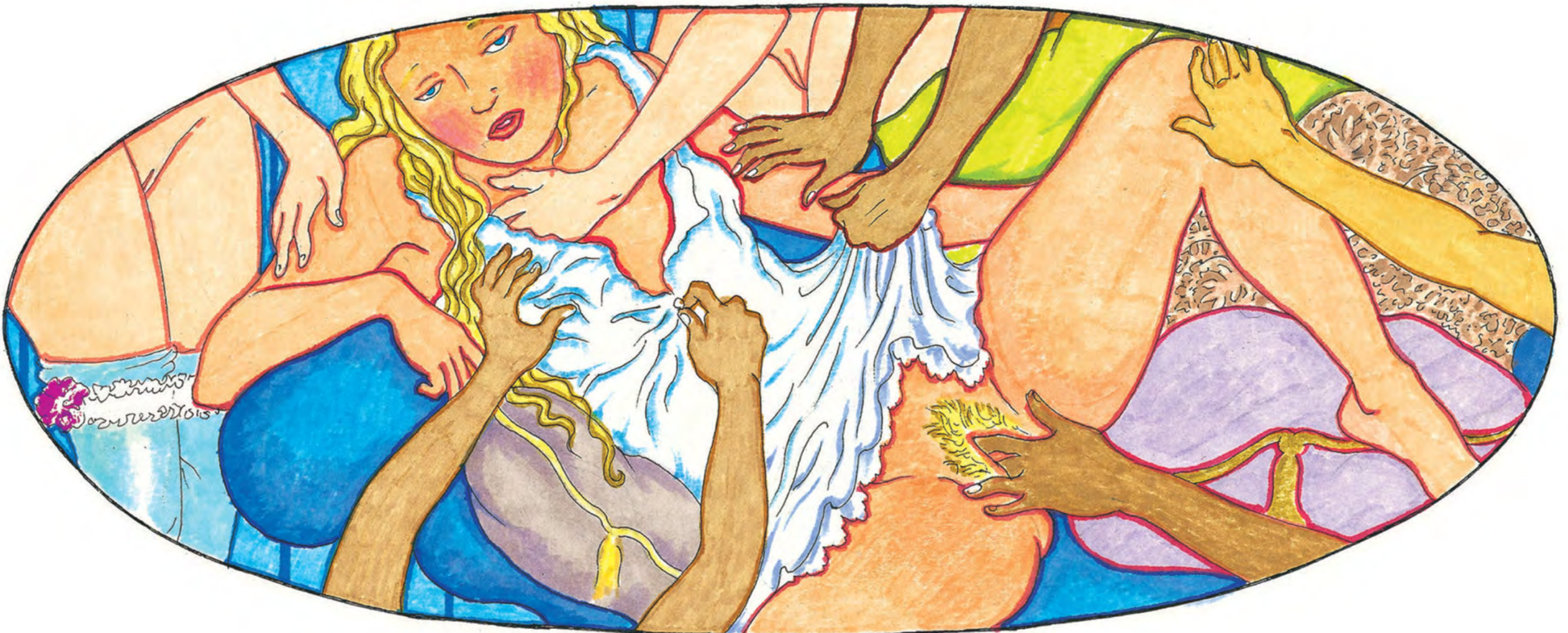
А еще же чаепития, что проводились дома у Редманов в отсутствие мистера Редмана либо во владениях как будто целого огромного и тайного общества богатых лесбиянок. Дорогие мои девочки, как жаль, что вы этого не видели! Женщины, прижатые крокетными воротами, пока их щекочут ежами и перьями фламинго. Женщины оголенные и измазанные грязью, ухаживающие на четвереньках за клумбами цветов.

На одном из таких вечеров я впервые и прошла посвящение в науку опаивания. Нам подавали на удивление горький чай, зеленоватый и терпкий на нёбе, и я прикончила две полные чашки, прежде чем кому-то пришло в голову уведомить меня, что его настаивали на конопле. Одна скромная мышка уговорила целый чайник и впала практически в коматозное состояние. Конечно, это нимало не помешало нам залучить к себе и ее.

Хозяйка была известной чудачкой, никогда не снимала берет даже in flagrante delicto*. Она организовала новую вариацию игры в музыкальные стулья, где молодые дамы порхали с коленей на колени своих пожилых подруг. Устав от партнерши, она просила еще самого лучшего масла для смазки и объявляла, что всем пора меняться местами. Я изумленно взирала, пока меня обволакивало колышающееся и незнакомое головокружение.

Меня отвели к дивану. Даже не помню, кто снял с меня платье и исподнее, что я делала или что делали со мной. Все ускользнуло в нереальное царство зазеркалья, где меня когда-то оставил мой первый сексуальный опыт, – мир, где возможно самое несообразное, подчиняющийся лишь логике желания. Мою щечку целовали сны. Я растворилась в чае и блестящем бреде.

*На месте преступления (фр.)

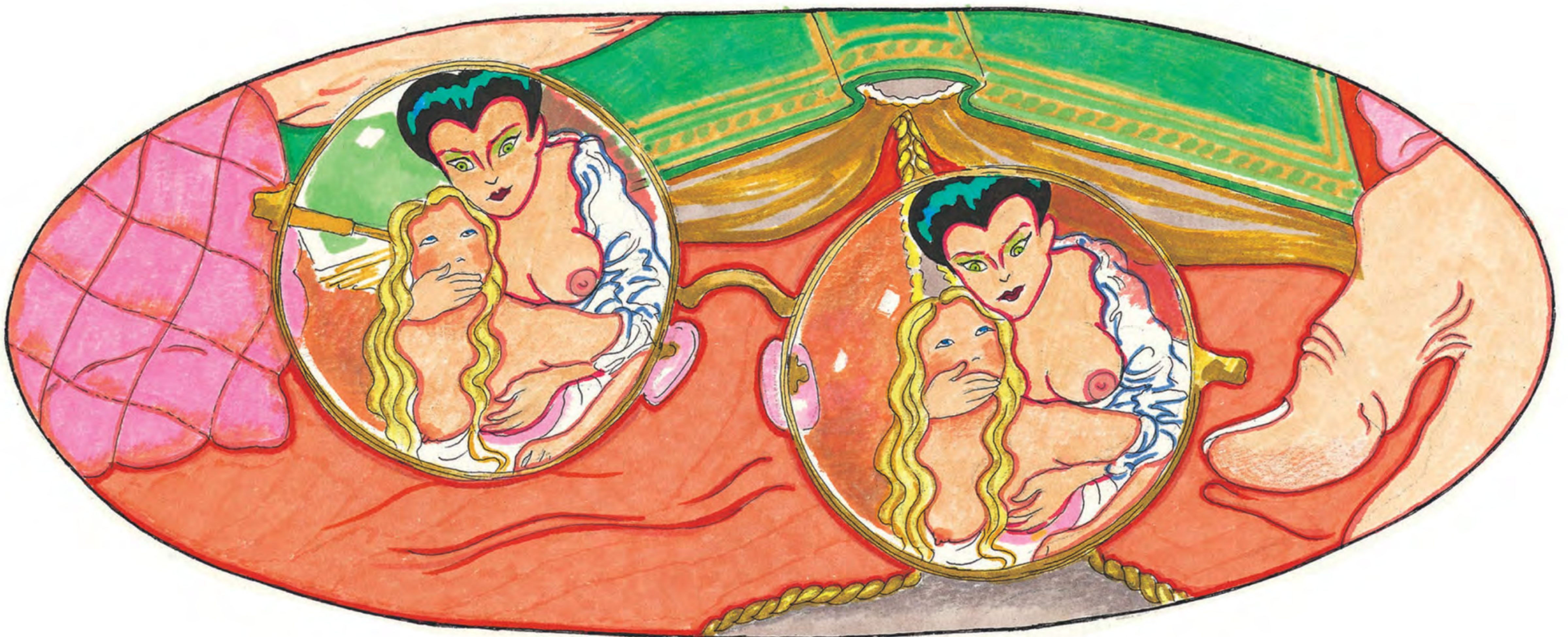

На следующее утро я проснулась с мозгом, словно сделанным из ваты, и заметной болью в интимных частях, которая осталась необъясненной, хотя едва ли необъяснимой. По прошествии нескольких ночей после этого произошло нечто подлинно экстраординарное: миссис Редман вызвала меня в гостиную, где растянулся ее задремавший муж. Заговорщицким шепотом она называла его слепым дурнем, лапая меня за зад.

Пока он прерывисто храпел всего в каких-то футах, с меня проворно стянули трусики, а саму перекинули через стул, и я не могла протестовать из страха разбудить его. Смазав пальцы, она вторглась сразу в два моих отверстия, приступив к весьма напористому и мощному ритму. «Посмотри на него, – выдохнула она. – Он платит за все, что мы делаем, ни о чем не подозревая. Если он когда-нибудь проснется...

Если он когда-нибудь проснется, все это исчезнет »».

...Но, полагаю, неизбежно
исчезает все на свете.
Даже эти очаровательные
леса и поля не останутся
такими вечно.

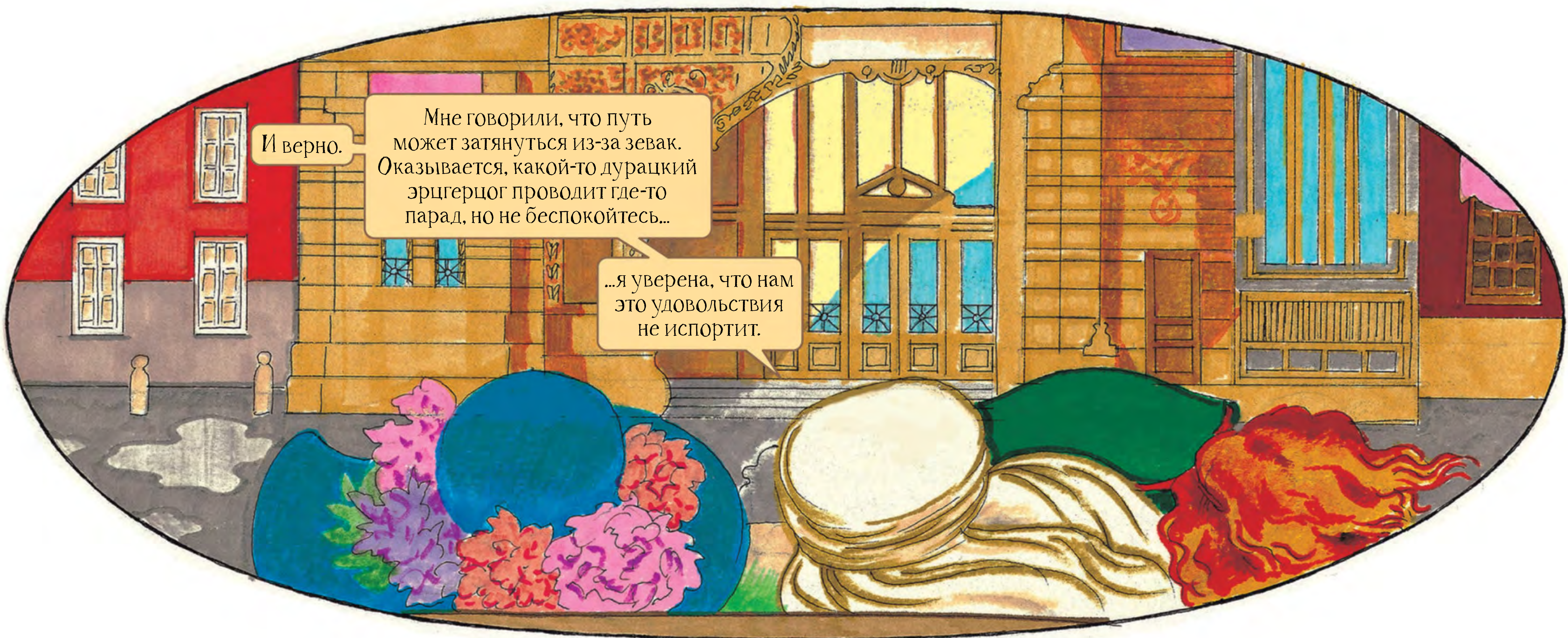
Не говори так! Я
надеюсь, хотя бы тот
остров, о котором ты
говорила, еще будет
на месте, когда мы
приедем!

И я! Представьте, как там
растут тепличные цветы,
а вокруг лежит снег.

При условии, что мы прибудем
до того, как уйдет тепло.
Наш поезд может оказаться
медлительней этого мотора.

Почему же?
Глядите! Впереди
станция!

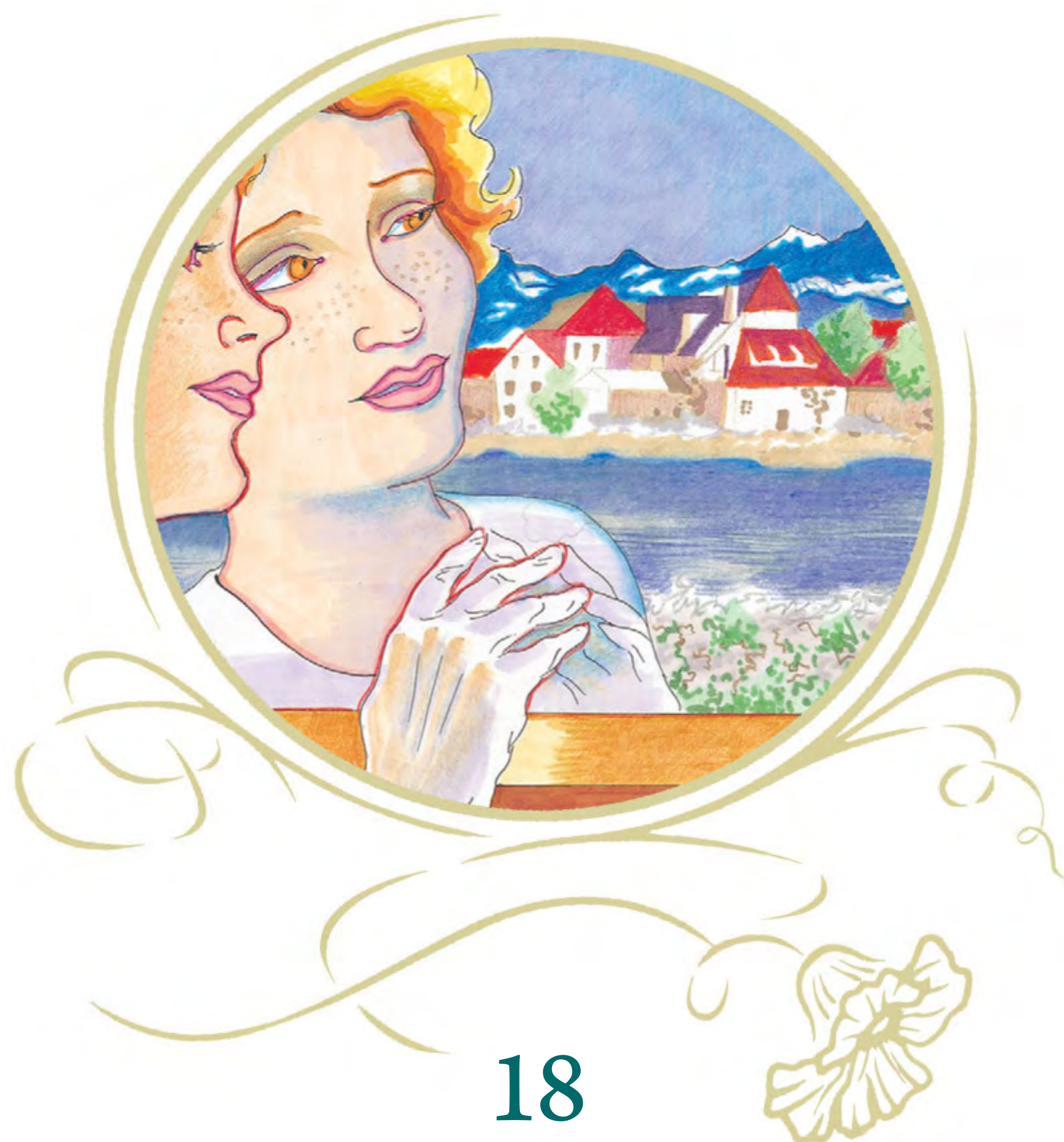

И верно.

Мне говорили, что путь
может затянуться из-за зевак.
Оказывается, какой-то дурацкий
эрцгерцог проводит где-то
парад, но не беспокойтесь...

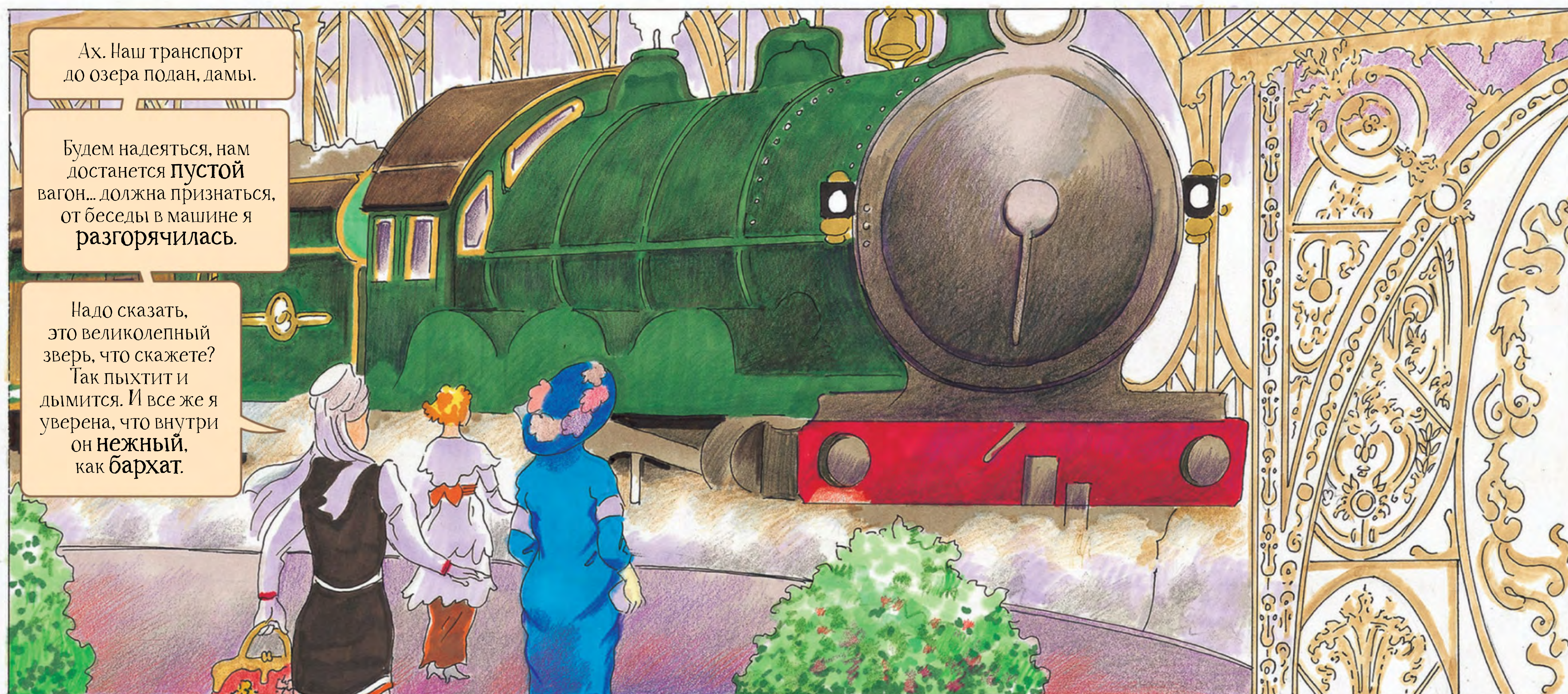
...я уверена, что нам
это удовольствия
не испортит.

глава

18

Трусливый лев

Ах. Наш транспорт до озера подан, дамы.

Будем надеяться, нам достанется **пустой** вагон... должна признаться, от беседы в машине я **разгорячилась**.

Надо сказать, это великолепный зверь, что скажете? Так пытит и дымит. И все же я уверена, что внутри он **нежный**, как **бархат**.

Алиса была **права**: уютное купе для нас одних, где можно послушать новые увлекательные истории. Кажется, теперь черед **Дороти**.

Ах да. Если я правильно помню, Дороти, твоё **последнее** приключение окончилось кувирканиями в стogu сена. Пронимает до глубины души.

Надеюсь, ты заготовила нам впрок сельского распутства.

Ну, там, откуда я родом, другого распутства и не бывает...

Как говаривают про места, где заканчиваются дороги...

Кто знает, **что** может случиться, когда ты у черта на **рогах**?

Конечно, в таких местах и романтики не больно-то дождешься.

После того первого мальчишки у меня свербело **неделями**, я возбудилась, что бабушкина **шавка**.

Как есть, кончила бы от дуновения ветерка.

«Как вспомнить, так я будто с ума сошла. Гляну на мужика – а уже думаю, как мне с ним будет.

Даже на стариков... то есть даже на тетку с дядей я смотрела и чуть себя не доводила, пока елозила по каминному половичку. Все думала.

Какой у него... ну знаете. Хрен. На что похож, все дела. Иногда тетка как зыркнет, будто знает, о чем я думаю.

А так оставались только батраки на ферме. Не считая того мальчишки, было их всего двое.

Один казался суровым и злым, и внимания на меня не обращал. А второй был таким грубым здоровяком.

Как я мимо ни пройду, он прорычит какую-нибудь пакость, чтоб я слышала, и хватается за шутку в штанах.

Всякие глупости, навроде: «Ох как я проголодался! Так бы и сожрал ее маленького песика – или ее маленькую киску!»

Я-то понимала, что он только хотел... как это сказать? Поставить меня на место? Запугать. Вот-вот. Запугать.

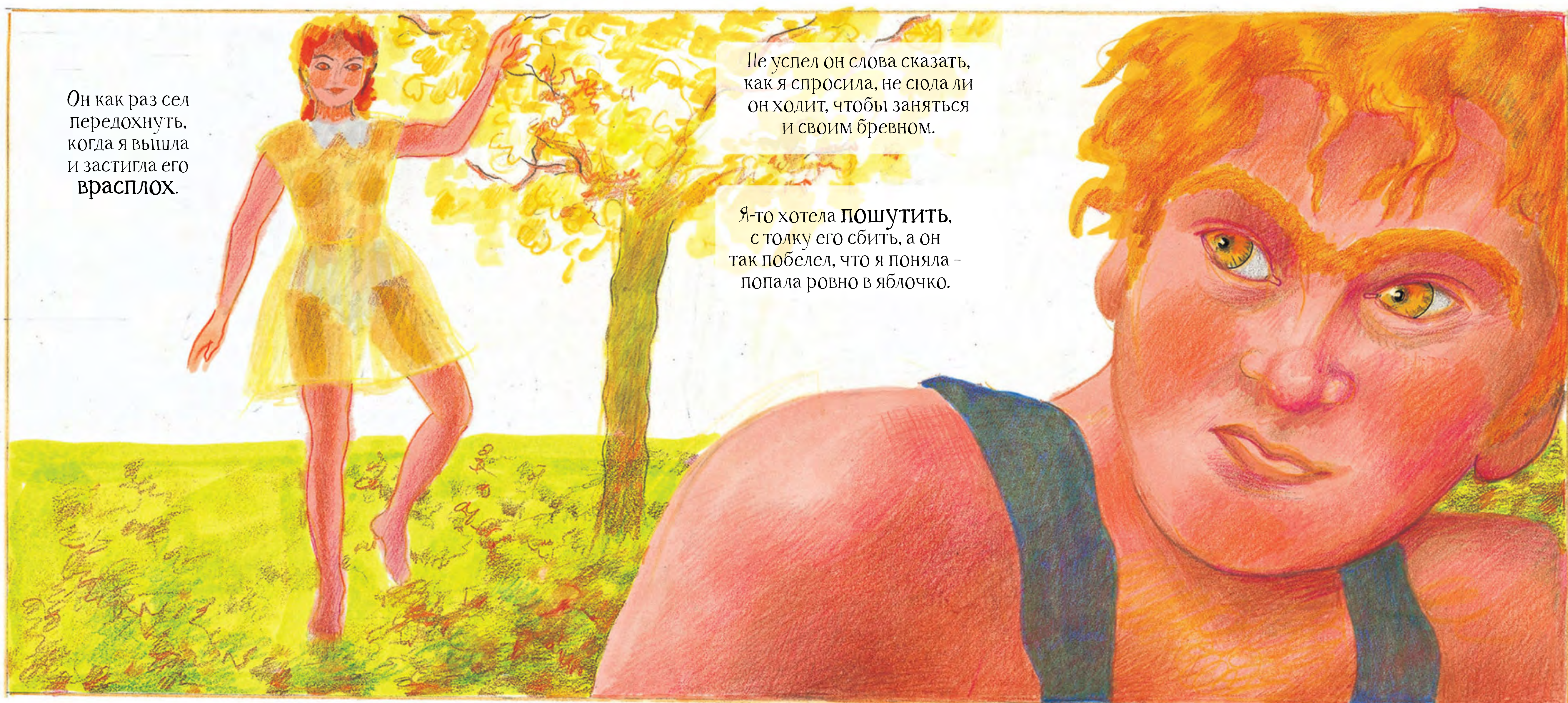
По правде, женщины его побаивались. Скорее всего, к киске он и на пушечный выстрел не подходил.

Я не боялась. Куда там – я думала, что он больше боялся **меня**, иначе чего такой шум поднимать?

Я решила, что он только **лает**, да не кусает, и ему надо показать, кто тут **ХОЗЯИН**, как когда большая зверюга отбивается от рук.

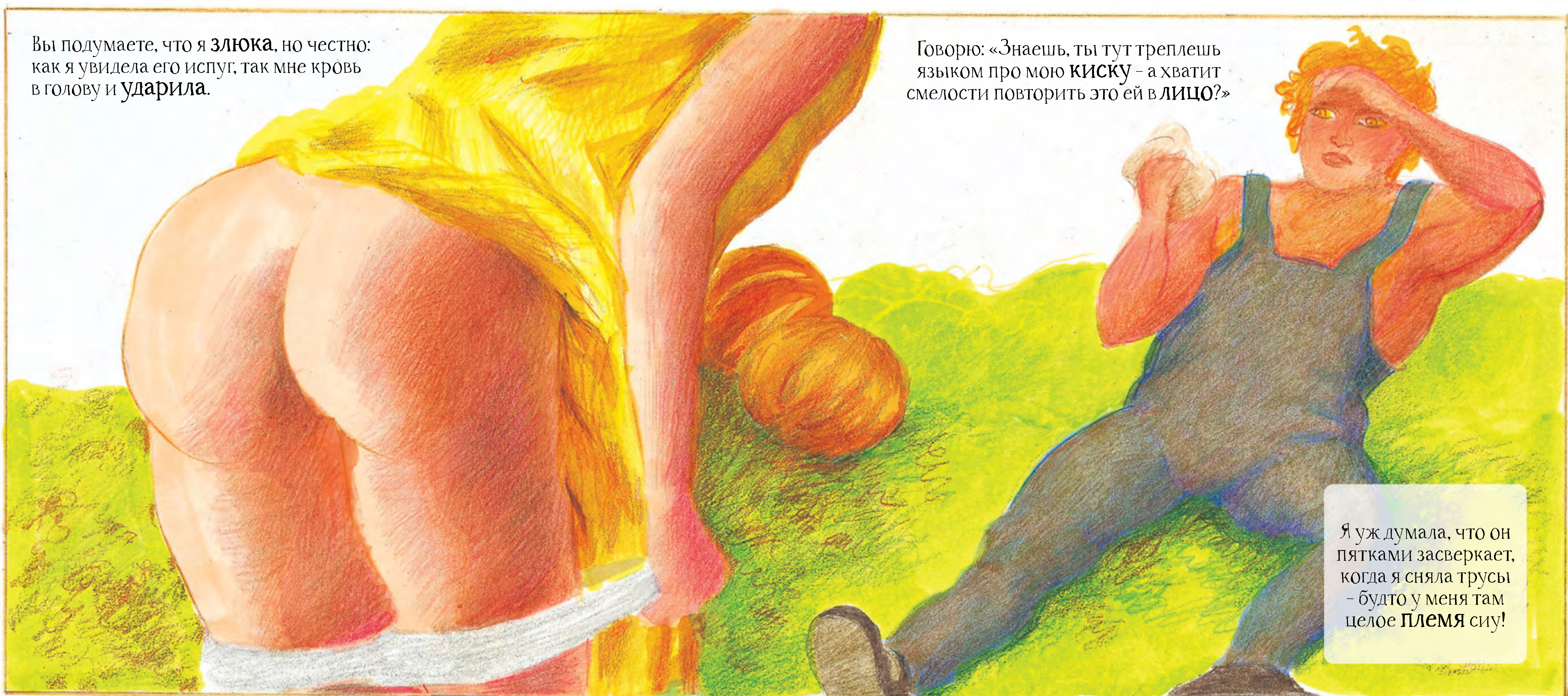
Однажды днем я нашла его на верхнем поле, он рубил поленья. Весь употел, недурен собой.

Он как раз сел передохнуть, когда я вышла и застгла его **врасплох**.

Не успел он слова сказать, как я спросила, не сюда ли он ходит, чтобы заняться и своим бревном.

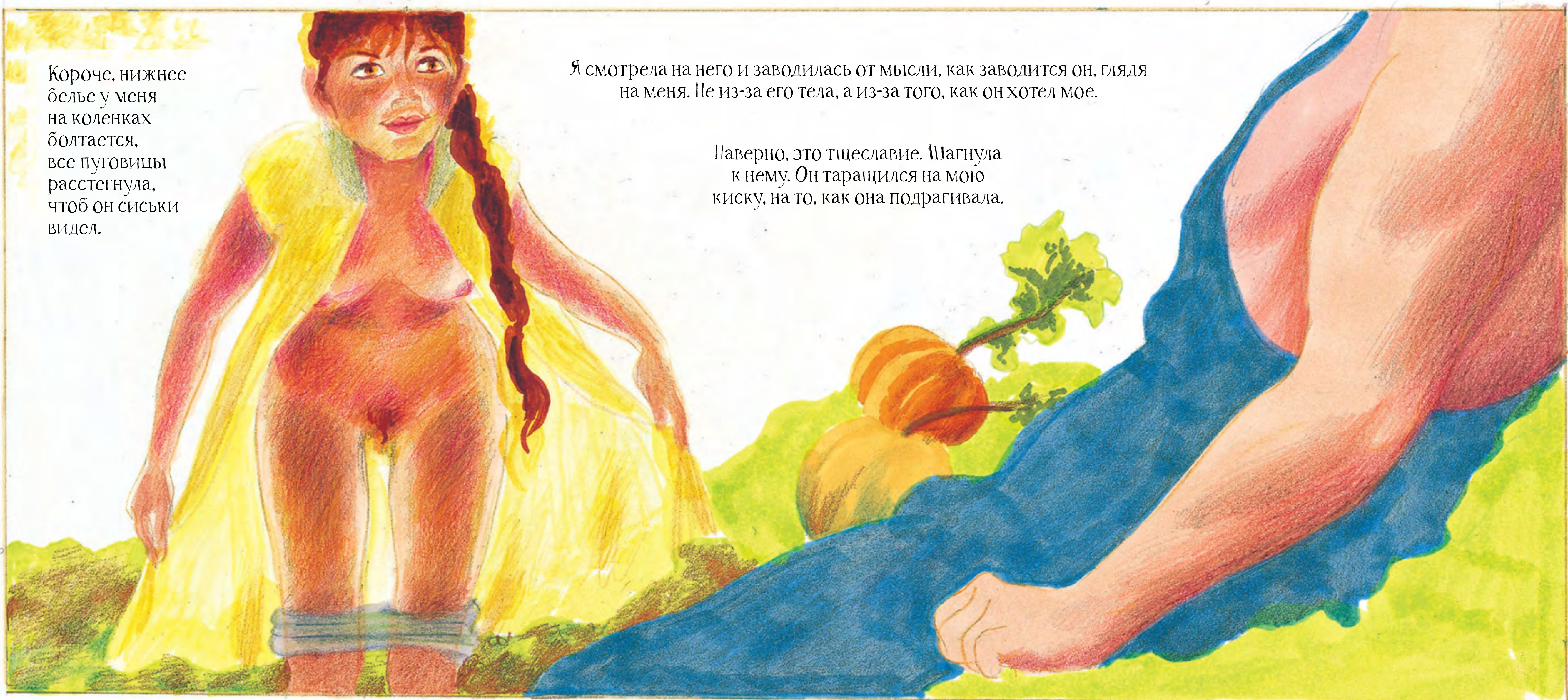
Я-то хотела **пошутить**, с толку его сбить, а он так побелел, что я поняла – попала ровно в яблочко.

Вы подумаете, что я **злюка**, но честно: как я увидела его испуг, так мне кровь в голову и **ударил**.

Говорю: «Знаешь, ты тут треплешь языком про мою **КИСКУ** – а хватит смелости повторить это ей в **ЛИЦО**?»

Я уж думала, что он пятками засверкает, когда я сняла трусы – будто у меня там целое **ПЛЕМЯ** сию!

Короче, нижнее белье у меня на коленках болтается, все пуговицы расстегнула, чтоб он сиськи видел.

Я смотрела на него и заводилась от мысли, как заводится он, глядя на меня. Не из-за его тела, а из-за того, как он хотел мое.

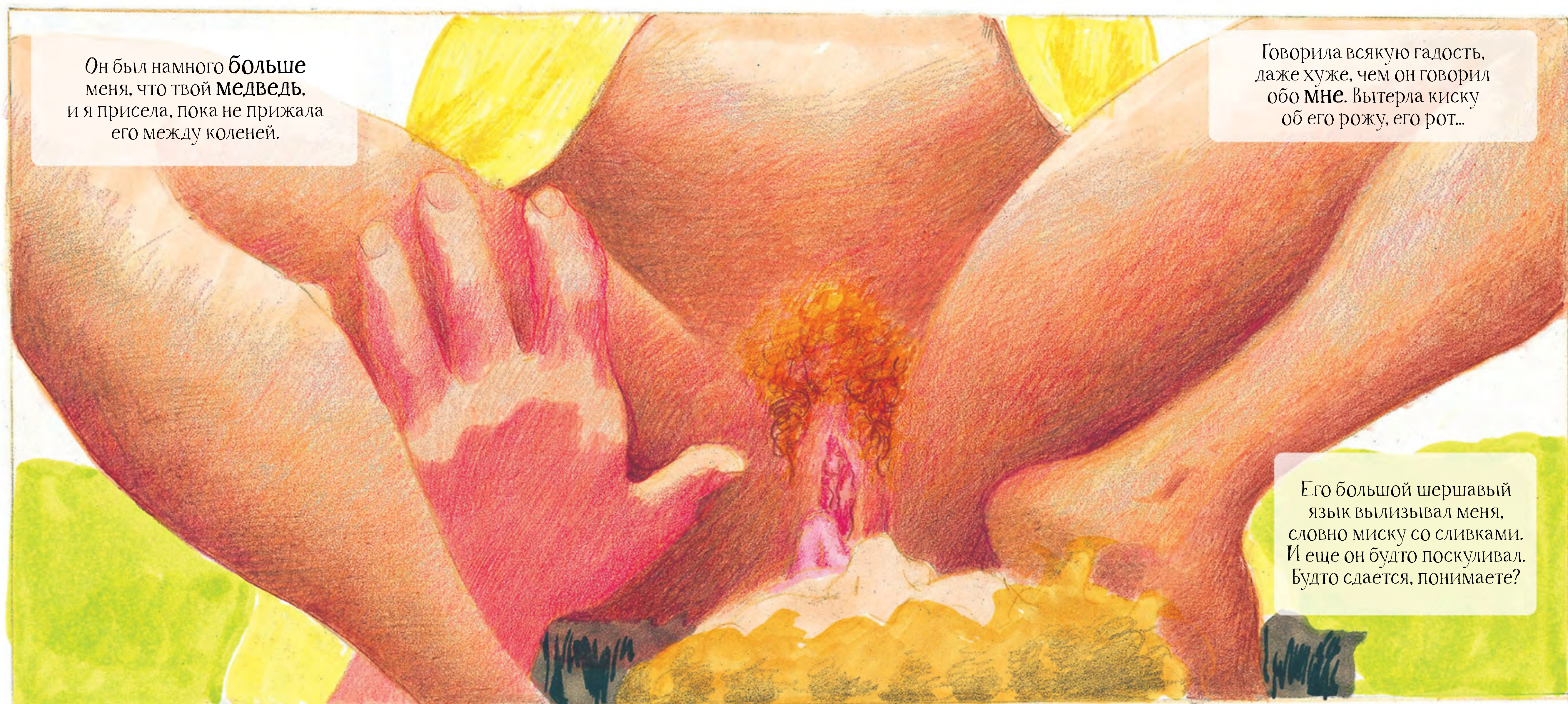
Наверно, это тщеславие. Шагнула к нему. Он тарашился на мою киску, на то, как она подрагивала.

В конце концов я ему чуть в лицо не уткнулась, киска зависла прямо перед глазами...

...А, и кстати, будете дальше там шебуршать друг у друга под юбками – и я с **МЫСЛИ** собьюсь!

В общем, стою я там, с таким букетом лобковых цветков у его морды. Он пыхтит, как здоровый кобель.

Он был намного больше меня, что твой медведь, и я присела, пока не прижала его между коленей.

Говорила всякую гадость, даже хуже, чем он говорил обо **МНЕ**. Вытерла киску об его рожу, его рот...

Его большой шершавый язык вылизывал меня, словно миску со сливками. И еще он будто покусывал. Будто сладится, понимаете?

Когда я **насытилась** и поняла,
что и с него тоже **ХВАТИТ**,
я немного остыла.

Даже отползла
и отсосала ему...
впервые пробовала...
просто чтобы кинуть
ему **КОСТОЧКУ**.

Наверно, так и
дрессируют больших
кошек в цирках,
об которых я читала.
То бишь кнутом и
пряником.
Не отсасывают.

Ну, он там **остолбенел**
не хуже генерала Кастера,
да и лицо было такое же.
Как камень.

Столько времени он
строил из себя не пойми что,
а теперь какая-то **ДЕВЧОНКА**
сбила с него спесь!

Я заползла на него, и теплая
слюна на его хрене прочертила
линию между моих груди,
по животу.

Взяла его в себя, подержала. Пахло от нас двоих мускусом,
будто я зверя какого оседлала.

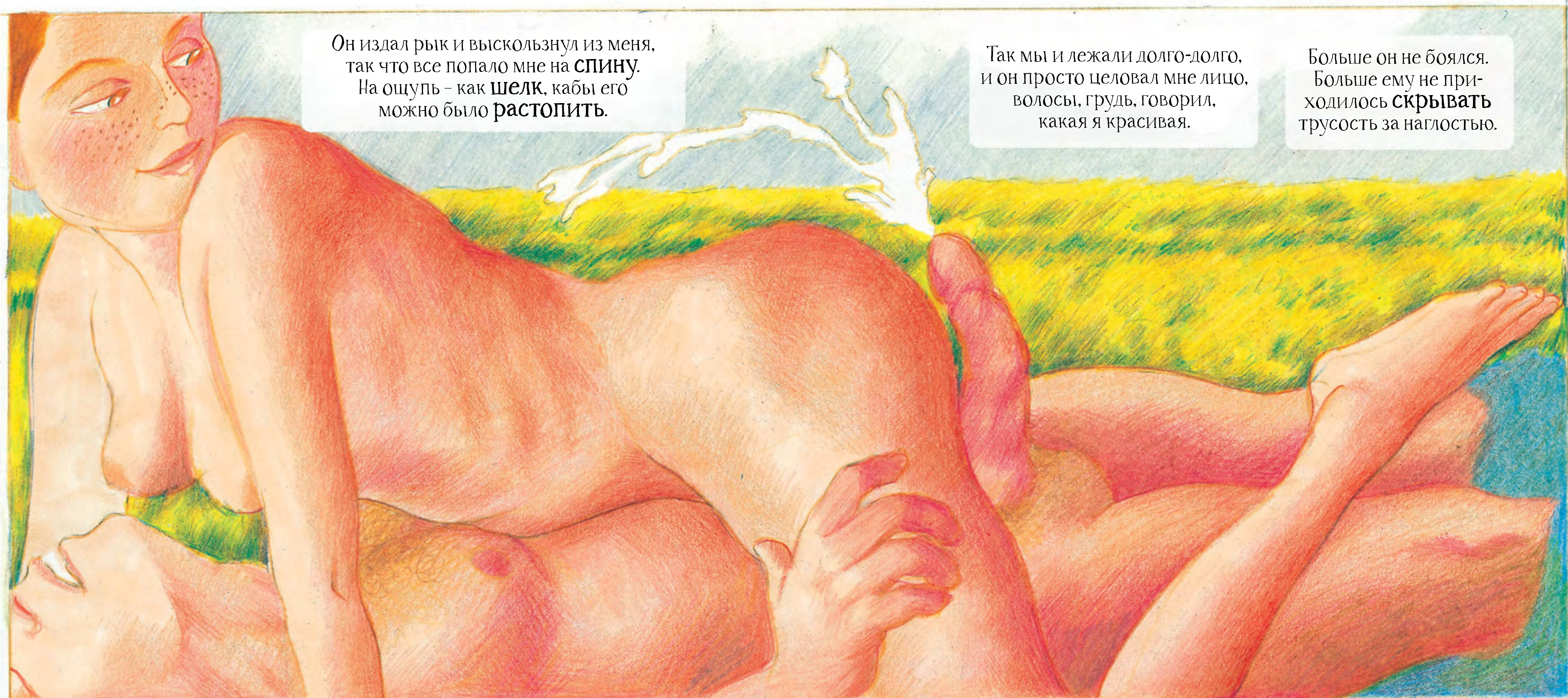
Эта мысль мне пришла по душе –
ну там, **МЕХ** у моих сосков,
здоровые лапищи
на заднице.

Грива
у его
члена.

Я его напугала.
Я его
приручила.

Черт, а
под конец еще
и **СМЕЛОСТИ**
научила.

Он издал рык и выскользнул из меня, так что все попало мне на **спину**. На ощупь – как **шелк**, кабы его можно было **растопить**.

Так мы и лежали долго-долго, и он просто целовал мне лицо, волосы, грудь, говорил, какая я красивая.

Больше он не боялся. Больше ему не приходилось **скрывать** трусость за наглостью.

Потом он проводил меня до фермы. Помог перелезть через оглоблю и даже не думал полагать или еще чего, чтоб все **испортить**.

Понимаете? Не было там чтоб **самодовольства**. Только **благодарность**... и, может, капля **уважения**.

Как будто я для него не просто дырка, чтобы присунуть свою штуку.

И потом он стал **другим**. Набрался смелости **приглашать** дам на свиданки, а не **пыриться** на них через всю улицу.

Даже оказался натуральным **денди**, когда **поверил** в себя.

Я была не против, что осталась без его привязанности. По правде сказать, я искала кого-то **нахрапистей**.

Кого-то с **характером**.

глава

19

Питер нарушает спокойствие

О, держите же лодку ровнее!
Я еще не привыкла к качке, и,
признаюсь, меня не держат ноги...

Хм. А как по мне,
ножки у тебя
замечательные.

А если они и не держат, так это
из-за того, что вы там с Венди
учудили на поезде, пока я
рассказывала историю...

Что ж, история
вышла **весьма**
бодрящая. Знаешь
ли, эти пыhtения
на силосе **задевают**
за живое.

Надеюсь, ты
мигом доставишь
нас на этот
остров, Дороти.
Иначе же я буду
вынуждена
накинуться на вас
обеих прямо
в лодке.

Никуда.
Будем
надеяться,
ты удержишь
свою киску
в узде, пока
мы не выса-
димся.

Можешь подумать
о чем-нибудь
другом, чтобы
скоротать время?

Мы опрокинемся
и утонем, а **куда**
это годится?

Что ж, работа
веслами
производит
удивительный
эффект
на твой бюст,
дорогая...

...и, полагаю, **Венди**
собиралась нам
что-то рассказать?

Да, и
в самом деле.

Я боюсь, после
ваших походов
моя история пока-
жется **пресной**.
Понимаете, я про-
исхожу из самой
обычной семьи.

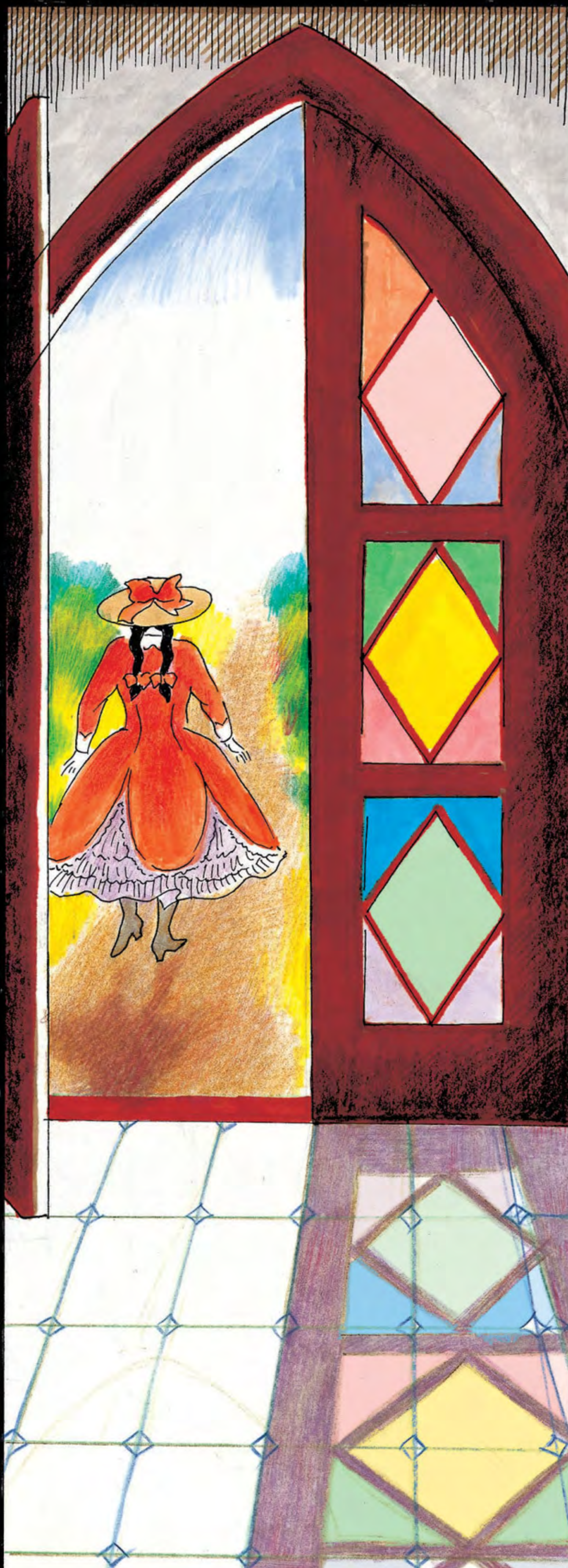
Наверное, потому
все тогда казалось
таким **опасным**...

...до жути
привлекательным.

«После всего, чем мы занимались с братьями, респектабельный фасад нашей семьи выглядел **ширмой**.

Как и фасад **общества**. Как можно вести себя **обыденно**, когда у всех такой **ОГОНЬ** между ног, такие желания **на уме**?

Церковь по воскресеньям оказалась особенно мучительна.

Стакиваясь со скукой, мысли становились одна непотребнее другой. Трогает ли наш ви-карый себя? Нравится ли матушке, когда ба-тюшка щекочет ее внутри пальцами?

Мы пели «Встаньте, встаньте ради Иисуса!» А я представляла мужские органы и кончики женских грудей.

Однажды воскресеньем в церкви было необыч-но душно, и я все больше думала о себе.

Влажная и чувственная, погода проскальзыва-ла всем под одежду, превращала в соучастни-ков своей влажной, ленивой похоти.

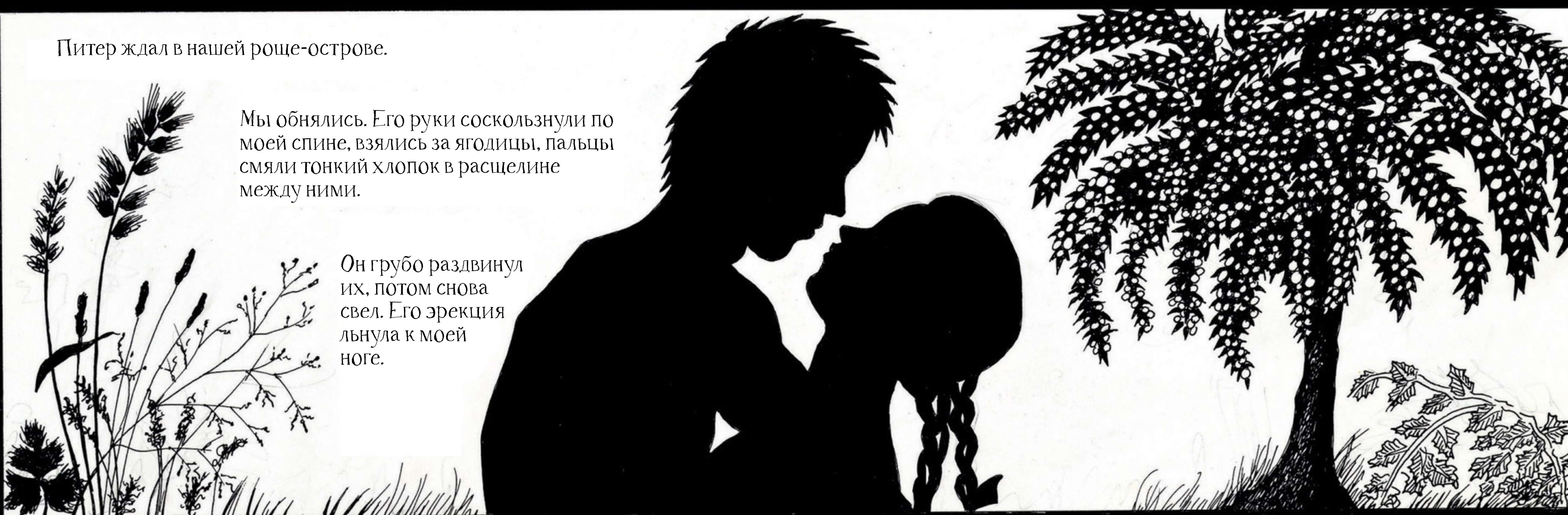
Я не могла дожидаться, когда наконец вырвусь из-под витражного света на настоящее солнце.

Я знала, чего хотела.

Питер ждал в нашей роще-острове.

Мы обнялись. Его руки соскользнули по моей спине, взяли за ягодицы, пальцы смяли тонкий хлопок в расщелине между ними.

Он грубо раздвинул их, потом снова свел. Его эрекция льнула к моей ноге.

Он знал, зачем я пришла. Между поцелуями он шептал на языке фейри - древние слова, которые мы в наших скромных домиках не произносили.

Он говорил, что вылизет мне пизду. Говорил, чтоб я ему отсосала. Говорил, что будет держать меня за ноги и ебать.

Я позволила ему стащить с меня одежду. Все было так похоже на сон: голые в общественном месте.

Прижавшись спиной к дереву, я позволила лизать мой лобок. От горячей слюны волосы слиплись водорослями.

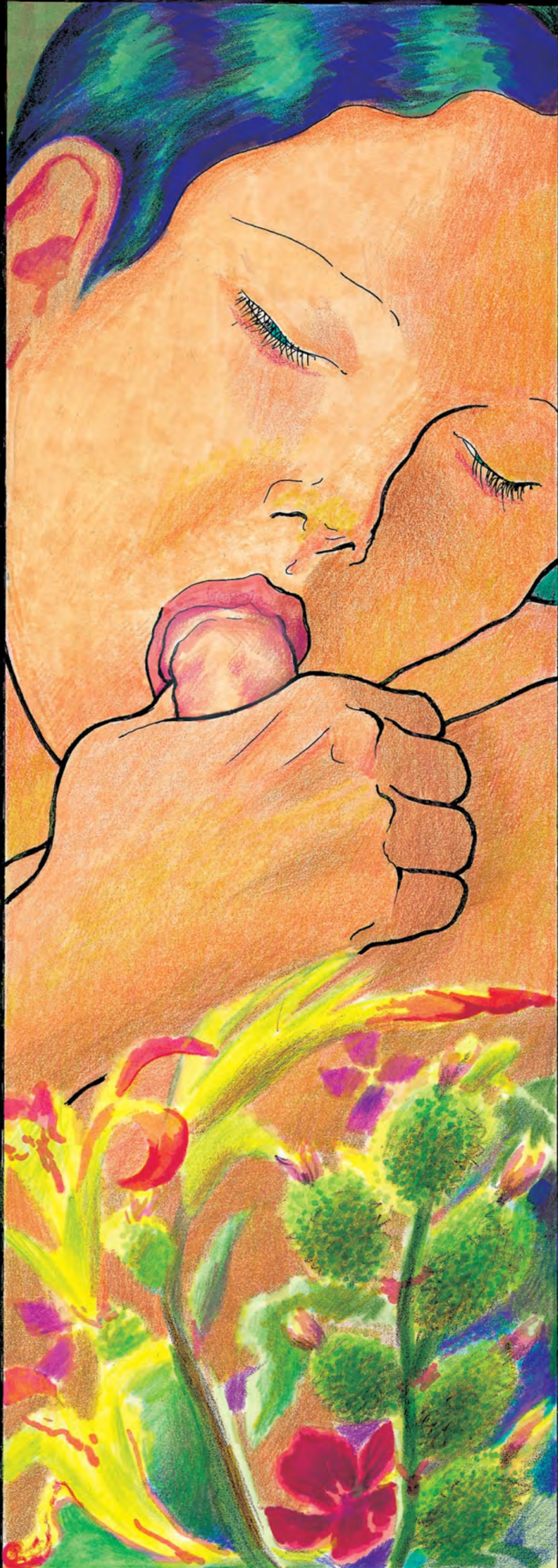
Он завалил меня себе на лицо, его язык бурился вглубь, как отдельное существо. Вынырнув, он говорил, как часто они с сестрой занимались этим ради развлечения.

Я представляла ее тонкие ляжки, жаркие на его щеках. Он сунул два пальца мне в вагину, и я испытала оргазм.

Он поднялся, с мокрым и блестящим лицом,
пока я пыталась опаматоваться.

Его пенис возделся к животу, слегка
подергиваясь в ритм сердцебиению, –
горячая ось, на которой вращалось
воскресное утро.

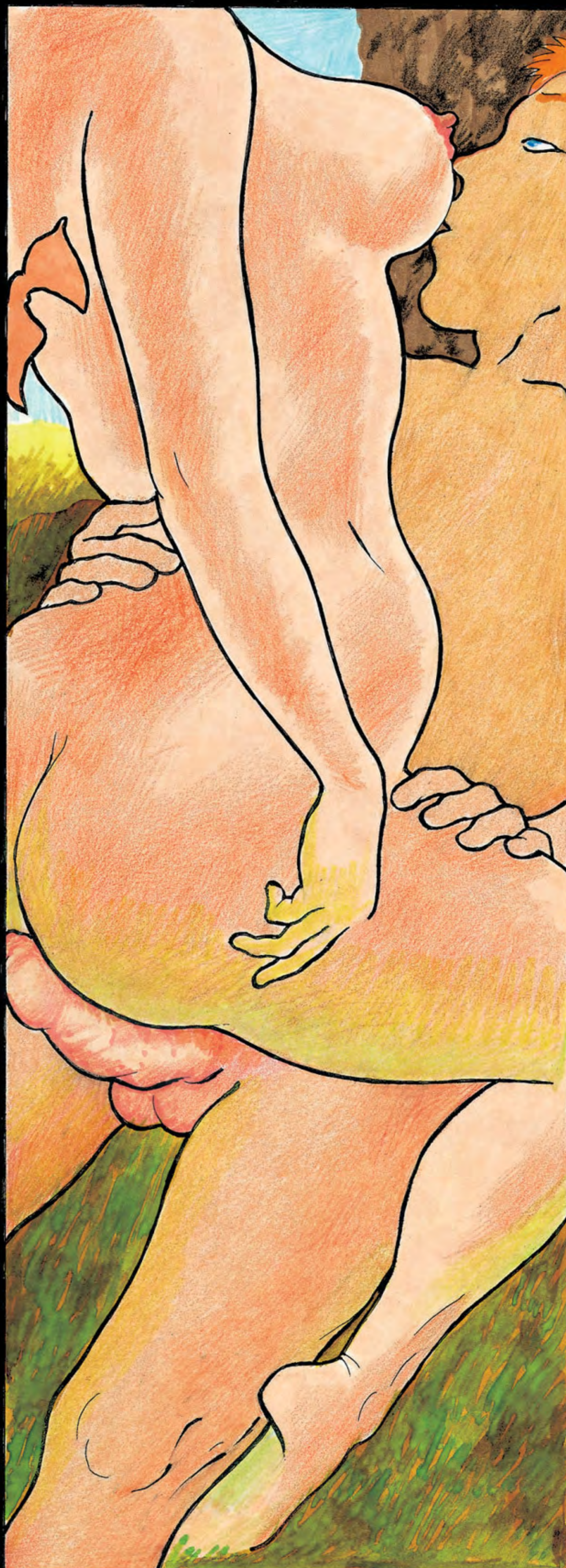
Он спросил, возьму ли я
его в рот, и я сказала «да».

Ощущение оказалось странно знакомым, буд-
то я уже делала это прежде, знала эту форму.

Толстый стержень скользил на языке, тупая
головка каталась по небу. Он велел быть осто-
рожнее, чтобы он не кончил.

Очередное слово феери.

Я думала о родителях, что бы подумали они,
если бы это видели. Сама мысль на удивление
электризовала.

Я забралась на него, чтобы он вошел в меня.
Оба мокрые от чужой слюны, миг мы ерзали и
скользили друг о друга, неумело и прекрасно,
словно ловили выпавшие мыло.

Слепая головка нашла норку и удержалась
внутри.

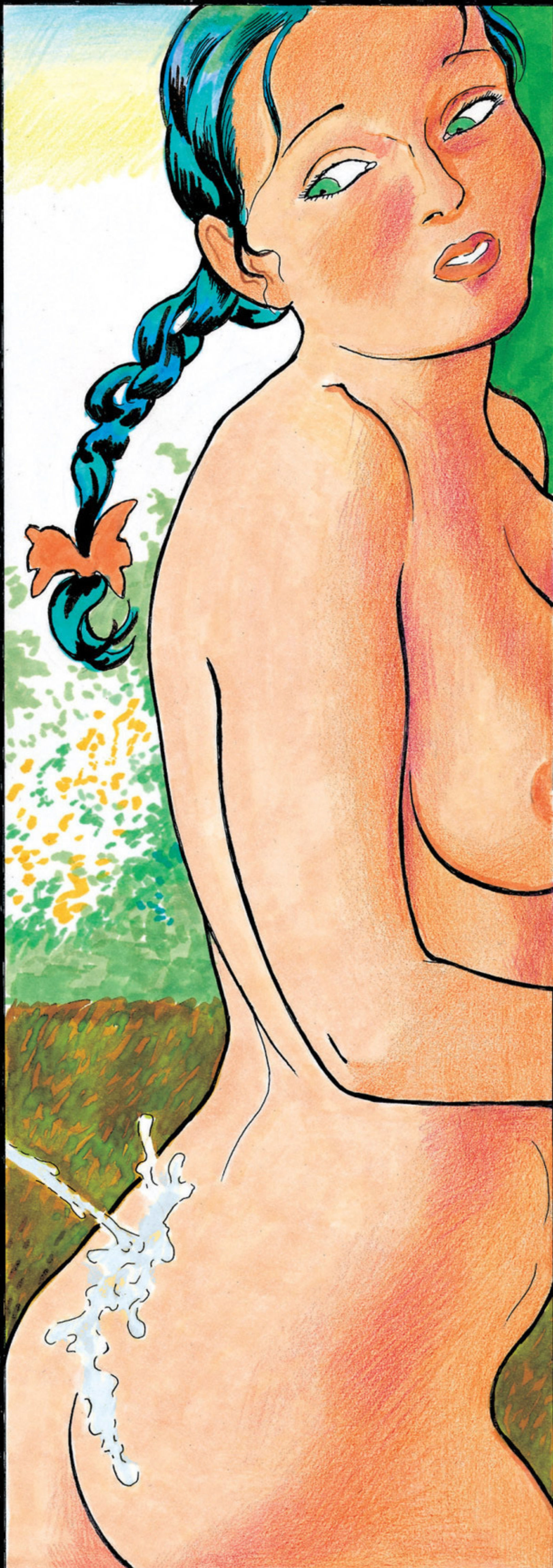
Дюйм за дюймом я опускалась на него.

Дюйм за дюймом в меня входило и протал-
кивалось новое, странное осознание.

Потом началось влажное, яростное шлепанье, словно между кораблей на приколе во время шторма.

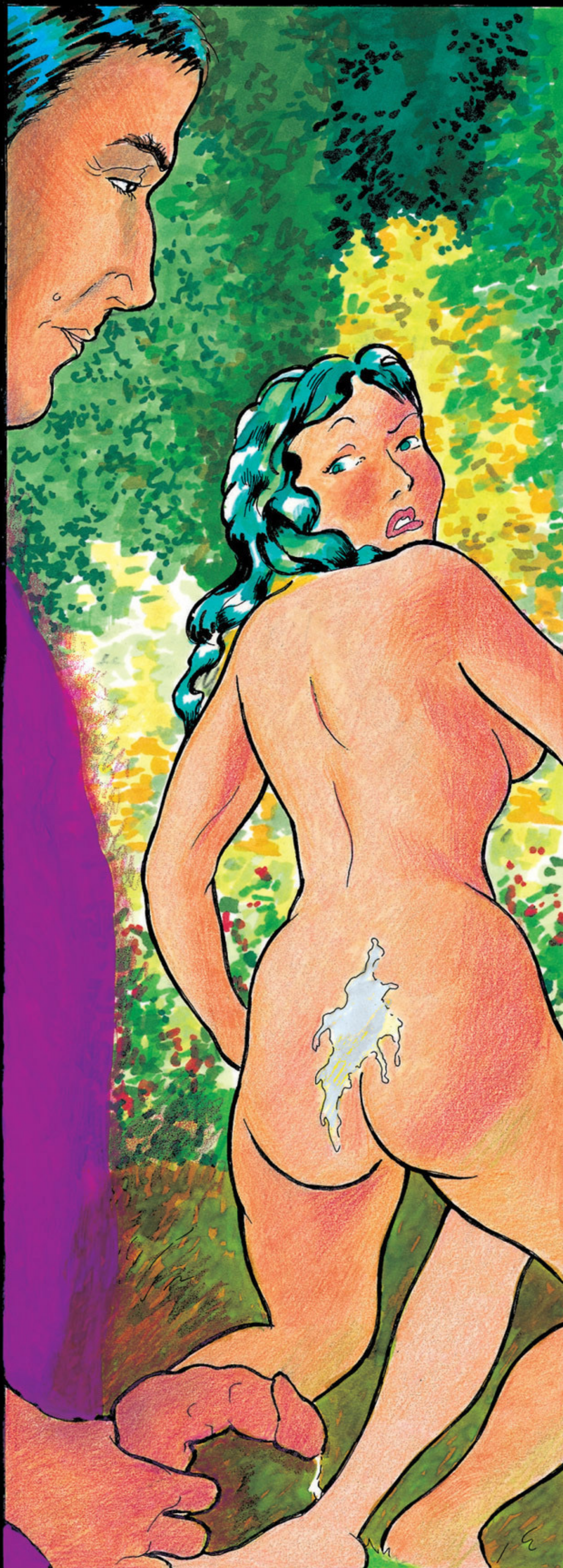
На полпути я обнаружила, что **сама** говорю на языке фейри: «еби меня», «хуем», и «кончи в мою пизду».

Так он и сделал. И настал идеальный миг в густом зеленом воскресном запахе мира вокруг...

А потом позади раздался стон, словно от снасти на ветру...

...и что-то теплое, как тропическая волна, плеснуло на мой хребет.

Все это время он стоял рядом и наблюдал в тених под деревьями, высокими, словно мачты.

Его скрюченная из-за артрита рука все еще ползала вверх-вниз по стволу его пистолета, уже разряженного. Он улыбнулся мне. Он выстрелил мне по корме.

Между ягодиц сбежал ручеек пиратского жемчуга.

Питер вскочил с криками, чтобы прогнать вуайериста. Оба их члена все еще были напряженными и плясали перед ними.

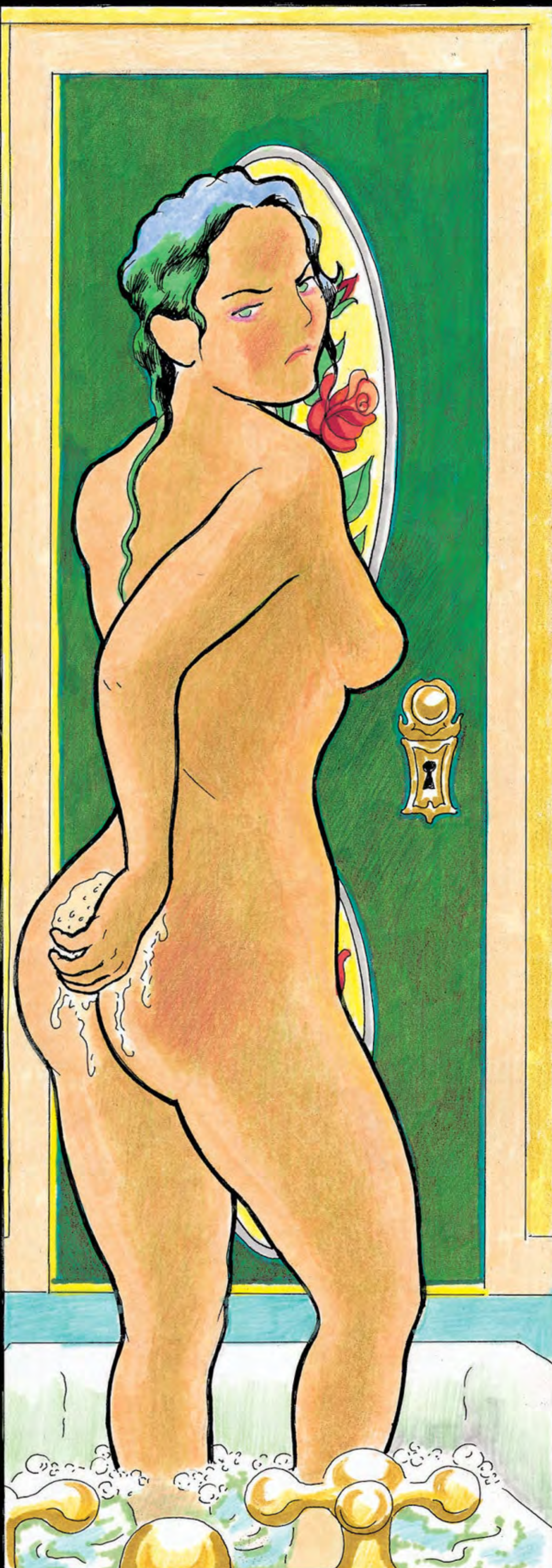
Это была так глупо и некрасиво, что я чуть не расплакалась.

Мы наспех оделись. Питер вытер пенис щавелем и засунул обратно в штаны.

Во мне, на мне было семя двух мужчин. Мое церковное платье гадко липло к спине.

Он довел меня до опушки парка, где, хотя и робко, мы поцеловались на прощанье.

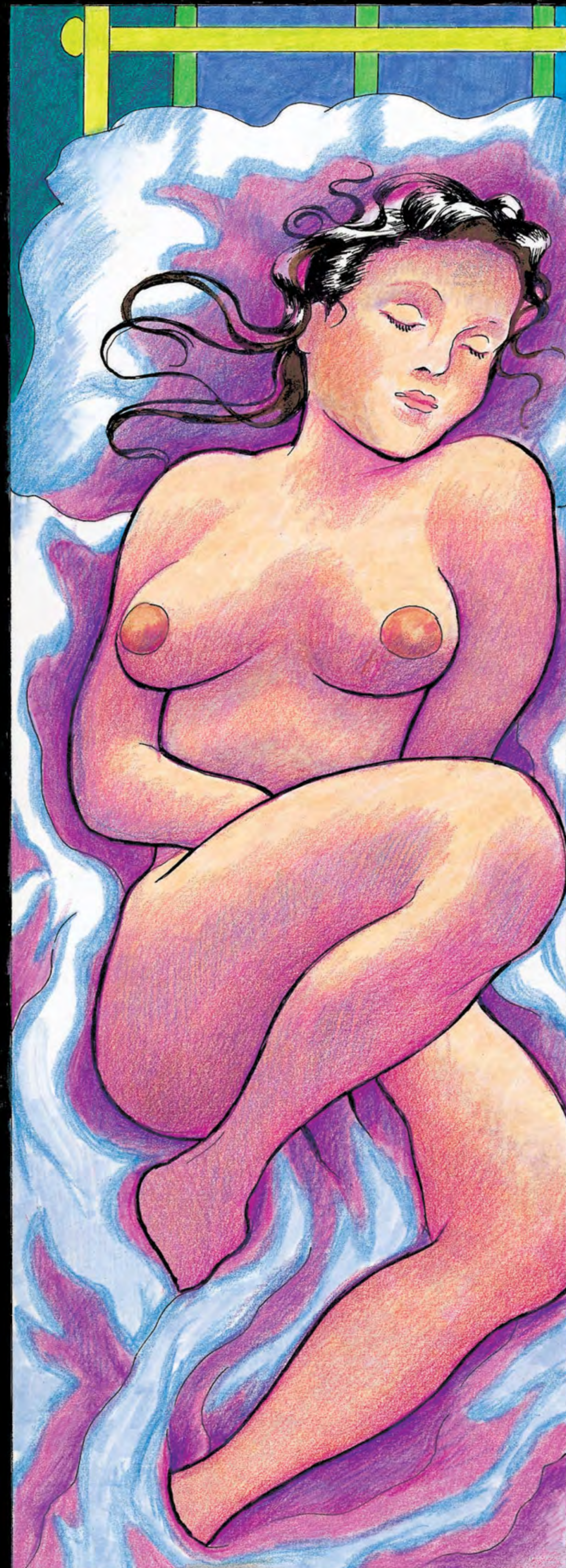
Почти все воскресенье я провела запершись в ванной.

Мне говорили, что с каждой эякуляцией мужчины высвобождают тысячу миллионов сперматозоидов. Я думала о них, о двух тысячах миллионов рыбок, потерявшихся в надушенной Атлантике моей ванной. Я выскребла ванную, потом наполнила, потом промыла ее второй раз.

Возвращаясь в спальню, я оглянулась на платяной чулан и увидела отца и довольно грузную и простую внешностью гувернантку, которую мы звали Наной.

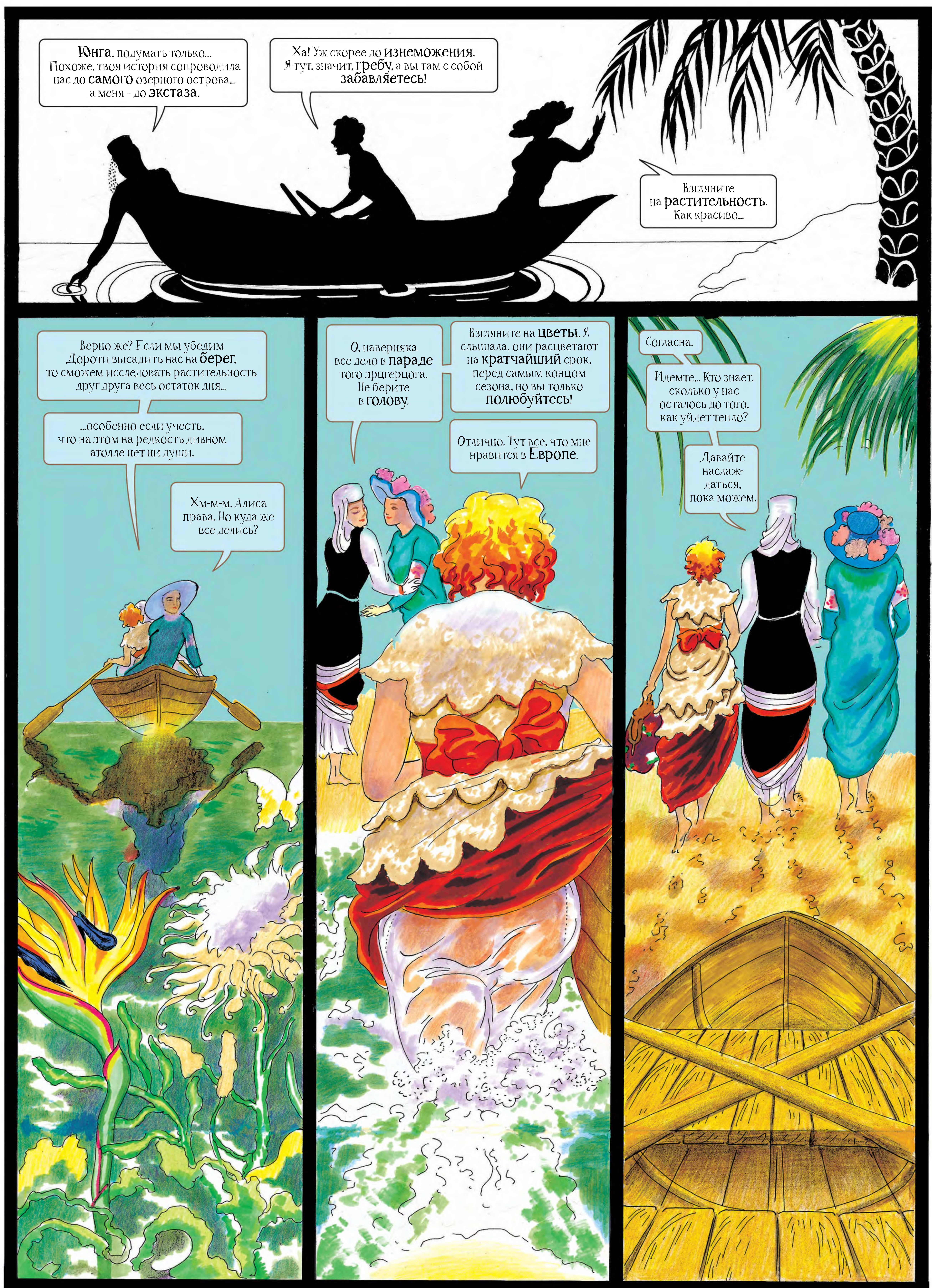
Они целовались, запуская толстые языки друг другу в рот. Одной рукой он сжимал ее грудь сквозь плотную ткань фартука. Никто меня не заметил.

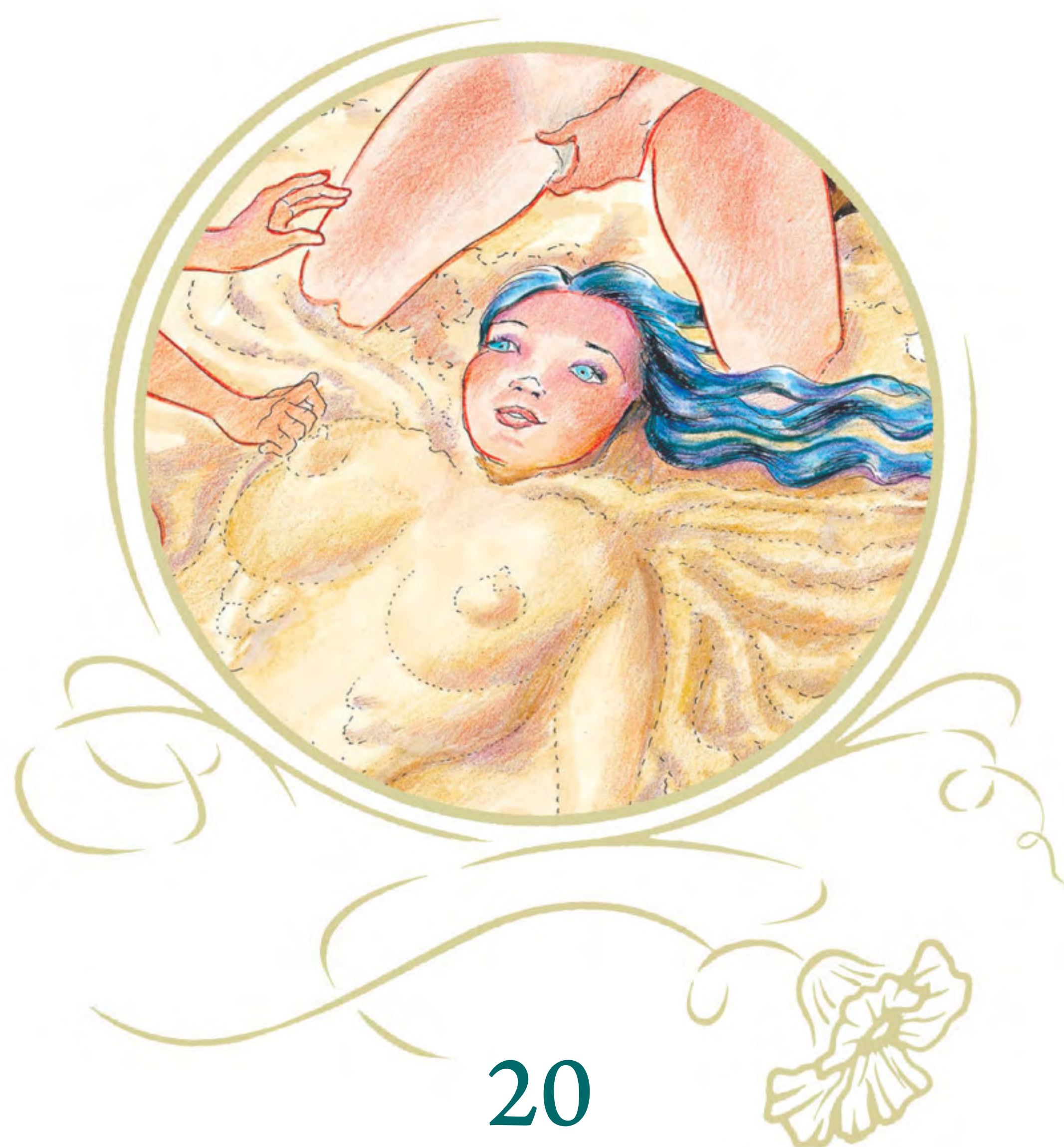
В постели я возбудилась. Это была сокрушительная, злая страсть, которую я сама не вполне понимала. Я довольно жестоко натирала себя между ног до упора, потом провалилась в припадочный сон.

Палубы выгибались как спины при спаривании. Сверкнули длинные мечи, и на них пролился жидкий, как сперма, лунный свет. Сны девочки-юнги».

глава

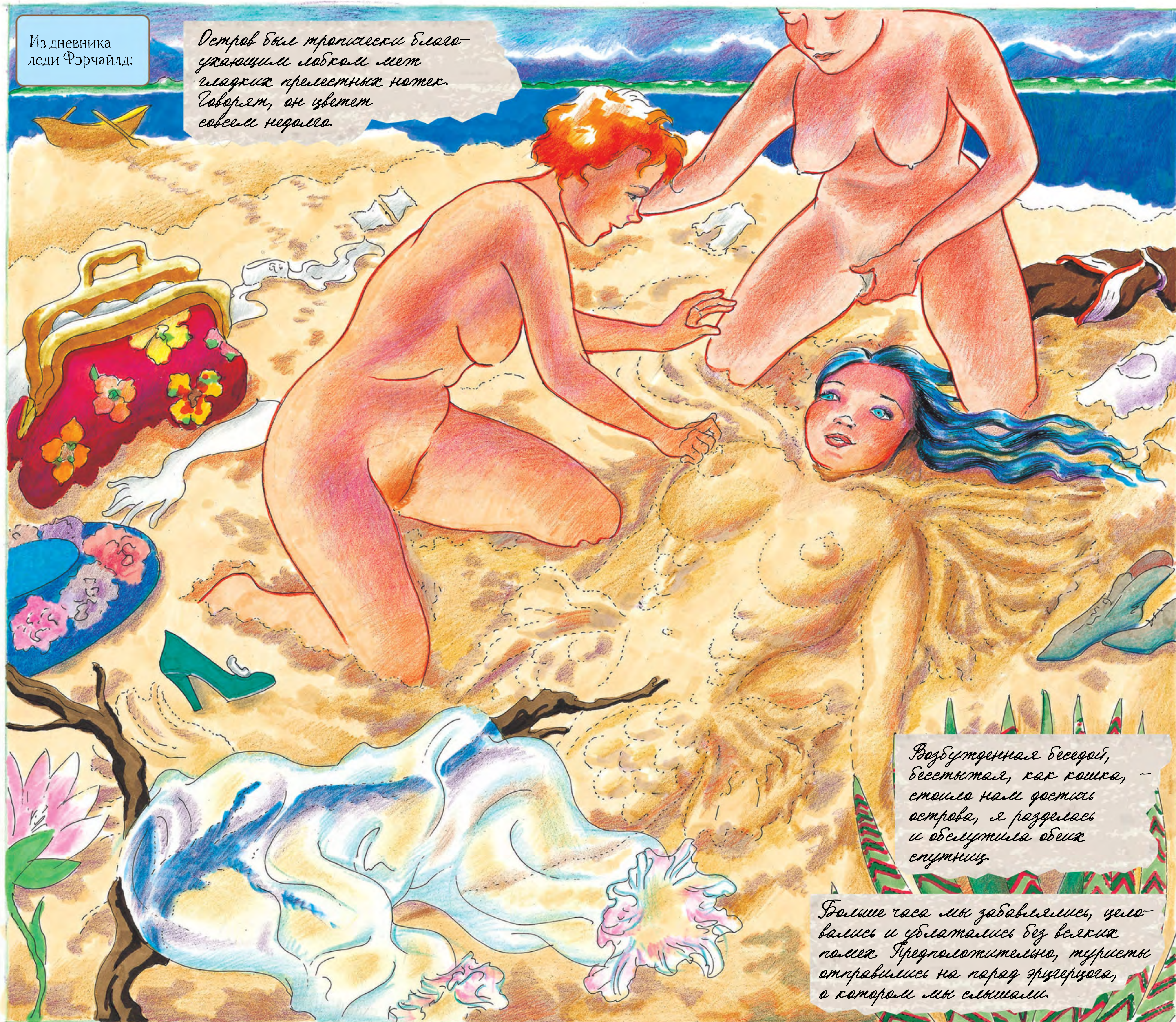

20

Стригает
меч

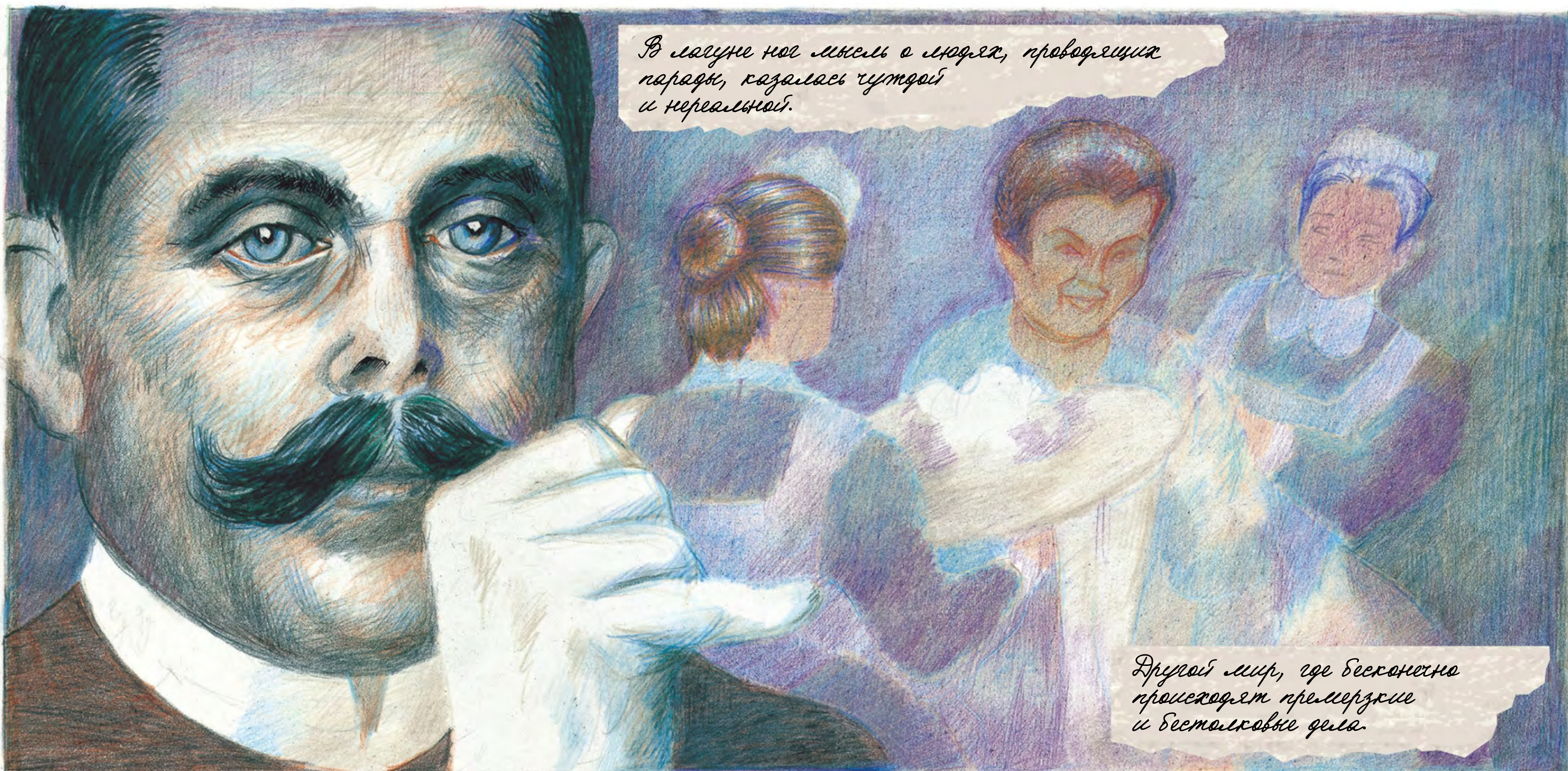
Из дневника
леди Фэрчайлд:

Остров был тропически благо-
ужающим: лобком лет
младки прелестныя нощи.
Говорят, он цветет
совсем недурно.

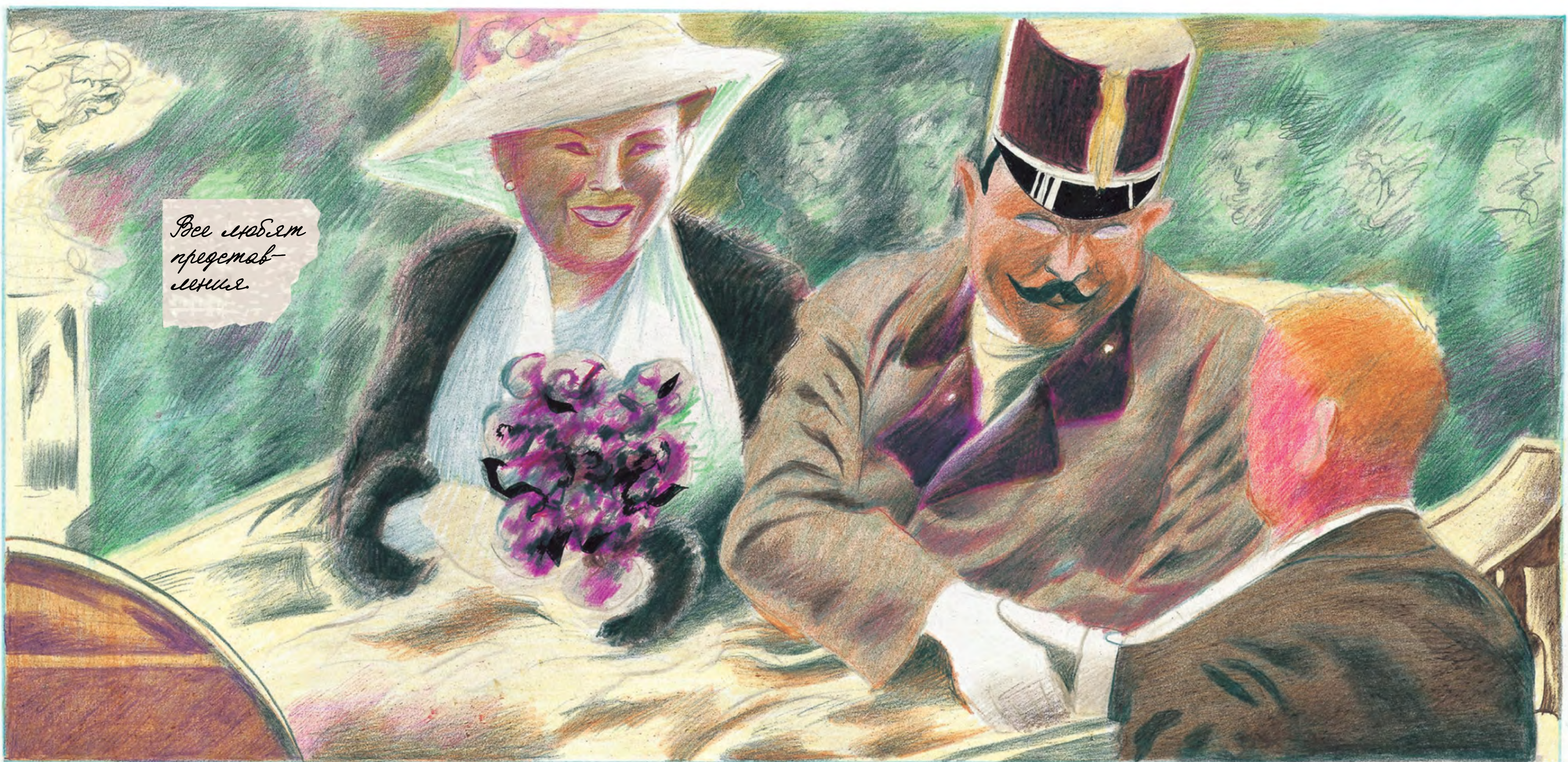
Возбужденная беседой,
бесстыжая, как кошка, —
сталила нам даться
ветрова, я раздвинулась
и обесшумила обеих
спутниц.

Больше часа мы забавлялись, цело-
вались и фликовались без всяких
намерений. Предположительно, туристы
отправившись на парад эризерового,
в котором мы сныжились.

В лагуны нос мисль о моряках, проводящих
парады, казалась чуждой
и нереальной.

Другой мир, где бесконечно
происходят премьерные
и бестыковые дела.

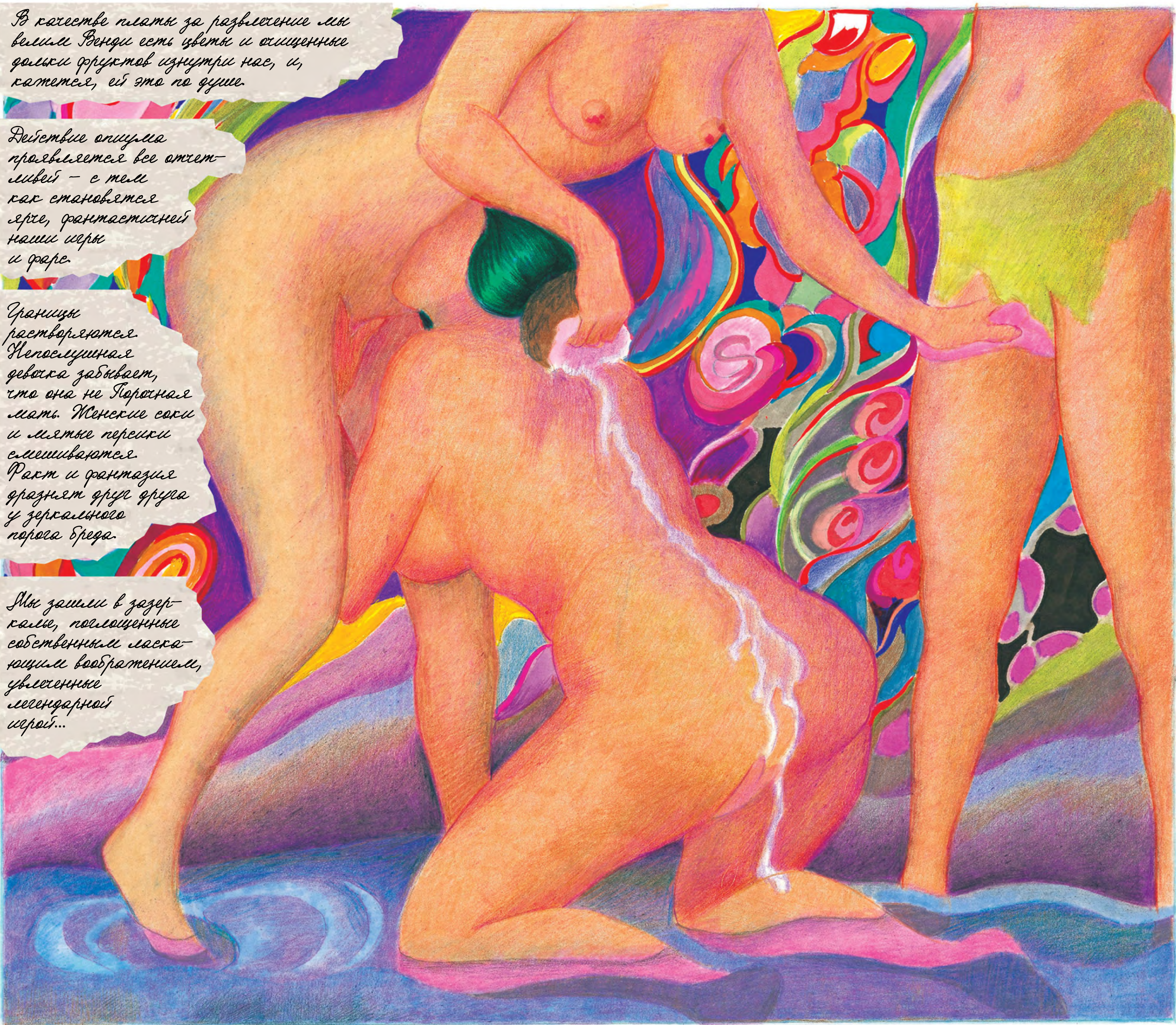

В качестве платы за развешение мы
велики Ренди есть цветы и ослепленные
долики фруктов изнутри нас, и,
кажется, ей это по душе.

Действие искусства
проявляется все отчет-
ливей – с тем
как становится
ярче, фрагментацией
наших игр
и драм.

Границы
растворяются.
Непослушная
девочка забывает,
что она не Горюхная
мать. Желтые саки
и летние перчатки
смешиваются.
Ракт и фрагменты
дрожат друг друга
у зеркального
порога бредя.

Мы зашли в зазер-
калье, посвященные
собственным маска-
ющим воображением,
увлеченные
легендарной
игрой...

Забывшиеся в порнографиче-
ском ритуале, где может
случиться что угодно.

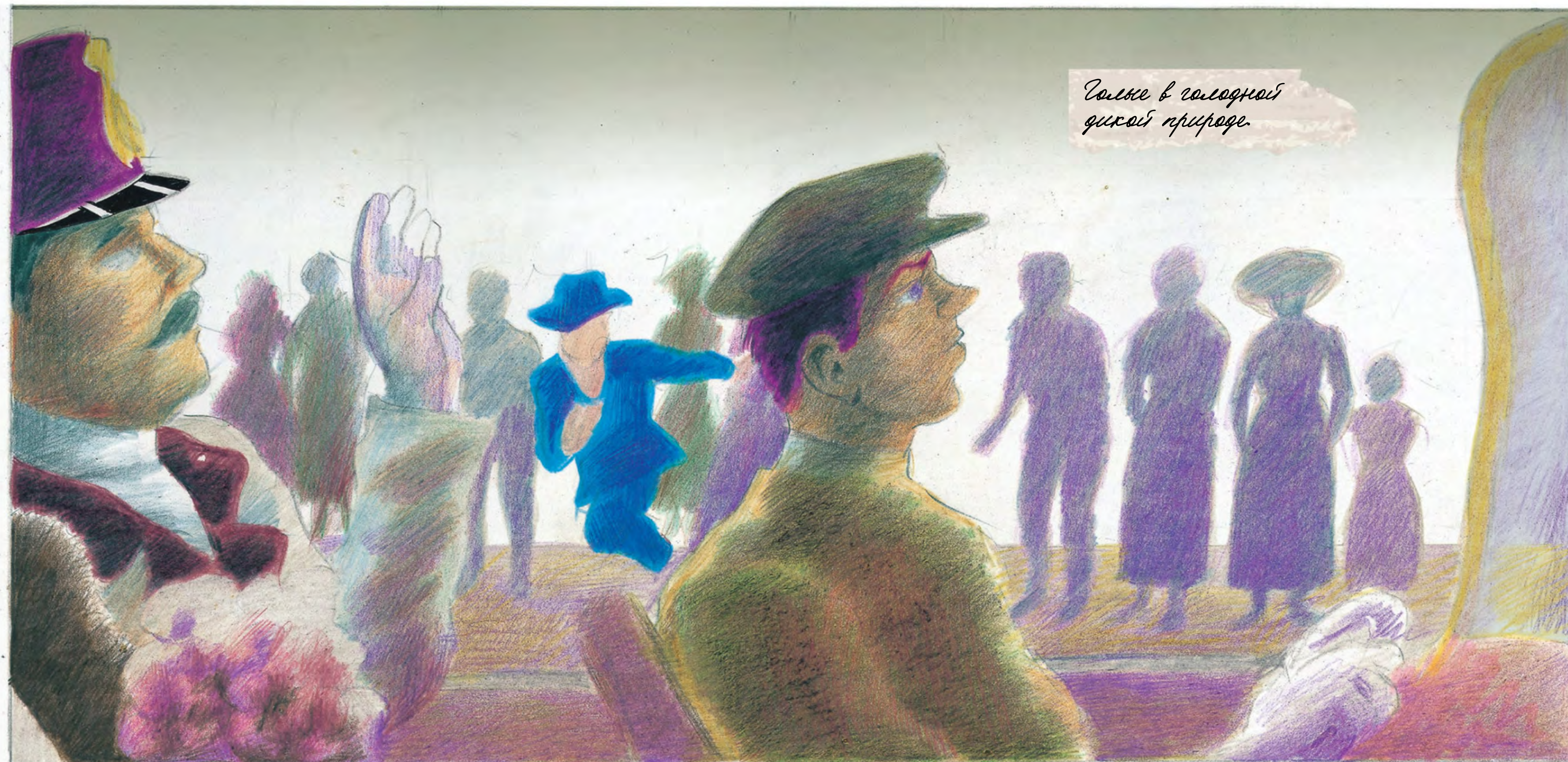

В наши глаза пынут маки, наши груди и задн
расположены и раскрашены галлюцинациями.

В суровое я нахожу двухсотлетний
содомит — гидрогелевый инертный,
который достается дерзкой Лоретой.

Моему опьянен-
ному взгляду
жаль и чудовищный,
он кажется ее
частью, а вечерни-
ки на ее твоем
сбавают по его
рубчатый ство-
лам; с рубчатых
голов соскаль-
зывает ее крайнее
плоть.

Мы кормимся
и брыкаемся,
словно похитители
в приоткрытый янтари
существо, проско-
ченные грезам
в щелке и
отуманен...

Восхи в соседней
дикой природе.

Мы провели тысячу лет
с кошками и мотыльками
в озерной орхидее, сосали
пятнистые чешуйки
леопардов и тили
на их селени.

Средь бирюзового
тарра акаций
с нами бесцельными
танцующими
одеждами за голова-
ми. Смертоносные
кобры стреляли
белыми змеями
между наших ног.
Обезьяны дрыгали
на наших затылках
пачки сичи
соскал...

Когда мы катались,
нашими ораками были
Африка, были канибалы,
были зебры в парике, что
ползает табуретом
по любовному виллу.

Была ярко-белая молния
в сумраке, как тростник, деревья.

Сон и страсти сбегают вниз
после своего пика, плавно
отступает пелена
опиумного сна.

Мы оказываемся в зрелище-
ской спирали раздвоенных
лепестков. Мои белые щек
стали метками Вонди.
Язык-молочек Дарати
писал сексуальную миниатюру
между моих губ.
Она стояла в мой передок,
а лицо Вонди слетело с
визитной и билетной
серьезности.

Мы стали едиными
оградами существами,
милыми собствен-
ной вагине, ленивыми
и удовлетворенными.
Жесткая пет-
ля конвульсирующего
сексуального муче-
ния. Урабное.

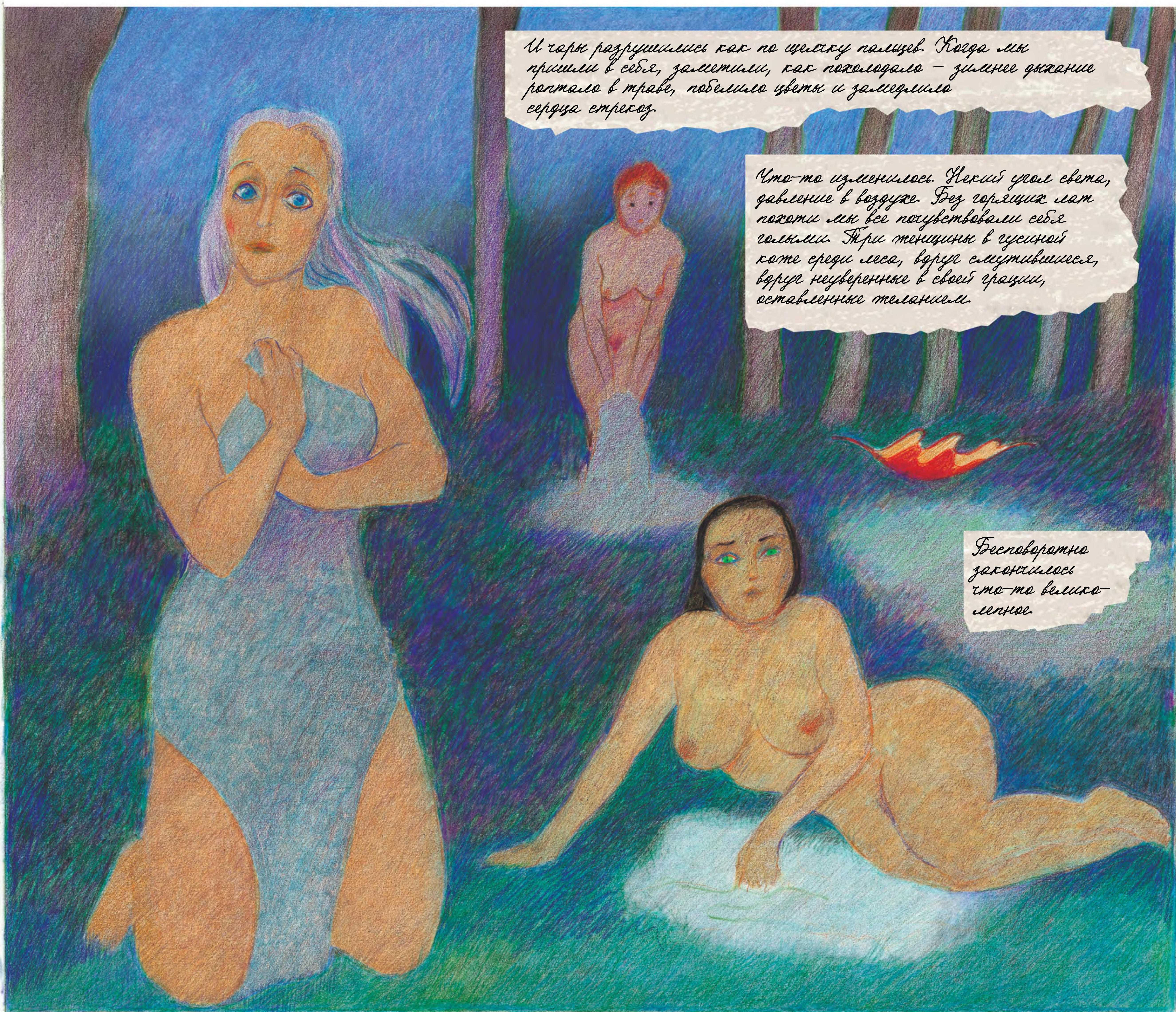
Эта весьма смелая драматичная
выдержка лишь лишь, затем
трезвость и вернувшаяся не-
когдашняя багровая пробужда-
ющаяся раздвоенная раздвоенная
визитная рептильная
круверть души.

Жесткая, я где-то читала,
что у этого самого эрзевцова
на груди вытатуирован змея,
прямо над сердцем?

И с чего я об
этом вспомнила?

Уверена,
это не имеет
значения.

По дороге к лодке
мы почти не гово-
рили.

Солнце практически закатилось, оставив торжест-
венный пестрый свет на западе. Над головой
не парили птицы...

Таму більше
не було.

Конец второй книги.

ПРОПАЩІЕ ДЕВЧОНКИ

Перевод: Сергей Карпов

Оформление: Insect Buddha,
Решетова, SWASH, Krow

Редактура и корректура: hpd(ip)

katab.asia

